The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

[**CONTENTS**]

"тридцать семь". девятый номер. январь-февраль 1977 года. ленинград.

"37"

№9.

СОДЕРЖАНИЕ

I. Из "Книги памяти Татьяны Гнедич"

стихи

Ю. Алексеев. "Затерялся. Зимний путь горит…"
"Природа помнит лица тех людей…"
"Адмиралтейскую иглу…"
Зимний сад.
"Приневской низменности низкие слова"
Н. Беляк Т. Г. Гнедич
Т. Буковская. "В апреле мыслимы такие вечера…"
Средневековый сюжет.
"Когда бы только эхо…"
"Нет, никто не поможет…"
В. Кривулин. Шесть стихотворений в память Татьяне Григорьевне Гнедич.
Б. Куприянов. Октябрь.
Новогодняя песня.
Рисунок.
Н. Лесниченко. "Захолодел последний город…"
"Деревья ночью так полны…"
А. Миронов. Путешествие
Русский Ренессанс.
Поль Валери.
В. Нестеровский. Тайная любовь.
"Мы сегодня больные…"
Стихи о ноге.
П. Чейгин. "Самурайского ветра депеша…"
"Доведу до последнего слова…"
"Трезвости хрустальный позвонок…"
"Притягивает гончая Земля…"
В. Ширали. Памяти Т. Г. Гнедич
Вид на Тбилиси из зависнувшего фуникулера.

переводы

с английского:

Д. Г. Байрон. "Как ночь, красой истязуя…"
/пер. Б. Куприянова/
У. Вордсворт. Написано на 3 сентября 1809 года.
/пер. Г. У./
У.-Б. Йейтс. Фрагмент из поэмы.
/пер. В. Кривулина/
Р. Киплинг. Цыганская тропа.
/пер. Г. У./
Г. Лоусон. О чем мы не можем сказать.
/пер. Г. У./

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

[**CONTENTS**]

с немецкого:
Готфрид Бенн /пер. В. Т./ Печали.
Тьма.
Март. Письмо в Меран.
Критская ваза.
Андреас Грифиус. /пер. В. Т./ Жалкая участь человека
Вечер.
Голгофа.
с польского:
Бронислава Островская. "На сердце крест окна…"
/пер. В. Нестеровского/
"Магдалина – лес в молчаньи"
с французского:
Тристан Корбьер. /пер. М. Я./ Посмертный сонет.
"Смеешься? Что ж…"
Грустный пейзаж.

II. ФИЛОСОФИЯ
Б. Гройс. Достоевский и Киркегор.
III. ПОЭЗИЯ
Игорь Бурихин. Пение посреди церковного года /книга стихов/
IV. ПРОЗА
Наталья Малаховская. Темница без оков. Повесть. /Предисловие Е. Пазухина/
V. ПУБЛИКАЦИИ
Неизданные письма Николая Гумилева. Сост. и комментарии Н. Голубева.
VI. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ
Диалог о современной русской поэзии. Д. С. – Пушкин и Бродский.
Диалог о современной русской поэзии. А. Каломиров. Иосиф Бродский.
VII. КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ
Г. Сомов. Разговор без елки.
VIII. ХРОНИКА СЕМИНАРОВ И ДИСКУССИЙ
5 декабря 1976. Дискуссия "Современное христианство"
Выступления: Б. Иванов, А. Александров, Л. Рудкевич, В. Пазухин, В. Веретенников.
6 января 1977. Дискуссия "Религия и национальный вопрос"
Выступления: В. Кривулин, Г. Григорьева, Е. Пазухин, Б. Иванов.
IX. ХРОНИКА КУЛЬТУРНОЙ ЖИЗНИ

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:
Горичева Татьяна Михайловна
Кривулин Виктор Борисович
Рудкевич Лев Александрович

АВТОРСКИЕ ПРАВА РЕЗЕРВИРУЮТСЯ

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 1**]

ИЗ "КНИГИ ПАМЯТИ ТАТЬЯНЫ ГНЕДИЧ"

Предисловие редакции

11 января 1977 года известной советской переводчице и поэтессе Татьяне Гнедич исполнилось бы 70 лет. Двух месяцев не дожила она до своего юбилея.

11 ноября 1976 года, вечером того дня, когда похоронили ее, за поминальным столом собрались молодые ленинградские поэты и переводчики, для которых Татьяна Гнедич была другом и учителем, благодарным читателем и строгим критиком. В этот вечер родилась идея – собрать и посвятить памяти Т. Г. Гнедич сборник стихотворений и переводов. В "Книге памяти Татьяны Гнедич" должны были принять участие те литераторы, путь которых в литературу неразрывно связан с именем Т. Г. Гнедич. Так получилось, что все эти люди принадлежат к одному поколению – поколению тридцатилетних, и для самых талантливых представителей именно этого поколения путь в литературу не был дорогой в официальную печать.

В процессе составления книги возник естественный вопрос: где будет издана она – в Ленинграде, за рубежом, или в Самиздате? Первое предположение отпадало само собой – всем здесь известна судьба предложенного не "сверху", а самими поэтами сборника "Лепта" – этой в лету канувшей антологии неофициальной поэзии Ленинграда. С другой стороны, издание за рубежом могло бы приостановить или вовсе закрыть выход собрания стихов самой Т. Г. Гнедич /ее первый сборник /!/ готовится в Лениздате/, которого она так ждала в последние месяцы жизни. Оставалось третье – и теперь читатель может ознакомиться с "Книгой памяти Татьяны Гнедич" через журнал "37".

Книга публикуется в журнальном варианте /в сокращении, без отдела "Воспоминания"/. Мы выбрали только стихи и переводы стихов.

РЕДАКЦИЯ

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

К 70-летию
со дня рождения
Татьяны Григорьевны Гнедич

Ю. АЛЕКСЕЕВ

Затерялся. Зимний путь горит.
Тянется белесая дорога.
И звезда с звездою говорит
Только между нами нету Бога.

Дальний друг, тебя ли позову
Спи спокойно, давняя подруга
Всё нормально, я ещё живу
Бледной тенью общего испуга.

Всё нормально, темный город глух
За спиной крыло поземки вьется
Холодно. Захватывает дух
Мертвый месяц в небесах смеется.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(5)
Ю. Алексеев

Свеча горела на столе,
Свеча горела…
Б. Пастернак.

Природа помнит лица тех людей,
Которым никогда уже не возвратиться.
Шевелиться листва, легко ручей струится
И вьется вереница светлых дней.

Закрой глаза – просторный мир приснится,
Закрой глаза и слушай, и молчи:
На сквозняке времен шевелятся страницы.
Скрипит перо, дрожит огонь свечи.

X X X

Адмиралтейскую иглу
Как спичку судный день надломит.
И город каменный во мглу
Архангел огненный уронит.

И вздрогнет в небесах звезда
И сверху с края и до края
Пространство хлынет как вода
Себя собою заполняя.

И сатана закован в лед
В средине облака земного
Узревши Господа Живого
Твердь сотрясая, путы рвет.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(6)
Ю. Алексеев

ЗИМНИЙ САД

О чем хлопочет зимний сад,
Куда летят листы сухие…
Слышны чьи-то голоса,
Мелькают тени голубые
Прошедших вычурных времен,
Когда звучала здесь мазурка
И грациозный котильон.

Век девятнадцатый у нас
Имел особенные свойства.
Вот Александр Бенуа
Ведет игрушечное войско
На площадь. Падает снежок,
Пищит фельдегерьский рожок,
В душе рождая беспокойство.

А где-то в поднебесной мгле,
Вертясь как флюгер на игле
Летит кораблик индевелый,
Летит, мерцая и светясь
И мы тропой заледенелой,
Зонтом от ветра заслонясь,
Спешим, во мгле теряясь белой.

И снег летит со всех сторон
И раздается вдруг трезвон.
Трамвай пути не разбирая,
Спешит, дорожка ледяная
Блестит. Мелькает желтый свет
И вьется вереница лет,
Поземкой зимнею играя.

Уже ли новая зима
Колдует, сводит нас с ума,
Заводит хриплую шарманку,
Сутулый месяц смотрит вниз,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(7)
Ю. Алексеев

Снежок ложится на карниз.
Над белой пустошью Фонтанки
Разбойный раздается свист
Летят в снегу чьи-то санки.

За ними дни мои летят
В саду серебряном теряясь,
В стекле зеркальном отражаясь,
Кружась в мазурке снеговой
Под злую музыку метели
Не те ли бесы залетели
Сюда дорогой столбовой.

X X
X

Приневской низменности низкие слова,
Больных друзей крикливые поступки…
И день нейдет, кружится голова,
На круги возвращается преступник.
Его влечет холодный зимний сад,
Он не причем, он слышит голоса
Людей любимых преданных любви
И возникает церковь на крови
И город дымный тянется за ним
Сквозь мрак и ветер, стужею казним.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(8)

НИКОЛАЙ БЕЛЯК

Т. ГР. ГНЕДИЧ

I

Как освежает осень после лета!
Дождей октябрьских ночные холода,
Бессонница дается без труда
И славно пишется до самого рассвета.

2

Лишь перед смертью осень так свежит,
Что кажется иного и не надо
Как только знать, что на аллеях сада
Листва опавшая так царственно лежит!

Осень 1975 г.

ТАМАРА БУКОВСКАЯ

В апреле мыслимы такие вечера –
вчерашний свет сгущается до сини,
но то, что было сумраком вчера –
сегодня свет, растёкшийся вдоль линий.
В апреле мыслимы такие вечера –
бездвижный мир мифически покоен,
незавершен, но так чудесно строен
и нету сил сказать себе: "Игра,
обман прекрасный, но недолговечный."
В апреле мыслимы такие вечера,
когда душа, что бабочка беспечна,
когда она младенчески светла.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(9)

Т. Буковская

СРЕДНЕВЕКОВЫЙ СЮЖЕТ

/Милосердие/

О, этот жест униженный – мол, "на,
Возьми, что есть…" А есть одна усталость,
На ладан дышит день, душа вольна;
Болеть и маяться, что ей еще осталось?
На голоса запеть, выть в голос, голосить,
Платочком скомканным в кармане затеряться,
Свет погасить, зажечь, уйти, остаться,
Быть милосердным, милость изъявить,
Кинжалом тоненьким, усмешкой белой стали
Души коснуться, словно уст устами.

x x
x

Когда бы только эхо наши речи.
Что за блаженство был бы разговор.
Не тяжестью ложились бы на плечи
Слова, но пестрый этот сор
По ветру нежному летел, куда придется,
Так перышко легчай шее взовьется,
покрутится, метнется, повернется,
Вот улетит; нет, нет – оно вернется.
Но то уже за благо почитаем,
Что общей речью утоляем слух.
Будь милосерден – утоли печали,
А жажду утолить – колодец сух.

x x
x

Нет, никто не поможет. А сам,
что ты можешь? Заплакать, убиться, смириться?
Нет, никто не поможет! Глазам
Больно слезы хранить, а слезам не пролиться.
Кто простит, кто отпустит /на волю? грехи?/
Кто колесико счастья так лихо закрутит,
Благодать и проклятье смешает, стихи
Пьяной кровью напоит и мертвою ртутью…
Кто же скажет мне, руку на лоб положив, –
"Нет ни боли твоей, ни печали, ни муки;
Ты умрешь – я умру, если сил хватит жить,
Что нам счастье, что радость – мы в вечной разлуке!"

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ВИКТОР КРИВУЛИН

ШЕСТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ В ПАМЯТЬ ТАТЬЯНЕ ГРИГОРЬЕВНЕ ГНЕДИЧ

СЕДЬМОЕ НОЯБРЯ 1976 ГОДА

Солнце лопнуло, когда пришлось на слом
карточки почтовой. Согнут угол.
Кипарисы, нанесенные углем,
конусами тянутся к луне –
черные воронки вырываются из круга
жизни, схваченной вчерне.

Солнце сбоку. Женщина и тень,
стрелка в дышащем приборе.
Ярок циферблат и слишком ясен день.
Две стены деревьев – посредине
треугольное всё громче море…

1976 г.

НА ПУТИ В ПУШКИН

I

Уменьшаясь, окрепло. Себя ограничив, нашло.
Чем точнее, тем мертвенней слово –
льется оловом неба для сада, для дня золотого,
сквозь воскресное светит число.

Ограничен поездками за город по выходным,
и вокзал разведен в риторическом стиле –
чтобы через Обводный канал не колеса – крыла проносили,
восхищая к полям неземным.

Но как мертвенно плыть на холодных путях
к детскосельскому раю, где плоским
возвращается стеклышком детство – стеклянным подростком,
смуглым отроком с мукой в устах!

Приступает пора уточненья. Тончит
нитка жизни – чем тянется дальше,
тем слабей и воздушнее слово, лишенное фальши, –
лишь верхи куполов золотит…

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(11)
В. Кривулин

2

и когда именами друзей, именами любимых пестрят
стихотворные строки,
я завидую щедрости, я отвожу одинокий
и скудеющий взгляд.

Обращенья мои безымянны, безлик адресат.
Словно брызги в потоке,
долетают слова, попадая в глаза, – и жестоки
на ресницах висят.

Но когда изувеченным эхом вернется назад,
в ухо, голос далекий,
или ветер, свистя в босоногой осоке,
полосует кусты или сад,

элевсинскими толпами листьев обрушась на копья оград,
на панель, в водостоки,
наполняет и зренье и слух – и когда, златооки,
дни в зенице стоят, –

невозможная щедрость ладони мои разожмет,
вложит легкое имя
ко всему, что глазами владело моими,
что сводило в молчание рот.

Осень 1973 – осень 1974 г.

ФЛЕЙТА ВРЕМЕНИ

О времени прохожий сожалеет
не прожитом, но пройденном вполне,
и музыка подобна тишине,
а сердце тишины печаль не одолеет,

ни шум шагов, бесформенный и плоский…
Над площадью, заросшею травой, –
гвардейского дворца высокий строй,
безумной флейты отголоски.

бегут козлоподобные войска
и Марсий-прапорщик, играющий вприпрыжку…
Вот музыка – не отдых, но отдышка.
Вот кожа содранная – в трепете флажка!

Прохожий – человек партикулярный –
парада прокрадется стороной…
Но музыка, наполнясь тишиной,
как насекомое в застылости янтарной,

движенье хрупкое как будто сохраняет,
хотя сама движенья лишена.
Прохожему – ремни и времена,
а здесь возвышенная флейта отлетает!

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

В. Кривулин

И зов её, почти потусторонний,
её игла, пронзающая слух,
в неслышном море бабочек и мух,
на грядках рекрутов, посаженных в колонны,

царит и плачет – плачет и царит…
И музыки замшелый черный ствол
в прохожего занозою вошел,
змеёй мелодии мерцающей обвит.

1972 г.

КЛИО

Падали ниц и лизали горячую пыль.
Шло побежденных – мычало дерюжное стадо.
Шли победители – крупными каплями града.
Горные выли потоки. Ревела душа водопада.
Ведьма истории. Потная шея. Костыль.

Клио – к тебе, побелевшей от пыли и соли,
Клио с клюкой над грохочущим морем колес –
шли победители – жирного быта обоз,
шла побежденная тысяченожка, и рос
горьких ветров одинокий цветок среди поля.

Клио с цветком, голубая старуха долин,
Клио с цевницей и Клио в лохмотьях тумана –
словно лоза бузины шевелится несвязно и пьяно,
всех отходящих целуя – войска и народы и страны –
в серные пропасти глаз или в сердце ослепшее глии.

1972

x x
x

Который человек не чувствовал родства
с оторванной ладонью клена,
испепелённой по краям?

Из недр иного существа
который человек не взглянет удивленно,
осенним солнцем осиян?

Для просветления достаточно упасть
и тлеть, и корчится, как листья под ногами,
и каблуком на собственную кисть!

Который человек – страдательная часть
взметнувшегося ветра убеганья –
откликнись или обернись!

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

В. Кривулин

Чем хочешь обернись, но только не собой –
трамвайным ли стеклом, известкой ли ущербной,
или осколком кирпича…

Я пасынок природы городской,
Я – падающий сквер средь падали и скверны.
Я пыль заблудшего луча!

На Севере души зеленым жить грешно.
Деревья мокрые покрыли мостовую –
но плоско им, наверное, расти…

Который человек – он кончился давно,
оставив сад и сырость остальную
и дуновение пути

БОРИС КУПРИЯНОВ

ОКТЯБРЬ

Недоумки – цветы, красота – красотой.
Зацвели, отцвели, засыпают.
Змеи выцветших трав под моею пятой
Ничего о подошве не знают.

Сколько легкой листвы, непрочтенных существ,
Нечитабельных трав и былинок!
Недочитанный сад в две недели исчез –
Непрозревший венок паутинок.

Знает солнца стихия себя самое.
Время верит себе да и только.
Для кого это ветер сегодня поет?
Кто сегодня умрет и во сколько?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(14)

Б. Куприянов

НОВОГОДНЯЯ ПЕСНЯ

Шлейф високосного растаял в облацех.
Серебряная ртуть покрыта мутной грязью.
Пусть незабытый год, как сумасшедший смех,
Звенит в ушах и вдохновеньем дразнит.

Судьба насобирала столько звезд!
И столько на ветру гасила свечек,
Что не осталось за душою мест,
В которых мог бы хохотать кузнечик.

Но смейся, пой и говори слова,
Взволнованные красотой двуличья.
Так на войне за год давали два,
А сколько нам дадут за годы птичьи?

Пой, человек, изменчива цена
Всему, что есть, но остается слово.
Да здравствует святая старина
И семьдесят четвертая обнова.

РИСУНОК

С нищенской чашкою чая в руке,
С чашкой, блеснувшей в очках и зрачке!
Только с дрожащей рукою в рывке
Музычка эта была вдалеке
несозерцаема тьмой.

О, обнадежа – мелькнувшая длань!
В беглом соитии ложка и склянь,
Знатный буфет лакирующий глаз,
И за окном, посмотревший на нас,
Ангел умеющий ждать.

Мы проследим безутешную мглу,
Вилку приметим, поднимем иглу.
Ласточку в небе прочтем не одну.
И никому не поставим в вину
Зыблемость света в потьмах.

Неоправдался, но краешком тьмы
Так заслонил себя, словно не мы,
А отражение нас из тюрьмы
Крадется. Вольные наши умы –
Узники и сторожа.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

НАТАЛЬЯ ЛЕСНИЧЕНКО

Захолодел последний город,
И Млечный путь в Неву стекает.
Так медленно слова стихают
И холод наполняет горло.
Волна из Финского залива
Дошла до царскосельских вишен.
Чей голос мы теперь услышим
По-старчески неторопливый?
Несчастный перепутав сроки,
Все лица соберутся в стаю –
Какая черная летает!
Как тесен небосвод высокий!
И можно об одном молиться,
Когда моя пора настанет,
Чтоб в этот свод и эту стаю
Не торопились ваши лица.
XI.1976

Деревья ночью так полны
Своей тяжелой тишиною,
Зеленым запахом луны,
А проще говоря – луною.

Одна пропащая луна,
Одна гулящая Венера –
И жизнь просвечена до дна,
Но временем и мерой
Дано сегодня управлять
И повернуть судьбу на
чудо,
Лишь повторяя: благодать…
Лишь повторяя: буду, буду…

Дождем июльским в лунный дым
Перетекать, играя светом,
И задержаться четверым
На сгибе осени и лета.
1976

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

АЛЕКСАНДР МИРОНОВ

ПУТЕШЕСТВИЕ

Душа моя, что спишь? Воспрянь, оденься,
Привыкни к первозданному труду
Творенья слов. О, лепет без младенства,
Дурь без вина… Parole… Мы в аду

Зеленых смыслов и созревшей скверны,
Где Флора нам являет чудеса…
Ваш труп, Ти Эс, созрел наверно,
Над Темзой, где так страшно воскресать?

А впрочем, избежим пустых вопросов –
Перо скрипит, и слов невпроворот…
Ваш меч, Бретон, уже расцвел, как посох,
В стране, где Сам Себя не узнает.

Там, наверху, всё воедино слито,
А здесь вся чертовщина заодно;
Жан-студиозус Ареопагита
Нам крутит запоздалое кино:

Всё об одном: как отыскать подругу,
Как стать поэтом, голубем, цветком…
Осточертело. Я летел по кругу
В то время, как Вергилий шел пешком,

В то время, когда ткались договоры,
Совсем как приговоры – НИ О КОМ –
Двух демиургов европейской флоры,
Писателей с гремучим языком,

Двух филинов постевропейской ночи,
В то время, как божественно цвела
В кругу своих последних одиночеств
Воспитанница Царского Села:

Всё вспоминала Тётя: тени, даты –
В плаще, в плюще, в кровавом домино…
Иные разобраться будут рады
Кто, где да в чем, а впрочем, всё равно…

Parole… Мы пьяны… Persona Grata
Зовет меня. Я думаю, уволь,
И намекаю: как-то поздновато,
Который час? Он отвечает: ноль.

Знак всех времен, геральдика Отчизны,
Ноль – это ноль – и больше – ничего:
Густая плесень Флоры, лепет Жизни
И Фауны глухое торжество.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

РУССКИЙ РЕНЕССАНС

Я не знаю, откуда пришел и куда он уходит,
Каждый год зажигая сентябрь, семисвечник багряный:
Так еврей-бессеребренник кистью волшебною водит,
А потом умирает и в славе своей безымянной.

И подобием страшным Замлечного Дивного Духа
Золотистый обман воцаряется словом расхожим,
Вновь касается острого зренья и терпкого слуха,
Теплой твари словесной, золотистой и розовой кожи.

От осеннего блуда, от простой и слепой пятерицы
Разоряется время и осень и семя и сени;
Так немотствует инок в сетях роковой огневицы,
Неподвижной, осенней, прелестной, мечтательной лени.

То мирская отрада-мгновенье равностоянья,
Равнобедренность слов, параллели имён и созвездий,
Разорение Розы, геометрия Иня и Яня,
Богословские споры, петушиный зори поместий;

То мгновение мира: желтизна, белизна и краснуха,
Увенчание праха, как будто не выжить без страха,
А за сим – царский знак немоты – отрезание уха,
Возрождение в прах и восторг бичевания праха.

Здравствуй, Осень! Вчера мы с тобой полагали причины
Адюльтера – без Века, без Духа, без Мужа.
Здравствуй, сладостный миг жизнестойкой и терпкой дичины –
Безоружного слова вороний, безрадостный ужин.

_____

ПОЛЬ ВАЛЕРИ

Проницательный лев очарован крупой Ренессанса,
Голубиной мадонной с младенцем крупозным и влажным
Велиаром глумливым в глубоких глазах белошвейки,
Буржуазною пеной молочного Нового Света.

Президент голубей, погруженный в метафору мира,
Величаво царил галльским гребнем на черном Олимпе,
Над куриной вознею согласий и разноголосиц
Он следил колыханье зернистой и праздничной пены.

_____

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ВЛАДИМИР НЕСТЕРОВСКИЙ

Тайная любовь

Она созревает, как заговор,
Рождаясь из жгучих дискуссий.
И ходит, и мыслит зигзагами,
И ищет бесчестье в искусе.

А можно? а нужно? не страшно ли?
За страсть тяжела ли расплата?
И ночью бессонною кашляет,
В семье не желая разлада.

Дрожит, от волненья сутулится
Под клятвы жестоким надзором.
И бродит, и бродит по улице
Нахохленным птичьим дозором.

Бесцветной, чужой, непримеченной
Старается быть на приеме…
Но – баста! И явится вечером,
Застынет иконой в проеме.

Луна через облако свесится,
Но сдвинутся плотно гардины.
И фосфором сдержанным светится,
И кротость, что паче гордыни.

\+ + +

Мы сегодня больные, мы шалые,
Мы влюбленные напропалую.
Магдебургские полушария
Губ, сомкнувшихся в поцелуе.

Не страдали, не сохли, не плакали,
Не ходили по звездному кругу.
Это вакуум, это вакуум
Нас бросает в объятья друг к другу.

Плат небесный в мерцающих оспинах
Заменил подвенечное платье.
Не прерви сновидения, Господи,
Преврати свою вечность в объятья.

Что нам Гамлет, зачем нам Горацио!
Мы болеем, но сладкою болью.
То, что днем притворяется рацио,
То становится ночью любовью.

Мы в летящей ракете, мы узники,
Нас святая горячка колотит.
Только высший порыв, только музыка –
Даже странно не чувствовать плоти.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Мы от мира ушли, мы в изгнании.
О любовь! – монастырь, одиночество.
Мы бессвязные речи признания
Принимаем, как высшие почести.

Мы ее не искали: так вышло.
Мы пропали для дружбы – скорбите.
Мы одни на Земле, только слышно,
Как планета скрипит по орбите.

СТИХИ О НОГЕ

Средь мутных физиономий
Скандалит старик безногий.
Язвят фронтовые медали.
Крути, инвалид, педали:
Тебя не поймут в гастрономе.

Здесь лбы – как у танковых башен,
Но ты не на Курской дуге.
Давай напишу, папаша,
Стихи о твоей ноге.

По травам, по скачущим росам
Бродила, топтала стога,
Смеялись на гульбищах босо
Живая твоя нога.

Война подкатила к порогу –
Ступеньками вскрикнул порог.
Твою развеселую ногу
Одели в солдатский сапог.

Я вижу в горячечном мраке:
Костями врагов хрустя,
Мелькает нога в атаке,
Как черный обугленный стяг.

О преданность пули патрону!
О верность ноги сапогу!
Вдруг огненный шквал – и к Харону
Обрубок летит сквозь пургу…

Болят твои рваные раны.
Но светлые слезы лия,
Является вечерами
Подруга – ногиня твоя.

Она мельтешит, беспокоится
И в горестной тишине
Садится пить водку, покойница,
С тобою наедине.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ПЕТР ЧЕЙГИН

Э. Л.

Самурайского ветра депеша на влажном листе
на орешник ложится, тревожит закладку Успенья.
Горе лешему мне, горе плыть в неусыпной ладье.
Брать призы облаков, слышать хохот и рев соплеменья.

Сон любезный придет и скользнут облака кто куда.
Почва пустит слюну, многотомное тело раскроет.
Ждет в сторонке звезда, голубая пылает вода…
Дай мне следы убрать, это все твоей жизни не стоит.

\+ + +

Доведу до последнего слова,
дай мне вспомнить мою немоту.
В первой смерти, как дома, –
жар полета на спелом ветру.

Что на рваном ветру?
Три совета отточенной влаге?
Три пореза суровой бумаге?
Медь заметок к утру.

Сила слез поутру –
чешуя кожуры водоема.

В первой смерти, как дома.
Заклинаю, ведущий, знакомо.

Проклинаю свою немоту.

\+ + +

Трезвости хрустальный позвонок
чище Солнца и честнее яда.
Утро рукотворного наряда –
паутина беженки наяды
дергает за шелковый звонок.

Горько мне гореть ручной звездой
и плывущим в иле отзываться.
Горько в рваном плеске называться
плавным змеем и с тобой сравняться
плоскостью, где жнет телесный зной.

Горько, что обряжен правотой
тополиных муравейников Гостилиц…

Сладко бесу свадебной порой.

\+ + +

Притягивает гончая Земля,
притягивая гончих насекомых.
Резной рассвет определений новых

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

и холод, затихающий в стаканах
прольются вспышками древесного огня.

Сторожевая вылитая лень
в накидке инкунабулы немецкой
сор неба отмывает. Поиск женский
глухой занозой тлеет на Вселенском
объятном ромбе, мчит ветвистый день.

Лети, глазастая гремучая звезда!
Над раструбом болот и легким небом.
По плоскостям, заговоренным Фебом.
Между Петром, Борисом, Павлом, Глебом.
Ясней и милосердней. Без следа!

Лети на тайнобрачный город мой
голосовой затеей верных зданий.
Лети бездонно-чисто, мерой в раме.
Прицельным блеском, взятым тетивой.

Ночь на 10 марта 1975 г.

\+ + +

Нет милосердней и смелей
Весны на первой трети мая,
когда не трель-вожжа больная
гудит, песчанник разрывая,
и лес в дыму и блеск зверей.

Все чересчур и тем верней,
что на коленях, между верб,
стоишь и молишься на серп,
и говоришь, не остывая:

Как переходит берега
волна наклонная, меняя
февральский пласт и комья мая
на Высь, открыта и легка.

ВИКТОР ШИРАЛИ

Памяти Т. Г. ГНЕДИЧ

Тяжелая
Набрякшаю болезнью…
Венозный дряхлый шелк
Приподнятой руки
– Как полагаете, я поживу еще?
/Хотя бы с год еще

Так надобно и связано
Она жила…/
железного среди

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Прощай серебряный
В лицейской позолоте
И руки сложенные на груди
И век
Целую
На последней ноте.

ВИД НА ТБИЛИСИ ИЗ ЗАВИСНУВШЕГО
ФУНИКУЛЕРА

Главное друг не висеть.
Главное друг двигаться, брат.
Разъедает меня этот вид в состояньи покоя,
Это слишком красиво,
Этому надо краснеть.
Но зеленого
Сытного
Не блокадного это покроя.

У профессора …..надзе дочки
/Тринадцать, четырнадцать лет/
Я еще ничего.
Подожду и женюсь.
Но какую?
Так вопрос сей свободен
И так безнадежен ответ
Ибо что я могу им
Помимо?
Повялой своей душою.

Эти девочки
Каждая счастье
А два не впродых
Это южная темень кобылицами юными бредит
Это осень моя
Мне весенний готовит подвох
Это радуюсь я
Это строчки меня колоброд ят

Что сказать о Тбилиси?
Помимо того что завис.
Над и втуне
Чуть видным
/частота колебания/
Сердцем.
В эту юность влюбленным
Как влюбляются в старый Тифлис
То бишь очень запутанно
С выходом в серные бани
В хинкальную
С пивом и с перцем

Что сказать Петербургу
Который так и ждет моих слез
Что сказать о Москве
Где повесился давний приятель

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(23)

Собирался обедать
Встал и вышел
/туалет совмещенный/
Завис
Проходная строфа
Выходная строфа
И завис.
Непонятно и подло
И кстати

Что сказать о Тбилиси?
Гелати…
Ах это не там
То есть там, то есть в Западной Грузии
Нам шарманщик мудрил
Ну конечно с собакой
К обеду
Аргонавты висели
Каждый в шкуре златой по ветвям
И Медея бросала
Детей своих рваных в Колхиду

Непонятно и подло
Когда к тридцати
Нет еще тридцати
Собираются кучкой друзья
И Это везут в крематорий
Грифель в пепел
Этим уже расписаться нельзя
К тридцати расписался
"Р-р-р…" выговаривать начал
Повесился
Не было крови

Пили мы "Имерули" и еще
Я не помню от пьянства ослаб
Я еще ничего
Но от пьянства большого слабею
И друзей отодвинув
В дубраву залез и залег
Предварительно
Сам мифоправец
В свинью обративши Цирцею.

Это часто со мной
Это с каждой со мной
Потому то я юных боюсь
Эти девочки
Вкруг меня кругосветного бродят
Век мой ведай
На Итаку
Атакой идущую грусть
Ни собака ни нянька
Меня не узнают
К вернождущей меня не проводят.

Ибо нету такой
Ибо только беру города
Разоряю и нянчу
Колыбели пустые
В отместку

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Что сказать о Тбилиси?
Дадо мне пыталась гадать
Нагадала
Что счастью
Мне и счастью
В одном путешествии тесно.

Это все непонятно и подло
Как не складывай
Все не впритык
Все как есть
Каждый
Я например
Под осиной гуляю Иудой
Крови хоть бы
От пули чеченца
Дантеса какого
Какой убивает нас ток
Объясни напряженье
Аппаратиком летним
Глухому.

У профессора …..надзе дочки
Ирина и Нана
И сын
И жена
И собака /привязался, хотя сволочнейшей породы
Тойтерьер/
И друзья
И вино
И да будет всегда этот дом
Полон
Счастлив
И к странникам
Страждущим
Добр.

Деревья радовались в сентябре
Тбилиси проплывал фуникулером
Мы жили высоко
Что было в пору
Даже моей приспущенной поре.
Я пробывал грузинские слова
Но убегали лжи и перевода
Чужой язык
Как не моя свобода
Была мне непонятна
И мила.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ПЕРЕВОДЫ

с английского

Д. Г. БАЙРОН

\+ + +

Как ночь, красой истязуя, пришла.
Ясней, чем звезда с небеси.
И тьму наградила, и светом была.
И взгляд ее в этой связи
Спокойней и мягче свеченья тепла.
Ты небо об этом спроси.

Одна только капля в ее светотени
Могла бы нарушить и тайну, и сон
Волос черно-синих, сбегающих в лени,
Свеченье лица у неведомых волн.
Тайник, выражающий столько знамений,
Прекрасною самозначимостью полн.

Чело и щека, так заиграны, словно
Закон тишины – красноречья вина.
И мягкой улыбки свеченье бескровно
Мечтает о днях благочестья и сна.
И только гармония мира виновна
В невиновности сердца, чья слава ясна.

Перевел Борис Куприянов

УИЛЬЯМ ВОРДСВОРТ
НАПИСАНО 3 СЕНТЯБРЯ 1809 г.
НА ВЕСТМИНСТЕРСКОМ МОСТУ

Земля не знает большей красоты.
Лишь нищий духом прошагает мимо
Картины яркой и неповторимой.
Как будто Сити и его мосты
Одел покров небесной чистоты.
Суда, соборы, шпили, театры зримы
В прозрачном воздухе, лучом палимы.
Сверкают крыши, купола, кресты.
Луч солнца никогда еще на землю
Не опускался с радостью такой.
Невозмутимо все рассвету внемлет.
Какие блики пляшут над рекой!
И, Боже мой, дома как будто дремлют,
И мир объят спокойной тишиной.

Перевела Г. У.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(26)

У.-Б. ЙЕЙТС

ФРАГМЕНТ ИЗ ПОЭМЫ

…Не без лукавства – не бойся – не без лекарства
каждая боль – но подарок небесных долин,
где серебрится, волнуясь, холмистая паства,
где одинокий Пастух от растения не отделим,
от разрастанья ветвистого дерева-звука…
Дудка простая! ты саженец влажной земли,
произрастаешь из губ не без боли. Но дольше продли
тень свою, музыка, – пусть не кончается мука
дерева жизни, обнявшего нас многоруко,
дерева, где мы и тяжесть и смысл обрели!

Не без улыбки подумай, не без укора:
всякая боль не умеет замкнуться собой,
каждое дерево крика становится рощицей хора,
овцы теснятся к подножью горы голубой…

Вольный перевод В. Кривулина

РЕДИАРД КИПЛИНГ

ЦЫГАНСКАЯ ТРОПА

Пчела – на цветущий клевер,
Ночной мотылек – в ковыли,
И к цыганской крови – цыганская кровь
С любого конца земли.

С любого конца земли, мой друг,
И если тропа верна,
Хоть на земле, хоть под землей
Отыщет тебя она.

Из мрака таборных шатров
И в солнце, и в дожди
/Утро ждет на грани земной/
Иди, цыганка, иди!

Дикий вепрь – в травы болот,
Журавль – в камышовый затон,
И к цыганской крови – цыганская кровь
Но закону бродячих племен.

Змея – к расселине в горах,
Олень – в каменистую падь,
И к цыганской крови – цыганская кровь,
И вместе в дорогу опять.

И вместе в дорогу – опять, опять…
Вот так же в морской дали
Мы тяжкий крест цыганской судьбы
Носим вокруг земли.

Цыганским обычаям следуй,
Где синеет хаос ледяной,
Где трещит бушприт, слоем льда покрыт,
А мачта, как стол соляной.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Цыганским обычаям следуй;
Южный Крест – компас кораблей,
Где метит добела Господня метла,
Ветер полярных морей.

Цыганским обычаям следуй,
Где закат на полне скользит,
Где дрейфует сампан неведомых стран,
И запад с востоком слит.

Цыганским обычаям следуй
В безмолвьи восточных богов,
Там, где пурпур у скал оттеняет опал
Магнолиевых берегов.

Ястреб – к чистому небу,
Газель – на зеленый склон,
А сердце мужское – к женскому сердцу,
Как вечный велит закон,

Сердце мужское – к женскому сердцу,
Шатры и костры дорог.
Утро ждет на грани земной, –
И целый мир у ног!

Перевела Г. У.

ГЕНРИ ЛОУСОН

О ЧЕМ МЫ НЕ МОЖЕМ СКАЗАТЬ

Осенний день на полях разлит, пригревает солнце там,
Но у нас больной и усталый вид, надоели все маски нам.
Улыбкой, кивком говорим мы о том, что нам на все наплевать, –
Но сердце болит, болит от того, о чем мы не можем сказать.

Доконала нас прежняя любовь, пока мы к новой пришли;
Столько тайной лжи возмущало кровь, хоть свет все мерцал вдали.
Та живем мы, маской прикрыв лицо, чтоб фальшивой улыбкой сиять, –
Но готовы разбираться наши сердца от того, что нельзя сказать.

Мы видим лишь гордость и спесь в душе, где сердце разбито от мук.
Ах, если бы эти сердца облегчить, – что миру открылось бы вдруг!
Мы вносим долю в общую ложь, лицемерим опять и опять,
Но наши сердца разъедает то, о чем мы не смеем сказать.

Мы стоим над могилой, мы в церковь идем, размышляем о смерти в тиши,
Посылаем молитвы за упокой, – или пьем за помин души.
Что-то душим в себе, побеждаем в борьбе, чтобы все до конца испытать
Но лучшие гибнут из-за того, о чем нельзя рассказать.

Перевела Г. У.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ПЕРЕВОДЫ

с немецкого

ГОТФРИД БЕНН

ПЕЧАЛИ

Толпа теней живет не только в чащах,
Где все заполоняла тишина, –
Они везде, они в твоих молчащих
Объятьях, лишь очнешься ото сна.

Что значит плоть? Смятенье роз и терний.
Что скрыла грудь? Морщины и шелка.
Что волосы, что плечи, что вечерний
Долгий взгляд, твой взгляд издалека?

Когда-то: час исчезнувших в провалы.
Когда-то: черной тенью на чело.
Забудь о них – все это миновало, –
Ласкала, целовала, – все прошло.

Настал ноябрь – последние печали,
Пустынный путь и скорбный пилигрим.
Спасенья нет, с небес не отвечали,
И кипарис – высок и недвижим.

Перевел В. Т.

ГОТФРИД БЕНН

ТЬМА

/I/

Когда б вернулись прежние печали,
биенье сердца, ждущего чудес, –
то были годы, годы миновали,
пропали слезы, и Тристан исчез.

Когда б вернулось прежнее мученье –
та пропасть, из которой не упасть, –
когда за болью было воскресенье
и даже смерть дышала, словно страсть.

Но пустота настала отовсюду,
а пустота – один из тех даров,
в которых есть печаль, да нету чуда, –
и та печаль – дитя иных миров.

Перевел В. Т.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ГОТФРИД БЕНН

МАРТ. ПИСЬМО В МЕРАН

Не слишком рано, не сейчас, попозже –
чтоб я приехал, чтоб успел, приник
смятеньем сердца и восторгом кожи –
цветенье отложите хоть на миг.

Миндаль, тюльпаны, розы – погодите,
не раскрывайте ваших лепестков,
еще не время, солнце не в зените,
постойте, подождите, пощадите –
я сам еще к цветенью не готов.

Мой путь неблизок; не сейчас, попозже, –
я так ищу, а все мне незнаком
тот край, где красота и ты, о Боже,
всегда в расцвете и всегда вдвоем.

Перевел В. Т.

ГОТФРИД БЕНН

КРИТСКАЯ ВАЗА

Губы красного вина,
банда роз на синей глине,
месяц ясный из Микен,
свет, лишенный назначенья, –
жажда, жажда!

Выветрилось. Крик рожденья –
без усилья. В рыхлом блеске
люди, звери, мир без цели,
теплый череп вялой розой –
расцветают.

Против разума волной
жар глубоких вакханалий –
против скрежета скрижалей,
против правды головной!

Мозг, рассыпься! мозг, развейся?
Переливчатое тело
перельется пусть назад –
там в смятенье стонет Леда,
там паденье, там победа,
жизнь, зачатье и закат?

Перевел В. Т.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

АНДРЕАС ГРИФИУС

ЖАЛКАЯ УЧАСТЬ ЧЕЛОВЕКА

Как имя нам найти!.. Приют мученья злого?
Летучая тщета? Луч в мыльном пузыре?
Ристалище тоски? Дыра в пустой дыре?
Оплывшая свеча иль невод без улова?

Жизнь отлетит от нас, как шутка пустослова.
У плоти есть пора, и мы в такой поре –
О прочем пишет Мрак в своем календаре,
И метит всех подряд, и тут же пишет снова.

Как сон бессмысленный забудется за миг,
Как рухнет ветхий дом, чуть грянет громкий крик,
Так нашу славу, честь и силу Смерть подкосит.

Потомкам говорим: "Ненадолго прости!"
Дух проще испустить, чем дух перевести.
Да что я!.. Мы как дым, и ветер нас уносит.

Перевел В. Т.

———————

АНДРЕАС ГРИФИУС

ВЕЧЕР

Как скоро сгинул день! Выносит в высоту
Ночь тяжкую хоругвь. Бредет толпа людская
С полей своих трудов. Зверье и птичьи стаи
Попрятались во мрак. И жить – невмоготу!

Усталой плоти челн спешит уснуть в порту.
Как свет дневной пропал, как время, набегая,
Сметет тебя, меня, сметет весь мир без края.
Я эту жизнь сравню со скачкой в пустоту.

Всевышний Бог! не дай мне кануть в той пучине!
Не дай возобладать ни страху, ни гордыне!
Величием дневным меня заворожи!

У тела спящего оставь на страже душу!
И, на последний день смертельный свет обруша,
Непостижимый путь из мрака укажи!

Перевел В. Т.

———————

АНДРЕАС ГРИФИУС

ГОЛГОФА

Отсюда не уйду – хоть смертью пригрозите.
Стращайте хоть огнем – отсюда не уйду.
Увесть меня силком – не хватит мук в аду.
Не хватит рук врагам, чертям не хватит прыти.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Пусть мирные стада почнут, как волки, выти,
Пусть с неба совлекут полярную звезду,
Обрушат в океан альпийскую гряду
И вздыбят ураган в пылающем корыте, –

Пребуду я с тобой, Христос, и ты – со мной.
Умру, когда умру: недолог путь земной,
А долог только взгляд на Божий лик кровавый:

Ты жалок, хоть и прям, – ты распят, Иисус.
Тебе ли до меня, страдалец? Я боюсь
Спасенья своего. Мне страшно, Боже правый!

Перевел В. Т.

С ПОЛЬСКОГО

Бронислава ОСТРОВСКАЯ
/1880-1928 гг./

\+ + +

На сердце крест окна,
Гардины белой клубы.
Тоски полна?
Дай губы.

Дрожит звезда, любя,
В небесной дали.
Тебя?
Тебя ли?

Перевел Вл. Нестеровский

\+ + +

Магдалина – лес в молчанье,
Магдалина – кротость поля.
Ты мой путь кропишь бальзамом –
Милосердными слезами,
Волосами на дороге
Ты мои очистишь ноги.
Беспечальная в печали,
Птица вольная в неволе.
Магдалина – лес в молчанье,
Магдалина – кротость поля.

Перевел Вл. Нестеровский

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

С ФРАНЦУЗСКОГО

ТРИСТАН КОРБЬЕР

ПОСМЕРТНЫЙ СОНЕТ

Спи: вот твоя постель. Обедай: вот твой стол.
Кто спит, тот сыт. Трава сладка тебе, как манна.
Спи: будешь ты любим, как всякий, кто *ушел*,
Как та, что дальше всех, сильнее всех желанна.

Спи: звезды ты теперь срываешь, как фиалки.
Заоблачный ездок, мертва твоя заря!
И – ангел потолка – на лоб твой, втихаря,
Уже спешит паук плести намордник жалкий.

Закрой глаза, гляди: ведь умер ты не зря,
И чей-то поцелуй, и путь на катафалке –
Все ждет тебя, впервые почести даря.

Тебе проломят нос, кадилом, полным гари, –
О, нежный аромат!.. для краснощекой хари
Пришедшего тушить огни пономаря.

Перевел М. Я.

_____

\+ + +

Смеешься? Что ж! Потешимся отравой.
Шут Мефистофель, наливай вина!
Чтоб сердце запузырилось кровавой
Харкотиной – сквозь губы – как слюна.

К чертям любовь! Докучною забавой
Утешиться ль? Грядущая цена
Тебе – ты сам. О, провонявший славой,
Наполни грудь миазмами до дна!

Довольно! Вон! Окончена пирушка.
Тебе сума – последняя подружка,
А револьвер – последний твой дружок.

Забавно прострелить себе висок!
…Иль, доживая, молча, без оглядки,
В глухом похмелье пей судьбы остатки…

Перевел М. Я.

_____

ГРУСНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Песок сухих костей. И похоронных,
Унылых звонов хриплая волна.
Трясина, где заклатывает сонных
Больших червей зловонная луна.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Покой, где вылупляется горячка,
Где огонек мерцает сквозь туман.
Смердящая трава, где враскорячку
Дрожащий заяц скачет, как шаман.

Под волчьим солнцем рвань, тряпье и ветошь –
Одежду тех, кого на свете нет уж, –
Высушивает Прачка. Жабий хор

Вопит, и, слизью полные, певицы
Спешат осклизлым брюхом взгромоздиться
На каждый ядовитый мухомор.

Перевел М. Я.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 32**]

ФИЛОСОФИЯ

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(35)

ГРОЙС Б.

ДОСТОЕВСКИЙ И КИРКЕГОР

Имена Достоевского и Киркегора часто ставятся рядом в сочинениях философов и писателей, принадлежащих к экзистенциальному направлению. Творчество ни одного из них не повлияло на другого, поскольку они были разделены временем и культурной традицией своих народов. Их близость на страницах книг, принадлежащих другим мыслителям, может быть объяснена лишь близостью занимавших их вопросов и сходством решений. Однако сходство это и близость представляются достаточно иллюзорными. Мы попытаемся дать, хоть и эскизно, сопоставление творчества Достоевского и Киркегора, используя, не отдельные их взгляды, вырывающиеся из контекста, а более целостное о них представление.

1

Не вызывает сомнения, что центральным событием в духовной истории и Достоевского и Киркегора явилось их обращение в христианство. В обоих случаях это обращение основывалось на мотивах и предпосылках необычного для того времени рода и представлялось парадоксальным. Мерло-Понти говорил как-то, что подлинная новизна философии состоит не в том, что она побуждает делать что-то новое, но в том, что она побуждает делать все то же старое, но из совершенно новых побуждений. Подобным же образом и обращение в христианство Достоевского и Киркегора едва ли не до сих пор поражает своей новизной, хотя произошло в сугубо христианских странах, старой России и Дании – где многие столетия все были крещены и исповедовали христианство. И при этом, подчеркнем, обратились оба писателя в конфессии, господствовавшей в их странах, а не изобрели какие-то новые конфессии, чему примеры уже бывали в достаточном числе. Чем же это новое обращение было отлично от старого? Можно ли это отличие уловить и выразить? Выразимо ли оно вообще? И если не выразимо, то в каком смысле реально? Для многих поколений европейцев, пришедших в жизнь после окончательной победы христианства в Европе, крещение и конфессиональная приверженность христианству стали означать на деле присягу на верность европейской цивилизации. Такое отношение к христианству ни в коей мере нельзя путать с неким региональным чванством. Оно имело и имеет основание не в пороках человеческой природы, т. е. не

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

в том, что человек склонен гордиться своими отличиями от других людей, но в самой сути христианской веры. Для европейского христианства воплощение, крестные муки и воскресение Христа означали начало новой Истории для тех, кто принял христианство как религию, Историю, коренным образом отличающейся по самим законам, которыми она управляется, от истории древней и от истории стран, христианства не принявших, и оттого соположной европейской Истории лишь хронологически. Жертва Христа, если следовать европейской христианской традиции, мистически преобразила свободу человека, придала ей благодатную направленность. Полагали, что признание себя христианином, т. е. признание подлинности жертвы и ее фундаментального смысла, изнутри приобщает верующего этой направленности и сообщает всем его действиям в мире единую устремленность к полноте мировых сроков, концу мира и Второму Пришествию Спасителя. Эту склонность к добру, которую Христос даровал Новой Твари, следовало понимать двояко: во-первых, как личную тягу каждого, просвещенного Евангелием, делать доброе, а, во-вторых, как благую весть о превосходстве добра над злом во всемирно-историческом масштабе. Жертвой Христа человечество было искуплено из рабства злу и, следовательно, само зло, когда оно совершалось, оказывалось лишь уловкой добродетели, временным обманом, посредством которого добро тем уверенней осуществляло свою победу. Дьявол всегда выступал в европейском сознании как фигура комическая. Все его посылы совершить злое оборачивались победой добра и только приближали его собственное окончательное поражение.

Для иудейства благая весть христианства означала конец подзаконному существованию человека, постоянно колеблющемуся между добром и злом, вследствие отсутствия у него подлинного знания, и наличия лишь знания Закона. Для эллинизма она означала конец добровольной изоляции от мира – изоляции эллинского стоика, знающего истинное, но бессильного перед парящим в мире злом. Благодатно преображенная воля есть воля делать истинное в уверенности, что истинное обладает онтологической основой для своей победы, т. е. воля поступать разумно в уверенности, что разум составляет основу вещей, а потому неразумное потерпит поражение, и истина восторжествует. Мы говорим здесь о разуме потому, что для европейского исторического христианства приход в мир Христа завершал и отменял наказание человека за то, что он приобрел мудрость, съев яблоко с дерева познания. Эта мудрость была ранее сопряжена волей Бога с тяжким, никуда не ведущим трудом, бессильным перед смертью. С незнанием божественной истины, превосходящей всякую человеческую

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

мудрость. Но вот Христос-Логос пришел в мир. Познание сделалось благодатным. "Стучите и вам отворится". Бог сам, Своей властью, внедрил в человека, благодаря таинствам крещения и причастия, частицу Своего знания, открыл ему Себя, поистине соединил плотское человека и Свое божественное. Благодатная воля означает, следовательно, – воля разумная.

Понятно теперь, что историческое движение христианства отождествлялось в Европе с движением цивилизации, и возрастание благодати – с возрастанием знания. Фауст в конце концов всегда оказывался спасен. Проклятым мог быть только ординарный грешник, грешивший не от избытка познавательного рвения, но, напротив, из угождения своим непросветленным знанием страстям. В соответствии с ортодоксальной христианской традицией не только плоды познания и веры провиденциально совпадают, но и сам ход познания, по существу совпадает с ходом Истории, управляемой божественным Проведением. Неоднократно цитируемое утверждение, что "надо быть как дети" ничего в этом не меняет. Под "детьми" здесь имеется в виду человеческие существа, лишенные предрассудков и предвзятых ложных мнений, но именно поэтому открытые подлинно разумному. "Блаженны нищие духом" – именно нищие, т. е. просящие Духа, а не просто бедные духом. В этих словах утверждается лишь чисто просветительская вера в "естественный свет", освещающий то же, что и правильно понятая христианская вера.

Постепенный прогресс нравов, постепенная христианизация европейской жизни давали европейцу ясный критерий для деятельности. А именно, христианин призван способствовать дальнейшему развитию тех институтов европейской цивилизации, которые он застал при своем рождении, и жизненный труд его должен быть оценен по достигнутым успехам. А, впрочем, даже и не по успехам, а по одной только лояльности. Вечное блаженство, т. е. признание человека Богом, даровалось, тем, кто в наибольшей степени осуществлял прогресс христианской, т. е. разумной жизни на земле. На своем земном пути они терпели множество разочарований, поскольку их чаяния и реальность не совпадали, но зато, если они способствовали добру на земле, то получили счастье на небе. Мизерность достижений в улучшении земной жизни не могла поэтому лишить европейца надежды и терпения. Ведь окончательная победа добра была гарантирована провиденциально, сверху, Богом, а с другой стороны участие в этой победе, хотя бы и самое незначительное, гарантировало вечное блаженство за гробом для самого труженика.

Соотношение личной добродетели и следование высшему авторитету, индивидуально понимаемой разумности и институализованной преемственности, понимались на протяжении христианской Истории по-разному и

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

результатом этого были многие споры и даже религиозные войны. Однако основополагающая связь между разумным и добродетельным поведением на земле и уверенность в божественном признании и небесной награде оставалась неизменно нерасторжимой.

По мере возрастания просвещения вообще и вера становились все более просвещенной. Т. е. все более расширялась граница познанного и упорядоченного, и прямая апелляция к Богу, к божественной власти, необходимая христианину как опора для пребывания в непросветленных областях существования, в сфере господства непознанных демонических сил, утрачивала свое значение, свою настоятельность. Мир все более становился Божьим миром, т. е. миром, в котором прямая просьба к Богу оказывалась лишней. Многие стороны церковной веры, основанной на таинствах и молитве, т. е. обращенной во вне, а не внутрь Божьего мира, стали третироваться как простой предрассудок. Вера приобрела характер веры в разум, т. е. характер атеизма. Этого рода атеизм был лишь достаточно поверхностно противопоставлен церковности. В обоих случаях произошло окончательное закрепление роли Божьего суда за судом земным. Неразумное и грешное каралось и на земле и на небесах, а разумное и добродетельное и здесь и там вознаграждалось.

Поэтому кризис христианства произошел в форме кризиса атеизма. Надежда на торжество разума остановилась в некотором недоумении, когда природа разума стала достаточно очевидной. Дело в том, что возрастающая рационализация жизни отнюдь не привела к большей ясности для отдельного человека в вопросе о том, как ему следует поступать в том или ином конкретном случае. Оказалось, что может быть рационализирована и разумно оправдана любая разновидность поведения. Сам по себе разум обнаружил свою инструментальность и безосновательность. Он оказался способным лишь рационализировать любую альтернативу, но не разрешить ее, и обосновать любые два противоположные утверждения о вещах самих по себе.

Это открытие в христианской истории, совершенное Кантом (а до него в своеобразной форме Паскалем) нашло свое завершение в философской системе Гегеля. Вся История предстала в ней не только как поступательное движение Истины, но и как грандиозная история заблуждений. Правда, единство этих заблуждений стало для Гегеля самой Истиной, однако, лишь благодаря тому, что настоящее он воспринял как завершение ее поисков. Легко, однако, быть уверенным в том, что Истина ждет впереди. В то, что вы уже живете в ней, поверить труднее. Преданность повседневности, преданность рационализированной официальности дается нелегко, если нет больше надежды на ее направление и улучшение, а в

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

конце концов и преодоление. Гегель сам сохранил веру в победу разума, но он нанес ей смертельный удар, провозгласив и обосновав ее здесь и сейчас. После него диалектический характер разума стал настолько всем ясен, что первое же сомнение в его окончательном торжестве, т. е. первый же вопрос о том, как быть дальше – вопрос неизбежный – уничтожил не только гегелевскую систему, но и всю веру в разум вообще. Заодно рухнуло и все здание европейской Истории и все сформированные ею авторитеты. Труженики этой Истории – добыча заблуждений и жертвы напрасных трудов – стали вызывать не восхищение, а жалость. Ввиду окончательного торжества разума при отсутствии окончательной Истины, т. е. окончательного тезиса, все заблуждения, распределенные Гегелем по лестнице исторического развития, оказались устрашающе одновременными. И для выбора между ними не оказалось, следовательно, никаких оснований.

Ответом на эту ситуацию явился атеизм иного рода, нежели тот, который можно назвать атеизмом веры. Этот новый атеизм отказался видеть в человеке дитя и продолжателя европейской христианской Истории. Он поместил человека в природу, понял его как часть природного целого и снабдил некоторыми специфическими природными качествами. История и цивилизация утратили свой прежний смысл и свое значение, став просто формой существования человечества как природного вида. Подлинными определениями человека стали "воля к власти", "сублимированная сексуальность", "удовлетворение своих естественных нужд", "стремление к счастью в плане разумного эгоизма" и т. д. Натуралистические теории человека вызвали целый ряд возражений теоретико-познавательного плана. Эти возражения не имели большого успеха, вследствие их неспособности дать ответ на исходный вопрос, породивший эти теории, т. е. на вопрос о смысле человеческой деятельности и ее целях.

Нашлись однако мыслители и писатели, восставшие именно против новых целей и нового смысла существования, ставших уделом человека после дискриминации веры в разум. Эти цели, вытекавшие из натуралистических теорий, показались им слишком мизерными и каждая по отдельности и все вместе. После многих веков избранничества и обращенности ввысь, к признанию человеческой души Богом, европейцам показалось тесным узкоземное предназначение. Цивилизация, лишившаяся высшей санкции, показалась им "бесплодной землей". Гегелевская вера в Истину исторически шествующую путем заблуждений, сменилась открытием европейской Истории как цепи последовательных ошибок, все более отдалявших человека от источников откровения. Все, что ранее почиталось

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 38**]

как приближающее к Богу стал ныне третироваться как удаляющее от Него.

Вместе с тем, если все достижения разума и оказались скомпрометированными, пафос веры, ранее вдохновлявший их, продолжал вдохновлять и упомянутых писателей. По существу они в наибольшей степени являлись хранителями европейского наследия. Их нападки на разум, этику и т. д. вызывались лишь тем, что разум перешел на службу новому хозяину – натурализму. То, что осталось от прошлого, от откровения и его плодов, теперь целиком сосредоточилось в повседневной европейской жизни. Дерзающее и героическое выступило под новыми флагами. Это новое дерзание, отказывающееся от божественной санкции, породило страх. Не разум и его победа стали импульсом для возрождения христианской веры, но нечто новое (нечто старое, но в новой интерпретации) – грех. Признание человеческой природы греховной уничтожало заранее действие всякой натуралистической агитации. Для грешника один путь – раскаяние. И вместе с тем признание себя греховным восстанавливало всю христианскую Историю, посредством которой человечество единственно и извещалось о том, что оно может быть греховным, поскольку посредством Истории передавалось откровение о Боге. Внимание привлекли Авраам и первые служители Христа. Но теперь важно было не обещанное – победа разума и добра – а само обещание, сама обещанность. Иудейские десять заповедей и все догматы веры, созданные греческой мудростью, утратили силу, поскольку опирались на разум, хотя бы и вдохновленный свыше. Грех поэтому – и в этом и новизна его определения – не заключался и не мог заключаться теперь в некоем конкретном прегрешении, ибо всякое такое прегрешение есть только неразумное отступление от разума, а разум уже утратил свое божественное происхождение. Грех, утверждалось теперь, состоит в самом существовании внутри Истории, суть которой в том, что человек извещается ею о своей греховности. Очевидно, что всякая попытка вырваться за пределы Истории при помощи некоей оптимистически-натуралистической гипотезы делает грешника грешным вдвойне. После того, как Бог открыл себя Аврааму, а затем, вторично, апостолам, и христианство передало весть об этом, человек уже не в состоянии увильнуть от ответственности, т. к. во всяком случае знает о ней. Он также не может уйти от нее, совершая доброе, т. к. не доброе, а угодное Богу должен он совершить, ибо ответствен перед Богом, а не перед разумной добродетелью. Человек, таким образом, не должен ни делать чего-либо, ни отказываться от чего-либо, ни замыкаться в настоящем, ни выходить за пределы своего исторического существования. Т. е. он должен жить в повседневности европейской жизни, делающей его греховным и ожидать

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 39**]

Божьего суда (которым больше уже нельзя пригрозить неправым: "Есть Божий суд, наперсники разврата…", – ибо правых больше нет). В трепетном ожидании Божьего суда повседневное получает новое измерение, новую глубину. Самое заурядное приобретает блеск авантюры. Все же, уводящее от повседневности представляется не идущим к делу и только деструктивным. Открылась возможность бесконечно стремиться к тому, при виде чего прежде сводило скулы от скуки. Точнее, открылась возможность зевать и страдать от одного и того же и по одной и той же причине. Был найден способ удержать от распада и разрушения ту милую сердцу Европу, которую Гегель возвел на престол Духа.

Сделать это, однако, оказалось потому трудно, что, как уже говорилось, европейская повседневность сформировалась веками разумной работы. Т. е., с новой точки зрения, веками отдаления от веры. Правда, отдаления, не равняющегося отказу. Сама повседневность, таки образом, предстала амбивалентной: только она передавала весть о Боге, но с каждым новым усилием разумного постижения передавала все глуше и глуше. Европеец оказался перед двойной угрозой: не услышать сквозь толщу повседневности скрытого в ней голоса и, с другой стороны, разрушить повседневное и тем окончательно лишиться доступа к источнику вести. Обе эти опасности произошли, очевидно, от одной причины – употребления разума в прошлом и в настоящем. Божий мир тем самым распался. Зло обнаружилось повсюду. Божий суд отделился от земного и возникло новое основание для прямого обращения к помощи Бога в мире, где возникла новая возможность для подлинной победы зла, поскольку область господства демонических сил открылась в самой сердцевине привычного уюта.

Однако для более тщательного исследования этой области нам следует обратиться к основной теме нашей работы: творчеству Достоевского и Киркегора. Поскольку именно эти два писателя в наибольшей степени имелись в виду всем нашем предыдущем изложении.

II

Мы остановимся вначале на двух произведениях избранных нами авторов: "Записках из подполья" Достоевского и "Или-или" Киркегора.

Фабулу "Записок из подполья" составляет рассказ о том, как герой повести привлек сердце бедной девушки, зарабатывающей себе на жизнь проституцией, а затем вновь оттолкнул ее.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 40**]

В начале повести герой высказывает некоторые общие взгляды на проблемы, стоящие перед человеком в современную ему эпоху. Героя раздражает пошлые истины рассудка – то "дважды два – четыре", которое "стоит на дороге фертом и плюется". Казалось бы: стоит себе – и все. Почему же эта истина не дает герою покоя? Потому что она как-то связывается у него в голове с идеей рациональной организации общества. Против этой идеи у героя два возражения: во-первых, ее нельзя реализовать, и, во-вторых, ее реализация нежелательна. Ее нельзя реализовать, потому что рационализация общества может базироваться только на полном познании сил, движущих поведением человека. А реализация ее нежелательна, потому что раз она всего учесть не может, то рано или поздно надоест своей ограниченностью и от нее откажутся. Два разных довода: как они связаны между собой? Казалось бы, первого вполне достаточно. Второй просто не нужен. Если чего-то невозможно добиться, то зачем так уже доказывать, что добиваться этого нежелательно? Однако, весь пыл автора сосредоточен именно на втором доводе, а о первом он лишь упоминает вскользь.

Суть дела в том, что, если человека нельзя целиком рассчитать, то, по-видимому, его можно в чем-то убедить и сделать его поведение рациональным, так сказать, изнутри, а не просто научно понятным извне. Истины типа "дважды два – четыре" потому удручают героя, что они не охватывают его целиком, не описывают его исчерпывающим образом, а, напротив, скорее апеллируют к нему, чтобы он сам изнутри сообразовался с ним. Но герой не видит причины этого делать. Если какая-то часть его существа не находит выражения и приятия, а просто должна быть подавлена и игнорирована – то это его глубоко возмущает. Ведь рациональная организация общества предполагает всеобщее счастье. А счастье, обусловленное определенными границами – уже не счастье, а скука. "Уничтожьте мои желания, сотрите мои идеалы, покажите мне что-нибудь лучше, и я за вами пойду", – говорит герой. Законы природы, познанные разумом, ставят границы человеческим желаниям. Но ведь и желания эти порождены той же природой. Кого же слушать? Проповедуемые разумом истины не кажутся ослепительными, следовательно, послушаемся пока своих желаний.

Жертвой всех этих рассуждений становится уже упомянутая бедная девушка. Герой увлекает ее пылким красноречием. Но лишь под влиянием минутного каприза – желания почувствовать власть над другим человеческим существом после (незадолго до этого) пережитого унижения. В дальнейшем он сам оказывается растроган. Кажется, что все в порядке. Но герой вновь отталкивает девушку, возводя на себя напраслину и внутренне страдая от этого. Он не может допустить, чтобы злое чувство стало

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

орудием доброго дела. Он хочет лучше потрясти девушку жестоким разочарованием, нежели усыпить ее верой в неповрежденную добродетель.

Мы пересказали здесь эту всем известную историю, чтобы очистить ее от привычных цитат и ассоциаций. И в первой и во второй части проводится одна и та же мысль: в человеке живет многое такое, что не укладывается в нормы культуры и морали, и если это нечто будет оставаться в нем непроявленным, то сами эти нормы обесценятся просто потому, что станут скучны, плоски. И в первой части и во второй остается неясным: на ком лежит вина? На других, которые не предложили всепокоряющей истины или на самом человеке, не готовом принять никакой истины? И вправду: что бы не предложили человеку – даже то, что представляется ему наилучшим, на что он не найдет возражений – он может отказаться просто потому, что ему этого наилучшего не хочется. То, что (как уже говорилось нами) ранее представлялось бы подлинной победой добра: злое побуждение обращает два сердца к добродетели – теперь сознательно отвергается. Средний член жизненного силлогизма – злое побуждение – не должен быть элиминирован. Ибо ничто не мешает ему возродиться вновь и вновь. Стремление к счастью не вмещается в рамки морали. Кто-то должен проиграть.

В сочинении Киркегора "Или-или" также идет спор между эстетиком, стремящимся к наслаждению, и этиком, утверждающим моральные нормы. Правда, колорит этого произведения совсем иной. Эстетик не выглядит затравленным и лишь мечтающим о наслаждениях, а действительно предается им и притом в объеме, превышающем пресловутую чашку чаю – слушает Моцарта, например. Возможно именно поэтому он не чувствует особенной радости. Наслаждения его утомляют и вызывают чувство пустоты и отчаяния. Его оппонент – этик предлагает выход – следование моральным нормам как подлинную основу внутренней свободы. Он так же, как и эстетик (и герой Достоевского) не видит в морали никакой радостной стези добра, но он не хочет вечных колебаний и безысходности, в которых свобода утрачивается и утрачиваются сами желания. Этика определенна. Ее основа не в доводах разума, но в человеческой свободе. Свобода желаний, устав от самой себя и испытав глубокое отчаяние, находит в этике свое разрешение.

Герой Достоевского томится желаниями. Герой Киркегора устал от них. Герой Достоевского раздражен истинами типа "дважды два – четыре", стоящими на его пути. Героя Киркегора они оставляют равнодушным. Он также хорошо видит, что они не могут обосновать морали, но для него мораль достаточно обоснована его прежними разочарованием во всем остальном. Герой Достоевского одержим. Герой Киркегора

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

вполне владеет собой. Киркегор, по его собственным словам, пишет только для тех, для кого утешение конечным уже не возможно. Он говорит далее, что не хочет еще более обременять тех, кто и так несчастлив. Оскорбление бедной девушки – показалось бы ему, наверное, отвратительным своей преждевременной жестокостью. Мы видим здесь у Достоевского тему ницшеанской "генеалогии морали". Этап "этического", однако, достигается героем Киркегора в поисках истинной свободы, а не путем обмана и самообмана, и потому доминирует над наслаждениями, разрешая критику себе только "сверху", а не "снизу".

III

Второй этап творчества и Достоевского и Киркегора отмечен их главным открытием – мораль, опирающаяся на доводы рассудка, отнюдь не однозначно определяет, что человеку надлежит делать.

Для Киркегора периода "Страха и трепета" и смежных с ним работ становится очевидно, что выбор этики как подлинно свободного пути, современный в "Или-или", не устраняет окончательно сомнений и нерешительности. Общие законы морали (такие, какими они даны, скажем, в десяти заповедях и в Нагорной проповеди) оказываются трудно приложимыми к конкретным случаям жизни. Каждое такое применение требует их особого толкования. Однако, как говорит пословица "закон что дышло…". На деле, мерилом приемлемости той или иной интерпретации морального закона является ее совпадение с ходячим мнением, с принятой в данном обществе системой поведения. Но герой Киркегора не для того подавил бушевавшие в нем страсти и тягу к наслаждениям, чтобы отдать себя во власть чужих мнений, в которых он узнает скорее вялость, нерешительность и склонность к компромиссам, нежели подлинный моральный пафос. С позиций вновь обретенной им свободы он не видит причин подчиняться общепринятому, – ведь в основе такого подчинения лежит акт свободной воли, но воли, коррумпированной посредственностью.

Где источник ходячей морали? В воле Бога, в проповеди Христа – ответ современной Киркегору цивилизации. Значит, надо обратиться непосредственно к слушанию Его воли, без посредничества морали, подменяющей Божественный закон соображениями жизненного удобства, слишком человеческими по своим истокам.

Киркегор вспоминает Авраама, готового убить своего сына, повинуясь воле Бога. Разве это убийство – не чудовищное попрание всякой морали?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Но Аврааму убийство вменилось в праведность. Новый герой Киркегора – "рыцарь веры" – верен только призыву Божьего зова. Благодаря этому постоянству он разрушителен для мира, в котором он действует, ибо мир исторически изменчив[1]. То, что сегодня – морально, то завтра – предосудительно. Но "рыцарь веры" не сообразуется с "духом времени" – он верует и потому верен. Все его действия абсолютно аморальны и поэтому он ждет милости Бога, как ждал и дождался ее Авраам.

После "Записок из подполья" Достоевский приходит к сходным выводам. "Дважды два – четыре" более не представляется ему стоящим на пути реализации человеческих желаний. Напротив, он обнаруживает, что желания и соображения выгоды вертят разумными истинами, как хотят. Что мораль, основанная на рассуждениях, двусмысленна. Что "доказать логически" моральное значение поступка невозможно. Героя Киркегора, уже при переходе на этап этического растерявшего все свои желания, при этом открытии охватывает паралич. У Достоевского желания торжествуют победу. Герой "Записок из подполья" был тем, кого Сартр назвал "человеком дурной веры" (l'homme de mauvaise foi). Такому человеку необходимо быть абсолютно убежденным в том, что именно есть добро и истина, для того, чтобы не следовать им и тем обрести себе свободу. Это есть демонический и, что называется, декадентский тип человека. Но подобного рода свобода только тогда хороша, когда восстает против силы, против убедительного для всех – только потому, что хочет утвердить себя. Раскольников же убивает не сильного, а слабого. "Принцип", который он убил, уже и так стал беззащитен (для Киркегора).

Для Достоевского сила – это сила убеждения. Поэтому истина для него сильна. Добро ранее также представлялось ему сильным, поскольку оно опиралось на истину, но теперь, когда выяснилось, что оправдать можно и недоброе, оно представилось слабым и воззвало к жалости. Проститутка уже не должна быть спасена: она сама спасает в своей беззащитности. Подобно Киркегору, Достоевский обнаружил в современных ему нравах роковую половинчатость. Добро действовало в них компромиссно, лицемерно, основываясь на полуистинах. Но что, если дать добру волю? Добро, действующее в полную силу, оказывается худшим злом. "Униженные и оскорбленные", полные подавленных желаний, обращают истину в свою пользу. В своей правой мести, они творят беззаконие. Истина на службе неудовлетворенных желаний пугает. Раскольников

1. "La conception d'angoisse." S. Kierkegaard, Paris, 1964, p. 112.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

вправе убить, потому что общество, в котором он живет, использует мораль к своей выгоде, как средство подавления. Это истина, потому что никакое рассуждение не может ее опровергнуть. Но убивая, Раскольников разрушает всякую связь между собой и людьми, даже половинчатую. Он остается в абсолютном одиночестве и непринятости. А мы ведь помним еще по "Запискам из подполья", что именно принятие для Достоевского – синоним удовлетворения желаний. Непонятый и отверженный – лишен удовлетворения.

Ту же проблему ставит и Киркегор. Интересно, что и он пишет, что в одиночестве и без веры – совершение преступления невозможно. Авраам погиб бы, если бы не верил. Верующий тем и отличается у Киркегора от неверующего, что способен нарушить моральный запрет, ибо знает в глубине души и помимо всякой социальной оправданности, что совершил угодное Богу и принят Тем, кто выше всякого земного оправдания и объяснения. Для Достоевского же, как мы видим, только социальное обладает подлинной реальностью. Зова Бога он не слышит: зов этот заглушается "гулом и яростью" неукрощённых желаний. Для Достоевского Бог лишен онтологической реальности, лишен статуса наивысшего оправдания. Поэтому Раскольников принужден покаяться всенародно, понести для всех явное наказание, чтобы обрести внутренний мир. Прямой диалог с Богом для героев Достоевского невозможен: они Бога просто не слышат. Их единственная сфера – это ложное-истинное, то "дважды два – четыре", которым еще недавно нас пугали.

Никакая диалогичность романам Достоевского не присуща. Полифоничность тем более. Его герои стали, если опять-таки следовать терминологии Сартра, "ангажированными". Они не вступили в диалог, но отказались от него, поскольку поняли, что диалог между людьми на почве доказательств – бесконечен и бесплоден. Они осели каждый на своей "точке зрения" и перешли к прямому действию, за пределами доказательств. Все доказательства в пользу и против всевозможных точек зрения им известны наперед. Они не вступают в диалог, потому что не ждут узнать и не могут узнать для себя ничего нового. Они лишь обмениваются репликами, как птицы в лесу криками – чтобы узнать свою породу.

Подобно Киркегору, Достоевский обратился к истокам понятия о добре и обнаружил, его христианское происхождение. Дело Христа представилось ему, однако, чисто божественным делом – делом слабости, а не силы. И в поисках противосилы, вместо того, чтобы прислушаться к Богу, он предпочел опереться на историческую

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

традицию церковности, идущую от первых осмыслений проповеди Христа. Проповеданная мораль не показалась ему скомпрометированной своей логической необоснованностью. Наоборот. Он исполнился сочувствием к ее беззащитности. Добро вполсилы вызвало его презрение, добро в полную силу – страх (т. к. он узнал в нем власть страстей, но не Бога), а добро беззащитное – глубокое сочувствие. Достоевский всегда глубоко сочувствовал всему беззащитному и обиженному. Такими беззащитными и обиженными ему представились теперь церковь и самодержавие: ведь они не базировались ни на каком логическом основании и в любой момент могли пасть под напором человеческих страстей – односторонне "ангажированных" и демоничных. Оба эти института представлялись Достоевскому единственным прибежищем добра, поскольку иного доступа к нему, кроме как через явную историческую традицию, т. е. через социальность, Достоевский не знал. И вот он бросился на рыцарственную защиту церкви и самодержавной России – на защиту слабого против сильного, добра против логики и истины. Подверженный припадкам эпилепсии, жертва злых и противоестественных побуждений – Достоевский не мог довериться внутреннему голосу. Иррациональность преемственной власти показалась ему единственной защитой от бесовских наваждений.

Способом "ангажироваться" у Достоевского, как правило, выступает убийство. Убийство прекращает диалог убитой души с Богом и потому считается в христианской традиции тягчайшим грехом. К судьбе убитого Достоевский, однако, довольно равнодушен. Убийство для него окончательно не в том смысле, что оно изымает убитого из отношения к Богу, а в том смысле, что он изымает убийцу из сферы человеческого общения, обрекает его на абсолютное одиночество среди людей, лицом к лицу со своим преступлением. Авраам, благодаря вере, выдерживает его испытание, Раскольников – нет. Единственным орудием веры, лишенной силы логического убеждения, становится осознание человеком своей греховности.

Греховным почитал себя и Киркегор. Но он видел греховность человеческого существования в его нерешительности, в его необусловленности и находил выход в слушании молчаливого Божьего зова. Достоевский видит греховность в неискоренимости страстей и порочности человеческой логики. Его герою надо убить, чтобы осознать себя греховным. Герой Киркегора убивает скорее в желании очиститься от греха.

Грех у Достоевского – отступничество от проповеданного и преемственного. Грех у Киркегора – забвение своей способности прислушаться к высшей воле.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

IV

Мы переходим теперь к рассмотрению третьей фазы в творческой эволюции Достоевского и Киркегора, которую можно рассматривать как завершающую. Более глубокое раскрытие вновь обретенного смысла христианства приводит обоих писателей к новому пониманию повседневного.

Образ "рыцаря веры" заменяется у Киркегора образом "шпиона Бога". Всякое стремление совершить необычайное и тем заслужить от Бога признание и награду в вечной жизни начинает рассматриваться Киркегором с подозрением. Ведь всякое необычное – необычайно только по земным критериям. Стремление выделиться вносит в религиозное служение чуждый ему рациональный элемент. Оно предполагает излишнюю уверенность в Божьей милости со стороны жертвующего и подвижника.

"Бог всегда поможет тому, кто делает угодно Ему! Но неизвестно, что Ему угодно", – пишет Киркегор в "Ненаучном постскриптуме" – своем самом значительном философском труде.

Так монастырская жизнь есть жизнь во внешнем. Она для слабых: "больной ребенок рядом с матерью" и "возлюбленный у ног своего кумира". Подлинно верующий живет обычной жизнью, "как пижон, обдумывающий свой план за игрой в карты". Подлинно верующий абсолютно анонимен. Ничто внешнее не может обнаружить его и отличить от неверующего. Он неотличим "от любого посетителя Луна-парка". Каждая попытка выделиться, отличиться выдает привязанность верующего к миру, к мирским критериям и оценкам и, значит внутреннее равнодушие к Абсолюту, т. е. к единственной важной оценке, даруемой Богом.

И чем более верующий внешне стирается, сливается с повседневностью, тем более напряженной становится его связь с Абсолютом. Эта связь, не будучи проявлена вовне, находит выражение во внутреннем состоянии человека – в страдании. "Подлинный экзистенциальный пафос существенно связан с существованием, а существовать означает быть внутренним, а действие во внутреннем есть страдание"[2].

И далее: "Верующий живет как больной, который движется, чувствуя боль во всем теле"[3]. Эта затрудненность жизни, мучительность каждого шага вытекают из осознания того, что в каждый момент нашего

2. Unscientific Postscript. S. Kierkegaard. Yale, 1964.
3. Ibid.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

земного существования решается самое для нас важное: признание или отвержение нас Богом. И решается помимо нашей воли и нашей способности предвосхитить решение и повлиять на него. Отказ от существования, очевидно, также ничего не может изменить: суд ждет нас в любом случае.

Акцент на внутреннем здесь отнюдь не надо понимать как некое поощрение того, что называется богатством внутренней жизни. Мы также не в праве внутренне отвлекаться от нашего страдания как и внешне пытаться выделиться из повседневности: "Вполне соответствует духу этического то, что наивысший пафос подлинно существующего человеческого существа должен быть соотнесен с эстетически наибеднейшей из всех концепций: с идеей вечного блаженства. Весьма остроумно и вполне эстетически верно было сказано, что ангелы – скучнейшие из всех созданий, что вечность – самый длинный и самый утомительный изо всех дней (насколько скучен уже один только воскресный день) и что поэтому стоит предпочесть даже несчастье проклятого. Но этически так и должно быть, дабы существующий не был побужден проводить свое время воображая и рисуя в воображении, а скорее был призван к действию"[5]. И далее: "… существование поэта иногда дает пример жизни, достигающей границы религиозного, будучи качественно иной… Экзистирующий поэт, который страдает в своем существовании, не знает в действительности своего страдания, не углубляется в него все более и более, но в своем страдании он ищет пути ухода от него и находит облегчение в поэтическом творчестве и поэтическом предчувствии более совершенного, т. е. более счастливого, порядка вещей"[6].

Отметим попутно, что это замечание вполне можно отнести и к Достоевскому. Но мы сейчас не отвлекаясь на сравнения, попробуем ответить на вопрос: почему все же современная Киркегору повседневность представляется ему избранным полем для религиозной жизни? Почему он не пытается перевести свое существование в какой-то иной план, вообще игнорируя всякие сопоставления с господствующей обыденностью? Ведь старый ответ – а именно, что современность есть высшая стадия развития христианства, доказывающая его истинно божественное происхождение – Киркегором отвергается.

5. p. 352. Ibid.
6. p. 397. Ibid.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Так Киркегор пишет о Христе: "… несомненно, конечно, что Имя Его возвещено всему миру, но все ли в Него уверовали – не мне решать; несомненно также, что христианство пересоздало облик мира, победоносно проникнув во все условия и отношения жизни, настолько победоносно, что теперь все именуют себя христианами. Но что это доказывает? Самое большее, что Иисус Христос был великий человек, пожалуй, величайший из всех. Но чтобы он был Бог – нет, такого заключения с Божьей помощью не вывести"[x]. Короче: "из истории нельзя ничего узнать о Нем, как вообще нельзя узнать о Нем ничего. Он не хочет быть по-человечески судим по результатам своей жизни. Он был и хочет оставаться символом соблазна и предметом веры"[xx]. И тем не менее вне истории и, самое главное, вне современности религиозный опыт невозможен. Мы можем чувствовать вину за свое существование, потому что она отдаляет нас от его цели, и не будучи христианами. Вина имманентна существованию. Вину знали и язычники. Но о грехе мы можем узнать только из истории и только хранящая и передающее это знание современность может стать полем нашего религиозного опыта. "Абсолютный смысл христианства – современность Христа"[xxx].

Несомненно, что чувство современности Христу было в высшей степени свойственно и Достоевскому. Мы видели, что разочаровавшись в официальной морали, основанной на компромиссе со злом, Достоевский обратился к Христу беззащитному, т. к. к Христу до официальной победы христианства. Это и есть современность Христу. Однако совпадает ли ее понимание у Достоевского и Киркегора? Кажется, что да, когда мы читаем в "Легенде о Великом Инквизиторе": "Вместо того, чтоб овладеть людскою свободой, Ты умножил ее и обременил ее мучениями душевное царство человека во веки"[xxxx]. Великий Инквизитор страшится Христа, чье одно только появление разрушит века обмана и господства дьявола, скрывавшего под охраной Христова имени. Это появление Христа "не в славе небесной" и знаменует новое чувство современности Ему. Но уже в самом начале "Легенды" мы находим

x. Введение в христианство (Введение в христианство из сб. "Современный протестантизм").
xx. Введение в христианство.
xxx. Введение в христианство.
xxxx. "Братья Карамазовы", стр. 279.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

слова, которые выдают коренное различие между Достоевским и Киркегором в их новом понимании христианства. "Он появится тихо, незаметно, и вот все – странно это – узнают Его… Народ непобед…ую силой стремится к Нему, окружает Его, нарастает вокруг Него, следует за Ним"[x].

Действительно, это очень странно. Вот, что, с другой стороны, пишет об этом же предмете Киркегор: "Есть Один, который Сам ищет нуждающихся в помощи. Сам ходит и зовет, почти молит: ко Мне… Но вместо толпы стремящихся к Нему, мы видим толпу убегающих от Него, хотя Его помощь не сопряжена ни с какими условиями и совершенно необременительна… И если судить по результату о том, что было сказано, то скорее пришлось бы заключить, что призыв гласит: "Прочь, прочь, несчастные", а не "Ко Мне"[xx]. Как видим, совершенно иная картина. Киркегор полагает, что причина всеобщего бегства не в призыве, а в самом Призывающем. Проповедующий Христос проповедует в унижении и в унижении, лишенном всякой красивости. Он водится с проститутками и мошенниками, Его обещания ненадежны, а Его речи – кощунственны. Человек должен лишиться всякой надежды, чтобы обратиться за помощью к такому непривлекательному человеку, заявляющему, что Он – Бог. И поэтому: "… лишь сознание греховности своей может, если смею так выразиться, силой гнать к этому ужасу"[xxx]. Христианство, узнающее Христа в лицо, Киркегор называет "детским христианством". Непосредственно узнаваемая фигура – фигура мифологическая, языческая, но никак не подлинно религиозная: "Благородный облик Христа – верный признак язычества"[xxxx].

Непосредственная привлекательность, непосредственное очарование – следствие и знак человеческой влюбленности, обманчивой и далекой от отношения к Абсолюту. В ней растворяются все парадоксы веры и человек возвращается к языческой детскости. В этой непосредственности совершается обман и подмена: "Фокус-покус – поэтическое перевоплощение Христа, вследствие чего он из Бога превращается в тающее милосердие, выдуманное самими людьми, и христианство, вместо того, чтобы увлекать людей к небесному, задерживается на полпути и становится

x. "Братья Карамазовы" стр. 273.
xx. Введение в христианство.
xxx. Ibid.
xxxx. Ibid.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

чисто человеческим делом"[x]. Кажется, что эти слова написаны именно об упомянутом начале "Легенды", являющем пример созерцательно-поэтической экзальтированности. Вера у Достоевского и в самом деле, стала, если судить ее с позиций Киркегора, чисто человеческим делом. Узнаваем для Достоевского Христос, но узнаваем и христианин. Верующий от неверующего отличается им не по степени их приближенности к Богу, но по их соотнесенности в мире социальном, в центре которого царит не Бог – но (как справедливо писал Бахтин) газета. Для человека, воспитанного в православной традиции, церковность и церковные таинства постоянно выходят на первый план. В них православный ищет спасения от космического зла, от бесовских наваждений во вне и внутри его души. Авторитет в вопросах науки и нравственности, который составлял основу господства католической церкви, был у православной церкви всегда очень низок и не принимался всерьез. От русского попа отнюдь не ждали духовного и жизненного руководства, как того ждали от западного кюре. Поп прежде всего совершал таинства Церкви и верующим почитался. В первую очередь тот, кто не пренебрегал ими. Среди этих таинств – таинство исповеди всегда занимало особое место. Покаяние освобождает от греха, отдает его во власть Церкви. Газета стала для Достоевского заменой причастия и публикация – заменой исповеди. "Обратное превращение Бедлама в Вифлеем", которое по меткому выражению одного писателя совершил Достоевский, поставило газету в средоточие мистически преображенной социальности. Старцы у Достоевского никогда не осуществляют руководства душой верующего, т. е. никогда не направляют действий верующего советом. Они лишь выслушивают (или прочитывают) исповедь, обращенную к ним, и затем подтверждают, что и человек, сотворивший все это может быть принят и оправдан. Старцы Достоевского суть своего рода абсолютно бесцензурная пресса, способная исцелить мучимого бесами посредством приобщения его к гласности, к универсальной сообщаемости и социальной принятости. Принятие грешника старцами приравнивается на деле к принятию его Богом. Такого рода наивность, кстати говоря, сурово осуждалась Киркегором: "пробужденный" индивид бесстыдно устраивается так, что имеет Бога везде, где бывает сам, так что если вы случайно заметите его, то можете быть уверены, что и Бог там, потому что "пробужденный" индивид носит Его в кармане"[xx]. "Бесстыдно устроившиеся" старцы пленяют прежде всего

x. Введение в христианство.
xx. "Unscientific Postscript".

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

своим обликом. Подобно тому, как узнаваем Христос, узнаваемы и они. Мы имеем здесь прямое следствие многовековой традиции русской иконописи, с ее устойчивым изображением Христа и подвижников. Неожиданности невозможны. Религиозное узнается раньше, чем открывается.

Однако вернемся к газете. Газета всегда вызывала отвращение у тех, кто стремился к уединенному поиску истины. Но истина Достоевскому не нужна. Он понимает истину не как откровение, а как довод рассудка. Ему нужны "точки зрения", "позиции", т. е. газета. Всеобщая истерия покаяний, рев массы, заглушающий одинокий голос. В приобщении к этому реву всякая индивидуальная интонация заглушается. Для Достоевского это глушение – заглушение "ложных голосов". Для Киркегора, напротив, попытка защититься от Божьего зова. Легко проповедовать милосердие к униженным, повторяющим официозные истины, как то делает Соня Мармеладова. Куда труднее не жалеть их, а идти к ним за милосердием и за наставлением. И идти тогда, когда они говорят нечто неузнаваемое и кощунственное.

В стихии газеты всякий поиск истины превращается в цензуру, в то, что назвать "засильем" какой-то одной определенной точки зрения. Истина и откровение выступают в газете как одно из возможных мнений, как "точка зрения", равноправная с другими "точками зрения". Следование определенному методу естественного видится как диктат, навязанный извне. Именно таким диктатом представлялась Достоевскому "передовая" пресса его времени. Он видел в ней глашатая новой цензуры. И цензуры не произвольной и хаотичной, т. е. сравнительно безвредной государственной цензуры, а цензуры построенной на знании, на "дважды два – четыре". Исповедь старцами снимала эту цензуру, освобождала от нее. В открытости слова не ищущего логического основания, Достоевскому виделось приобщение к современности Христа.

Русская интеллигенция всегда боялась знания: знание – сила. Русские инстинктивно чувствовали, что при столкновении с этой силой "глубины" и "прозрения" вряд ли помогут и уповали больше на поддержку сильной и нерассуждающей власти. "Дьявольская и неотразимая логика", "парадоксы, в которых бьется и умирает человеческая мысль", "бездна сверху и бездна снизу" – все это пугает русского человека, хотя западного оставляет довольно равнодушным. Киркегор, открыв амбивалентность доводов рассудка, просто потерял к ним интерес, обратившись к иным источникам откровения. Но для Достоевского они стали угрозой, от которой надо оборониться любой ценой. Он поэтому готов приветствовать любую официально творимую несправедливость и любой

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

произвол, что не верит в их силу, в их эффективность. С юности его научили, что подлинная сила – у знания. И единственное, что он мог поистине противопоставить ему – это свой писательский дар. "Красота спасет мир". Достоевский – как и каждый, наверно, писатель – верил в магический дар своего искусства проникать в души посредством слова, не укладывающегося в рассудочные схемы. Но для того, чтобы проникнуть в них оставалось возможным, надо было, чтобы лик Христов и память о нем не истребились бы в них. Чтобы они могли узнать Его по одному виду, без всякого довода. "Это странно", – пишет Достоевский. Но эта странность и составила суть его веры и основание для его писательской деятельности. Эта странность была ему так дорога, что он готов был принять и свое несправедливое осуждение и несправедливость, чинимую над другими, чтобы только поиск справедливости средствами знания не заставил бы людей об этой странности забыть. Т. е. чтобы забота о "слезе ребенка" не привела бы к слушанию себя и своей судьбы, слушанию, в котором Достоевский так и не смог расслышать Божьего зова.

Киркегор пишет: "Религиозный мыслитель парадоксально стремится ко всеобщему счастью, так как именно таким образом можно будет узнать истинность страдания, его универсальную религиозную природу"[x]. Достоевский столь же парадоксально стремится ко всеобщему несчастью. Не веря в голос Бога, он заботится лишь о сохранности лика Его.

Достоевский верил в способность художественного слова потрясти читателя превыше всяких доводов и "сделать его лучше", т. е. отвратить от идеала содомского и направить к идеалу Мадонны. Он верил в мессианскую роль писателя. Киркегор также чувствовал в себе дар владения словом, потрясающий и влекущий человеческие сердца. Он гордился этим даром, но в то же время боялся его и презирал себя за свою гордость им. Киркегор намеренно от книги к книге делает свою речь все более монотонной и невыразительной. Он борется со своим талантом, потому что видит в нем соблазн идолопоклонничества, заглушение голоса самого откровения.

И Достоевский, и Киркегор чувствовали в себе дар, выходящий за рамки просто искусства, Достоевский экзальтировал его, а Киркегор – подавлял. В икономании Достоевского мы видим его верность православию, также как и в иконоборчестве Киркегора

x. "Unscientific Postscript".

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– его верность протестантской традиции. И в обоих случаях мы оказываемся неуловимо приведены к границам литературы.

V

Мир Достоевского горизонтален, а мир Киркегора иерархичен. Герой Достоевского опознаваем и опознает внешне и поэтому Достоевский допускает полемику каждого с каждым. Герой Киркегора не может быть узнан и потому лишь тот, кто находится на высших ступенях лестницы, ведущей к богу, способен понимать равных себе или стоящих ниже и судить о них. Герой Достоевского знает лик Христов и дело его свободы: принять и отвергнуть. Герой Киркегора лика не знает и потому обречен быть с Богом всегда – хочет он этого или нет. Для героя Киркегора возможен только диалог с Богом. Для героя Достоевского – только с другими. Герой Достоевского выбирает или не выбирает Бога. Героя Киркегора выбирает или не выбирает Бог.

Однако, не следует ли остановить этот порок противопоставлений? Теперь, когда мы уяснили себе конфессиональные границы, в которых развивалось творчество и Достоевского и Киркегора, не следует ли спросить: замыкают ли их эти границы целиком, так что они могут предстать лишь как объекты ретроспективного интереса, или нет?

В начале настоящей работы уже говорилось о страхе и неуверенности, которые стали испытывать европейцы, когда их вера в победоносное шествие разума пошатнулась. И Достоевский и Киркегор предлагают концепции некоей новой решимости жить в европейской повседневности после утраты ею привычного смысла. Новая решимость, однако, может быть ответом лишь на новый страх. Каков он? Боимся ли мы разрушения милой нашему сердцу действительности? Или, напротив, мы боимся ее окостенения вследствие утраты ею движущих начал? Боимся ли мы, что демоны в душах людей не укрощены и в любой момент могут вырваться наружу? Или, напротив, мы верим, что целиком владеем собой и утратили лишь цель нашего самообладания? Разный ответ на эти вопросы требует решимости разного рода.

Достоевский полагал, что человек слишком широк и его следует сузить. Не всем, однако, хочется быть обоженным посредством обужения. Многие задыхаются при таком эксперименте насмерть. Киркегор зовет нас прислушаться к голосу откровения и поверить ему. Он зовет нас истончить ткань повседневности так, чтобы она не смогла ничего от нас скрыть. Достоевский, скорее, стремится уплотнить ее так, чтобы для нас не нашлось другого выхода, кроме как к Богу.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 54**]

Наша приверженность тому или иному писателю может быть понята лишь из нашей собственной ситуации и нашей собственной повседневности. Быть может такое понимание станет пониманием с некоторой дистанции, удаляющей нас от предмета рассмотрения. Однако, по нашему мнению, это есть именно та дистанция, с которой становится видны лица обоих писателей и с которой впервые появляется возможность отличить их.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 55**]

Послесловие редакции

Статья Б. Гройса "Достоевский и Киркегор" представляет собой текст доклада, который должен был быть прочитан на традиционной научной конференции, проводимой Музеем Достоевского в Ленинграде ежегодно в третьей декаде ноября. В дни конференции помещение Музея становилось одним из немногих очагов насыщенного интеллектуального общения ленинградской и московской интеллигенции. Высокий профессиональный уровень большинства докладов, лишенная казенной скуки атмосфера заседаний – все это привлекло к участию в конференции ведущих советских филологов, особенно молодежь. Однако именно популярность этого "мероприятия" заставила чиновников при культуре обратить на него более пристальное внимание. Конференция 1976 года, несмотря на отдельные удачные доклады, оказалась, в целом, более плановым мероприятием, нежели научным событием. Панический страх директора музея перед тем, "как бы чего не вышло", обратился в частности на самую тему доклада Б. Гройса: "Достоевский и Киркегор". Хотя тезисы этого сообщения были предварительно утверждены, а фамилия "Б. Гройс" и тема его доклада значились на отпечатанной программке конференции – доклад был исключен из программы заседаний. Автора уведомили об этом внезапно, незадолго до начала заседания, на котором он должен был выступать. Вероятно не меньшей неожиданностью для него будет публикация в журнале "37". Относительно же традиционных конференций в музее Достоевского – это уже прошлое. Традиция, кажется, пресеклась – 1976 год оказался для нее роковым. В конце концов, место греет лучше любого дела.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 56**]

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ПЕНИЕ
ПОСРЕДИ ЦЕРКОВНОГО
ГОДА

И. БУРИХИН
ЯНВАРЬ-ДЕКАБРЬ
1976

ПЕНИЕ
ПОСРЕДИ ЦЕРКОВНОГО
ГОДА

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ. *У ЦЕРКВИ*

1

Как церковь между домами
прячется, оставаясь на месте,
покуда петляю я по реке,

как мать, что повсюду с нами,
остается всегда в невесте,
да и все мы в Божьей руке,

как Дух из тоски по Деве
падает на адамову отрасль,
оставаясь Святым внутри,

так, верный себе, Господеви
припадает отрок! И образ
делится на два и на три.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

2

Уже багровая луна,
как бы свалившаяся сверху,
отламывает от ствола
своею тяжестию ветку.

Зажав ладонями глаза,
оттаиваю их от боли.
Мороз, замешанный со зла,
фотографирует избою

глядящуюся в окна смерть.
Чего бы почитать из греков
под этот сумеречный смех
давящих на стекло гротесков.

В иезекиилевой ли ржи
колеса поядают спицы,
иль заторможенный: по лжи
не жить! – буксует Солженицын.

А конь выходит на уезде,
покуда ты по ветру лаешь
да жизнью платишь по нужде,
да воду пьешь, да в дыру лазишь.

Вода ломает жернова.
И будь ты сильный или слабый,
но христианкой рождена
для этого ль душа? И самый

отечественный гуманизм
происхождения блатного,
проистекающий все из
противоречия благого,

ища отверстия душой
для слова, что от века юно,
лишь отлетает от ушей.
Но через делание умно,

в страстях отслаивая Я,
мученье да скорбей не множит!
И церковь Божия моя
пускай хоть в этом мне поможет.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

3

Христиане, солнце светит,
по углам гоняя зайца.
Травы блещут. Ветер вертит
философию хозяйства.
И по таинстве высоком
посылает снег на землю
и тебе махнет иссопом
по губам да по везенью,
чтоб текло да не пропало,
чтобы помнил, что прощен
в реках крови, кем попало –
только Духом не крещен!

Христиане, солнце светит,
хоть не так уже, как прежде.
И лукавый, ноги свесив,
неопознанный по плеши,
утверждается на правде.
Лишь в девичестве диакон,
вняв на проповедь во аде,
говорит ему: *диавол*, –
в силу искренности. Поршень,
разбиваясь о Христа,
детонирует о горшем,
чем несение креста!

Христиане, солнце светит,
растворяясь во вселенной.
Мы не знаем, что нас встретит
за соборною сиреной.
Ради матери священник,
в чем довольно мало детства,
изощренным остращеньем
проповедует младенца.
Христиане, пойте Бога
через смертное ничто.
Здесь же бойтесь только, чтобы
там не встретил нас Никто!

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

4

Начало упирается в конец,
как блудный сын в знакомые ворота.
Кому охота отдавать венец,
убив царя. И такова порода

вообще людей. Одни стяжают Дух.
Другие чем-то жертвуют Отчизне.
Ночь происходит в диалоге двух.
А Троица – для продолженья жизни.

Никто не верит просто в чудеса,
в грехопаденьи протирая вещность.
Творенье мира длится полчаса.
Итогом – смерть. И под чертою – вечность.

Таков исход, которого боюсь.
Россия ждет рассеяния. В корне
Иерусалима загнивает Русь.
Рабы наук пророчествам покорней.

И возвращаясь магией Руси
к огнепоклонству, и за все в ответе,
мы повторяем: свят, свят, свят еси –
да будет взрыв! И будем мы, как дети.

С минувшим веком снова не в ладу,
мы жаждем жизни будущего века.
Трепещет тварь. А мы горим в аду.
И Божий страх есть страх за человека.

Так выпив жидкость бытия на вес,
теперь мы чаем воскресенья мертвых!
В конце концов, желанье Бога есть
желанье Бога, – и свобода смертных.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

5

Под снегом ничего не спрячешь.
И в теле не остудишь кровь.
В ночи я слышал голос прачек,
святой смывающих покров
с земли, которая перстов
не утаила. Ибо плачешь,
крестясь, и в оттепель отсель
видна береза или ель.

Так я на Рождестве Христовом,
бежавши в храм, долбил мозги,
утробу, плечи, дабы словом
питаться вышним и ни зги
не видеть, кроме той звезды,
которой, будто арестован,
кто не раскаялся – не съест.
Так выдал и меня мой крест.

И ополчаясь со двора
цветными волнами на судно
дымящей церкви и дрова
считая, что пошли на скудно
там отзвучавшие слова,
земля течет. И все абсурдно
и суетно внутри жилья.
Абсурдно, ибо верю я.

И все же, Господи, я вот.
Под оттепель крещу подробно
мой выдающийся живот
– и медный лоб, и место лобно –
в земле, что Обрезанья ждет.
И церковь облаком плывет,
что даже не правдоподобно.
Пусти ж мя в исповедь, пусти!
И если хочешь, причасти.

Псков. Порхов.
Подоклинье.

Январь 1976.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕМОН

Демон, кто в похотях зла,
по любви к мирскому.

Баллада

Пока летаешь по земле
да ищешь силою вовне,
куда бы возвратиться мне,
привыкшему к жилищам бренным,
и в теле, как на поле бранном,
витаешь звуком, ?аки данным,
быть может, всех ничтожней в нас
духовных сил – но пробил час
и целым делается часть,
связующая с мирозданьем! –
аз одиночеством томим
и чудом от всего таим,
что делать с будущим моим.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

1

Опять кончается зима.
И начинается весна.
И требуется новизна,
утерянная было в женском,
чтоб в этом веянии земском
еще неведомым блаженством
перебеситься, потому
что приближается уму
непостижимое ему,
но обеспеченное жестом
одно виденье. Ибо свят
во сне все *тот* же виден свет.
А в *этом* утешенья нет.

Метель весомее, чем твердь.
Не начинается четверг.
И Церковь, очевидно, сверх
того, чем выплеснулась бездна.
И что в Ней выспренно и бедно,
на небо прыгает победно,
покуда высится январь
и оглашается февраль,
выстаивая календарь.
И устремляется обедня
к посту. И тает под метель,
усиленную от смертей.
И делается вдруг светлей.

А в храме тесно и пестро,
аки пустыннику в метро.
Иначе, кажется – мертво
само дыхание, что в теле
не хвалит Господа на деле
со стадом посреди недели,
с которым призван ты пастись.
А в одиночку не спастись.
И сколько тут уж не постись,
вдруг обретаешься на деве,
молясь, не закрывая глаз,
о том, чтоб не в последний раз
"сегодня я увидел Вас!"

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

2

Пусть видно птицу по перу.
Спасаться велено в миру.
Уснув, я, может быть, умру.
Пускай звучит слепая флейта.
на половинчатого Фрейда –
послеполуденная лепта,
которую получит пан
и у христовых панславян,
как цезарь мира, где, словам
ответствуя лишь мимолетно,
твои интимные черты
невероятнее, чем ты –
у Богоматери чисты!

И приникая в красоте,
как привыкают к высоте,
к паренью тела в пустоте,
ужаленный стрелою дрожи
в утробу, и секундой позже
досадуя на эти дрожжи,
вздымающие плоть на плоть,
я чувствую любовный плод
и даже постигаю под
свободой воли искру Божью!
И "небо" значит, что не Бог,
Который может быть – Любовь,
а может – и ничто из слов.

Зачем же ты стремишься в дом –
обосноваться ни на чем,
где третий служит лишь мечем.
Почти что золотою рыбкой
она скрывается под юбкой
с загадочной своей улыбкой.
И скачет всадник до суда.
И это, видимо, судьба –
выпрыгивая из себя,
в тебя вторгаешься улиткой.
Ах, рыцарь бедный и поэт!
Наверное, что смерти нет.
И все же суета – сует.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

3

Кончается двадцатый век.
Зачем-то нужен человек,
записанный на черновик,
чтобы явиться с ним на Страшный
последний суд и самый страстный
разрушить храм. И лишь прекрасный
останется какой-то звук
от тела бренна, что без мук
не может, якобы без рук,
и дышит прелестью напрасной.
Поскольку и родитель пел
при созиданьи наших тел.
А после и Господь терпел.

Придется с веком наравне,
как в просвещении и мне
стоять пред Господом – и не
досадуя, что о России
судить возможно лишь по силе,
с которою она о сыне
беспамятствует, чтобы в пра-
как право-славии, с одра
-удвоенным: пора, пора –
ответить по его кончине,
в котором из московских царств
и некоторых государств
последнюю нам силу даст! –

Бежать все дальше от царей
туда, где голова целей,
а значит, и от их церквей –
туда, где чувствуешь особость
и культивируешь не совесть,
а собственную лишь бесовость.
И оказаться вдруг в избе,
как в заповеданном гнезде
подбитой птицей, что везде
наследует свою весомость.
И все же силою любви
с гнездом подняться от земли,
сам Господи, благослови!
…….[+]

+. поется без слов

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Мораль у песни не ясна.
Когда воскреснет ото сна,
Россия вспомнит имена,
а не меня. У этой чтицы
не имут памятников птицы –
ее намерения чисты,
как и любовь ее не зла
во имя Господа Христа.
Певец, упавший из гнезда,
да удостоится Отчизны!
Подайте ж днесь ему, друзья,
за все услышанное зря.
А следовать ему нельзя.

Ленинград. Никольский собор.
Февраль-март 1976.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– 11 –

ПРО ФИЛЕМОНА С ЕГО БАВКИДОЙ

Дети кричат за окном, как птицы.
На деревьях стеной вырастает зелень.
Милая с видом самоубийцы
смотрит в окно, как из склянки с зельем.

Глаз выполняет свою округлость
и принимает окраску листьев
легче, чем весь горизонт – окружность
в городе на телефонный выстрел.

Скрытое терпит скорей огласку,
чем обладает вояве тайным.
Мы порастаем бельмом. И глазу
Трудно светиться за этим ставнем.

Как разрослись города и мысли
долу и дому, где на поверку
лучше не знать ни дрова, ни миски
и не держать над тобою верха.

И не читать ни с которого места книги.
И не цепляться за жизнь, как форму.
И не спать, не раздевшись, под чьи-то крики.
И не вскакивать к телефону.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Петел поет, потому что влюбчив.
И начинает бояться юбок.
Семя гниет в языке. А лучше б –
и юбки, чем в громокипящий кубок.

Два петуха, очевидно, пара.
Ветер на плеве колышет плевел.
Чистым все чисто. А дева стара, –
как говорил не апостол Павел.

Что ж ты грозишь мне своею смертью
из-за твоих вообще соперниц.
На огороде с любовной снедью
за бузиною маячит перец.

Сколько ж любее ты любодеек
и охотниц за мужьями чужими.
Кто ищет славы, а кто даст денег,
дабы паче уничижили.

Уничтоженье равно у Бога
паче аж смелости и гордыни.
Только сердце толчется с другого бока –
требует власти над городами.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– 13 –

Руки твои на вечернем небе,
не разбирая славянской вязи,
будто летают в последней требе
над утерявшим земные связи

телом, что было прошито болью.
Разве нельзя умереть в блаженстве?!
Руки болеют еще любовью –
и Бога ради! и так по-женски.

О как запуталось, Боже, сердце.
Вот и ревет, что Твоей белугой.
И замирает, и снова сердится.
И недовольно своей берлогой.

И вылетает похожий заяц
в поле на холм, не скажи – с оленем.
Лист покидает мирскую завязь,
будто бы грешник – во оставленье:

хочет достигнуть верховной власти,
и полагаясь на Божью милость,
верует, что в питии и ястве
нечто невидимо изменилось.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Сколько же лучше ты натюрморта.
урбанистского и даже ландшафта.
А вот лежишь ни жива, ни мертва.
И не узнаешь, что будет завтра.

О немоту ли сравнить с неметчиной!
А плоть не вылазит вообще из зверства.
Будь мне женою, хотя невенчанной.
Остальное нам неизвестно.

Господи Боже, хочу, как будет!
Как тяжело под Твоею дланью.
Только и чуда, что не обидит
всякого, Боже мой, по желанью.

Что же нам может быть здесь обидно,
это ли исполненье болью?!..
Так и жили Филемон и Бавкида.
И была у них любовница, ой-ли,

родила, говорят, уродца.
Ну а если б у тебя? – Ну а если б
звезды Божии из колодца
вычерпать, будто слова из песни?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Каждая звезда – человечек
с пятиконечной его листвой. Но
вот и шумит, поелику нечем:
во еже пети, что есть достойно.
Во еже пети, сгорает Феникс!..
……..[+]
Что же ты плачешь, моя красавица,
якобы обо мне недостойном,
в мире, который нас лишь касается,
в доме, что стоит недостроен.

Май 1976

+. поется без слов.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ОБЛАКО В КОСТРЕ[+]

Август – астры…
М. Цветаева

1

Эка край-сторона древесная
с куполами небес огромными.
И полюбит тя дева дерзкая
под дождем, как дом, укромными.

Ах, любовь-любовь, что кулачный бой,
с идиотскими ее воплями:
Я хочу тебя! Я хочу с тобой
подниматься крутыми тропами! –

где приходится быть насильником.
А душа твоя бродит отроком.
На закате, как птицей Сирин, чтоб
увенчалася пихта облаком.

+. поется под гитару.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

2

Вот и падает август с чужими астрами
– дева думает, что грешна –
Под коронами звезд и костров напрасными.
И слава Богу, что не пришла!

Вот и отпускают меня любоси
с их расположеньем ко мне астральным.
Думаю, глядя на них, о Боге,
очищаясь над ночными кострами.

Небо заволочило белыми облаками.
Гневные на них расширяя пятна,
ты наблюдаешь меня очами
полными звезд. И уже понятно –

это затяжные собираются в ночь дожди.
Я не успеваю закончить фразу.
И высветив сердце мое до последней еги,
падает молния. И больно глазу.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

3

Истомилась душа по облику
Погулять бы теперь по облаку
– только с кем – да рукою об руку,
побеседовати по-доброму,
прислониться Тебе подобному
да по случаю по удобному
и поплакаться по утробному
Отче родному!

Не хотелося этой юности.
А хотелося было мудрости.
А теперь, когда дело к старости,
все то было – чужие трудности.
И не хочется этой радости,
на цветущие глядя поросли.
И готова душа на крайности
да на скорости!

Ремесло у меня приятное.
И судьба у меня превратная.
И любовь моя – приворотная.
И земля моя – первородная.
А беда у меня приблудная.
И тоска у меня бесплодная.
Только сила со мной Господня! да
преисподняя.

Ночь зарницами позолочена.
В облаках ожидают Зодчего.
А рядом пьют и рыдают начерно
и ругаются, Боже, матерно.
А я слушаю их внимательно:
не уснути бы, ибо намертво.
Во гресех роди, видать, затемно,
о, мя мати моя!

Не рыдай мене, мати, бедного.
Не ругай меня, жено, беглого.
Не колдуй меня, дева, верного,
негодуя, на что – неведомо.
Не бросай-ка ты в воду слово.
А на бренную эту голову
я дождусь еще коня белого!
да и Бледного.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

4

От рождения Богородицы
до успения Богородицы
там, где храм от нас отгородится
слышно пенье, как из колодезя.

Застоялась на небе радуга.
Птица хочет иного радиуса.
Отворилися двери райския.
Богородице Дево, радуйся!

Сарма. Август –
сентябрь.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

СЛОВО О СХОЖДЕНИИ В БОЛЬ

Осень кончается в одночасье.
Можно сейчас принимать за счастье.
Боль забирает мои запястья:
что ж ты терпением не запасся! –

требует пульс и ломает пальцы.
Господи, лечь бы-не просыпаться.
Боль продолжает распространяться.
Тело похоже на все распятья.

Боль раскрывает чужие горсти,
как на дозе, отдающей грозди,
и забивает в подъемы гвозди,
дабы висел, а не бегал в гости.

Можно за боль зацепиться платьем.
Быстро теряется смысл понятий.
Ближний становится неприятен.
А чуть подальше, уже приятель.

Это понятно, в сем мире бедном,
будь ты убийцей иль убиенным,
будь ты зелёным иль убеленным,
жить можно, ежели быть влюблённым.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Только в любви, как в ушке игольном.
Легче верблюду в дому игорном.
В кофе шибает сплошной цикорий.
Рядом стоит человек церковный:

мол, неохота толочься в церкви
и ревновать об иной оценке,
ибо и там лишь видны оттенки,
как у икон, где одни отеки.

Самую ржу поедает Время.
Жить на Земле, очевидно, вредно.
Только вчера отстояло ведро,
сразу зима, как ладонь под ребра. –

Снег, как лишай, поедает почку.
Лист, как улитка, стремится в почку.
Чувства сворачиваются в точку.
Я бы хотел не проснуться ночью.

Что же лежать мне без сна и думать –
лишь он о чем. Сознавая дурость,
ветер качает, пытаясь сдунуть
тень со стены. Хоть беги из дому!

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

В хлеб наш насущный вгрызаясь жадно,
будто изжогой, духовной жаждой
мучим, я в крепость с грудною жабой
воздух глотаю летучей сапой.

Кашель, взорвавшись, снует по голым
улицам Питера, аки горним
эхом. Но я не владею горлом.
Не заразить бы кого глаголом.

Он не приносит мне исцеленья.
Каждый глоток, как сапог в сцепленье,
давит на солнечное сплетенье.
И наступает оцепененье.

Кишки цепляются в позвоночник.
Он состоит из сигнальных точек.
И опоясанный болью почек,
я между ног ощущаю прочерк.

Вот он станет, наполняя полость.
Трепет и боль, возникая порознь,
приподнимают на теле поросль.
Пот останавливается в порах.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 80**]

Тело готово для натюрморта.
Ветер свистит, обжигая, с норда.
Это понятней, чем видеть чорта.
Да и огонь там такого ж сорта.

Сходное с уксусом возбужденье
преображает желудок в жженье.
Так начинается разложенье.
Мозг наблюдает свои движенья.

Будто удар, налетают птицы.
Свет осыпает свои частицы
в небытие. А в затылке спицы.
Хочется с кем-нибудь распроститься.

Если бы не было еще в России,
пуще того – где и все родные,
да не мычал от невралгии,
так и подумал бы – ностальгия.

Эхо ломает мои предплечья.
Ежели птицей, то лучше певчей,
так и кружить все у той же печки.
Быть несвободным, пускай от речи!

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Где ж это лето, где всё – цветочки.
Родина скрылась за пни да кочки.
Князь без дружины бежит не мочи.
В небе ни облачка, как ни строчки.

Ибо стихи остаются трупом.
Боль, отзвучавшая в них на трубном
вопле пустынь, оборвалась утром,
будто и не было, златокудрым.

День, как расколотое полено.
Свет раскрывает свои колена.
Перед глазами встает нетленно
вечность, мгновенная будто тело.

Это похоже на Воскресенье.
Это нуждается в объясненьи.
Если случится землетрясенье,
не удивлюсь уже, вне сомненья.

Осень, высокая от мороза,
пахнет весной и звучит, как роза
горных путей. И прозрачна риза
в воздухе – праздничнее сюрприза!
Хочется, чтобы была реприза.

21-23 октября 1976

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ДЕНЬ В ДЕКАБРЕ[+]

1

Некуда торопиться. Небо
выронило между домами
градусник и мутным голубем,
углом в изломе крыш
летит в окно.

Слабеет притяжение земли, – блуждая
падает снежная россыпь, так близко,
что хочется закрыть глаза, и
заметает в комнату. Постель
уходит продолженьем снегопада
на крышу.

Ворона, скособочась на суку,
беспомощно тягает клювом
надломленную ветку. Ей
ощутимо не хватает рук.

В размеренности ритма скрытый скрип.
Мальчика уносит болезнь – на своих крыльях.
Ты приходишь ко мне ребенком.

+. поются наподобие гимнов.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

2

Угол дома скользит в открытом
небе по едва заметным
волнам облачности.
В дымчатых разводах стремительное
разрушение голубого зрачка.

Разбросанные в неге члены
неясно ощущаемого при неудобстве
и от боли тела – текут и стынут,
как облака во мгле рентгенограммы.
И тем теплее кажется внутри.

Птицы, как подбитые, через силу
раскрывая крылья, карабкаются
по воздуху с дерева на карниз,
глядя в окна. Противовесы
хвостов ходят, как маятники –
все замедленнее.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

3

Грузное небо в движеньи
мраморных разводов выдавило
свет на сталинские громады,
бурые глыбы глядят опрятно.

Черные зрачки расширены до квадратов
и удерживающие их на орбитах
белки, перенасыщенные семитской
синевой, пролилась крест-накрест.

Крест, делящий пространство, как лицо,
обнаруживает в каждом окне покойника,
должного бы воскреснуть. Дурной сон, тысяча
глаз убийцы, обращенных вовнутрь квартала.

В черной сетке деревьев дети
раскидывают свой дурацкий павлиний
хоровод, как из-под руки копирующего
брейгелевскую масленицу или Голгофу.

Обязательные повисли вороны,
жадно хватая растопыренными
крыльями ускользающий воздух. Голуби
переливаются по воробьям, как
опрокинутые кувшины.

Животное тепло Екатерины Второй.
Царское Село. Где все это.
на кладбище восемнадцатый век.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

4

Внезапная близость трамвая,
режущее от грудины до паха
скерцо Шостаковича, – сердечная
мышца, разрывая утробный мрак,
прыгает в тяжелой крови, цепляя
липкими плавниками кишки, легкие,
горло, – где-то пишущая машинка
игриво отбивает строку.

И под конец всегда колокола.
Духовная, как тридцать шесть и семь
по Цельсию, температура тела –
то низкая, то пламенная, в зависимости
от координат распятия.

Храни нас, Боже, больше, чем царя…
бормочу я спросонок, вскакивая
к телефону.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

5

Только утро в декабре, утро
занимается и падает вечер.
И без Бога мне не уютно.
Но и с Господом мне не легче.

Мертвенный струится осадок
по стихам, по стенам и в голосах
вековечной давности, как вода
застоявшаяся с крысой в купели.

О запутался я в сетях с ужасным
грузом самоубийцы. И судорогой
мне не вырваться отсюда любовной.
Черных сучьев мне не раздвинуть.
Света Божьего мне не взвидеть.
А и взвижу – так взвою:

о как медленно
разрушаюсь я на глазах
низкого неба

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

6

Длинные скользкие сумерки
покачивается лицо Лены
мой грех

бормочет

очнувшийся для ОТЧЕ НАШ

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

7

В аквариумах квартир поджелтили воду,
сиреневым стал угол неба,
проливавшийся в интимный куб квартала
влагалицем. На триптихе окна
духовное событие. Иисус
ведет за руки Марфу и Марию.

Ворочается по углам ночь, ложится
в тени предметов, перегородивших тусклое
сиянье сумерек, – прилегает
ко мне в обнимку, утыкается
подмышку, щекочет между
ребрами. Волосы ее
текут по руке, и по всему телу,
и по комнате. И в глазах темнеет.

На обеих стенах и в потолке
проступают желтые отраженья
окна, тень от света.
Узко мерцает зеркало.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

8

Снег умягчает взгляд
на безобразье дня,
осиявая сад
бурого декабря.

Призрачная сирень.
Яблоневый май.
Серебряная свирель.
Лебедь над головой.

Скромница при свечах.
Лепка под потолком.
Я бы хотел тут жить
и умереть потом.

Или наоборот –
и умереть сейчас.

29-9 декабря

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Я проходил тут без проводника.
Ночь. Сумерки. В сияньи боковых
приделов крыльев рокотал Грифон
когтящий земле. Он
как невеста, распятый
на взлете. – Крест
послуживший дышлом. Церковь,
напомнившая первую любовь,
как заповедь новой жизни.

ИЗ ЦИКЛА: О БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕ

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 91**]

ОГЛАВЛЕНИЕ

стр.
1 ПЯТЬ СТИХОТВОРЕНИЙ. *У ЦЕРКВИ*……..... 1
2 ФЕВРАЛЬСКИЙ ДЕМОН……..…….….. 2
3 О ФИЛЕМОНЕ С ЕГО БАВКИДОЙ…..…….... 11
4 ОБЛАКО В КОСТРЕ…….....16
5 СЛОВО О СХОЖДЕНИИ В БОЛЬ…….....20
6 ДЕНЬ В ДЕКАБРЕ……25
7 ИЗ ЦИКЛА: О БОЛЬШОЙ МЕДВЕДИЦЕ…..…33

АВТОБИОГРАФИЯ в третьем лице:

БУРИХИН Игорь Николаевич, 1948, с. Троицкое Вологодской области, крещен в православии.

С начала 60-х годов живет в Петербурге-Ленинграде, образование гуманитарное с уклоном в немецкоязычную культуру.

Поэт по преимуществу, стихи определенным образом поются.

Печатался в журналах "ЕВРЕИ В СССР" и "КОНТИНЕНТ", 1976 – стихи из цикла "МОЙ ДОМ СЛОВО".

Перепечатано с экземпляра, отпечатанного
автором для журнала "37".

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 92**]

ПРОЗА

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ПРЕДИСЛОВИЕ.

На первый взгляд, перед нами произведение на избитую, "вечную" тему, – повесть о любви. И если мы доверимся выбору темы, внешнему движению сюжета, то мысль наша сразу войдёт в уготованное русло и мы не увидим в произведении ничего, кроме перепева уже тысячу раз читанного нами.

Но если мы попытаемся преодолеть автоматизм восприятия, то увидим, что под оболочкой "банального" сюжета скрываются глубины неведомых переживаний и смыслов. Интимная история вдруг оборачивается к нам социальной, философской и, прежде всего, этической стороной. Если восприятие наше будет приведено в согласие с имманентными законами построения вещи, то сразу станет понятен и смысл названия, и связь отдельных сцен, и общий пафос повести. Главную мысль рассматриваемого произведения я бы выразил так: узы, накладываемые человеком на собственную душу, страшнее тюремных стен, а угнетённый страхом разум "тягостнее тьмы".

Повесть организуется как своего рода музыкальное произведение с довольно сложным мелодическим рисунком, с постоянным использованием контрапункта. Контрапунктические соотношения существуют и между целыми частями.

Первая часть является своеобразным камертоном, выверяющим звучание всего произведения. Мелодии главных персонажей выступают в ней наиболее чистом, беспримесном виде. Герои максимально созвучны себе. Но героиня, проявляющая себя на протяжение всей первой части как человек, вполне положительный, обладающий большим духовным потенциалом, во второй – неожиданно перестаёт соответствовать представлениям о традиционно "положительном" герое. Ибо герой этот всегда находится в оппозиции к внешнему злу, но никак не к тому доброму, что заключено в нём самом.

Все же усилия героини направлены именно на то, чтобы разрушить

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

всё лучше в себе. Причём делается это без всякого видимого давления. Оно – невидимо. "Темница – без оков".

Разъедающее действие бездуховности проникает всё глубже – в рефлектирующее сознание героини. Каждый атом её существа расщеплён, включён в ценную реакцию саморазрушения. Эта абсолютная противопоставленность себе повергает её в полную пассивность, сковывает, отнимает способность к действию. И невидимыми узами, стягивающими душу героини, связаны все без исключения. Причём настолько жёстко, что всякое естественное проявление личности оказывается социально опасным. Совсем как в романе Хаксли "The brave new world":

"When the individual feels, the community reels".

Может быть, самой глубокой идеей повести и являете то, что именно свободное, естественное чувство – орудие борьбы против общественного омертвения, затронувшего уже духовную сферу.

Художественно эта идея воплощается методом развёртывания в реальный план наивно-мифологического сюжета.

Сказка про Аленький цветочек в первой части – ключ к пониманию произведения. Образы, ситуации, место действия, сам сюжет, – всё символично, существует параллельно в двух планах. Но символика эта не прямолинейна. Мы имеем дело скорее с метафорой, чем с аллегорией. Ведь героиня "ведущая партию" чудовища, в то же время подчёркнуто, обнажённо беззащитна. Характерна в этом смысле сцена в больнице: бессилием скованная рука оказывается в чём-то сходной с "беспощадной лапой дракона".

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Постоянно присутствует ощущение подспудно действующих колдовских чар. Есть даже намёк на некую магическую формулу, расколдовывающее, волшебное слово: … "Ян! Иногда мне кажется, что одного этого звука достаточно, чтобы разрушить весь замок."

Символика замка полисемична. Это и старый петербургский дом /"в сыром и гулком замке так страшно умереть"/, и сам город в ореоле литературных и субъективных ассоциаций, и страна в целом, огромное пространство которой стянуто до микроскопических размеров ощущением его "ограниченности" и замкнутости. Это, что наиболее важно, и душа человека, где в подвалах медленно гибнут без тепла и света зёрна свободы и любви.

Почти сквозь каждый персонаж повести просматриваются контуры фигуры колдуна либо очарованной жертвы. Так, например, носителями злых чар оказывается отец и мать героини, хотя в то же время автоматизированность реакций свидетельствует об их собственной заколдованности. Класс, в котором учится Аня, "превращён" в застывшую, жёсткую структуру /метафора организации общества/.

И лишь свободное появление непосредственного чувства – сила, способная "расколдовать" замок и героиню, заключённую в нём.

Когда болезнь её /являющаяся одновременно следствием и символом духовной несвободы/ входит в кризисную фазу, её спасает от смерти /физической и нравственной/ письмо Яна. Лишь внешние силы способны повлиять на судьбу героини. Сама она уже окончательно закостенела в полном отказе от какого-либо действия, борьбы. Поэтому мы практически не видим её страдающей. Разве что в сцене "бреда", но лишь потому, что болезнь насильственно выводит её из привычного состояния смертвения чувств.

Зато, чем сильнее воздействие разрушительных сил на героиню, тем всё более активизируются действия и чувства героя. Когда все отчаянные попытки проникнуть в замок, где томится Аня, оказываются безуспешными,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

страдания героя достигают кульминации /сцена разговора с паном Карелом/.

Но, может быть, именно эта мука сострадания, сгущённого в единый направленный пучок, и совершает чудо – /вспомним слёзы героини сказки "Аленький цветочек", воскресившие и расколдовавшие чудовище/, снимает оковы с человеческой души.

Правда, совершается это не мгновенно, как в сказке. Подобно нарастающей мелодии, жизнь постепенно возвращается к героине.

Письмо Жени в заключительной части произведения – теоретическое раскрытие того, что метафорически выражено в первой части в форме сказки. Только "путь сердца", свободное, доверительное следование чувству, любовь, – делает душу неуязвимой для зла.

Главная заслуга автора повести в умении трансформировать проблематику из сферы бытовой, социальной в сферу психологическую. Такого рода трансформацию претерпевает в произведении проблема границы. Именно в силу своей непреодолимости она становится метафорой вечной разлуки, превращая "простое, обыкновенное пространство, которое ничего не стоит преодолеть поездом или самолётом" в "тьму, поистине тьму, расплывающуюся и бесформенную, без души и без вины".

Психологическая граница ощущается также в отношениях героев. Для Яна, психология которого не подвергалась насильственной деформации, некоторые поступки Ани совершенно необъяснимы. Он не понимает ни почему она не пишет ему, если любит, ни почему в единственном письме запрещает поддерживать с нею какие-либо отношения. В том, как он воспринимает Аню, удивительно сочетается Абсолютное проникновение в её душевный мир с постоянным ощущением какой-то невидимой преграды: поэтому мы имеем в данном случае дело с чистым экспериментом, – полное понимание на эмоциональном уровне ярко выявляет полное непонимание представителей разных социально-психологических структур. Такой психологический

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

люфт, видимо, ещё долго будет сохраняться в наших отношениях с иностранцами.

Граница проходит прежде всего в душе самой героини. И огромных духовных усилий, страданий, настоящего подвига стоит герою разрушить эту преграду, эти страшные "узы тьмы". Мы понимаем, чего это стоило ему, когда в последней главе он, обессилевший, беспомощный, жалкий идёт рядом с любимой, не в состоянии даже ощутить радости долгожданной встречи. А потом плачет, уже не в силах скрыть своих слёз. И как мольба, приговор, заклинание звучит над ним последние слова Ани: "Теперь уже никогда ничего не будет. Никогда уже, ничего".

Но граница, находящаяся в душе человека, в отличие от государственных границ обладает способностью, будучи уничтоженной, оживать в других людях. Можно пробиться сквозь любые внешние кордоны и границы, разрушить стены, сдавливающие человеческий дух; но всего этого ещё недостаточно для уничтожения "темницы без оков". Из неё нельзя убежать. Она, подобно внезапному ужасу, настигает человека в самом надёжном убежище. Так и случилось с героями повести. Характерно, что в эпилоге враждебная сила, вторгающаяся в их мир, воплощена в одном из второстепенных персонажей – брате Ани. Она проявляется, в первую очередь, через людей пассивных, лишённых индивидуальности, ибо сама безлика.

Жёсткий, механический звонок в конце повести, заполняющий пространство опустевшей пражской квартиры, вымещает тот "прозрачный", реющий звон, который сопровождал героев в первой части повести.

"Тёплый, счастливый мир" в своей замкнутости и самодостаточности беспомощен в столкновении с вихревым натиском зла.

В старые времена крестьяне, чтобы остановить движение племени, устраивали на пути огня пожарище. Только такой "встречный огонь", активная духовная конфронтация, способна затушить холодное пламя.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Н. Малаховская

ТЕМНИЦА БЕЗ ОКОВ
/Повесть/

"Итак, где кто тогда был застигнут, Делался пленником и заключаем был в эту темницу без оков… Ибо все были связаны одними неразрешимыми узами тьмы, ибо весь мир был освещаем ярким светом и занимался беспрепятственно делами, а над ними одними была распростёрта тяжёлая ночь, образ тьмы, имевшей некогда объять их, но сами для себя они были тягостнее тьмы".

Премудрости Соломона, гл. 17

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Благоразумный читателю!

чтути сего писания не удивляйся. Правда есть тому всему; понеже для науки и обычая в иные государства детей своих не посылают, страшась того: узнав тамошних государств веры и обычай и вольность благую, начали б веру свою отменять и приставать к иным, и о возвращении к домам своим и к сородичам никакого бы попечения не имели и не мыслили… А хотя торговые люди ездят для торговли в иные государства, и по них по знатных нарочитых людех собирают поручные записи за крепкими поруками, что им с товарами своими и с животами в иных государствах не остатися, а возвратиться назад совсем. А который бы человек, князь или боярин или кто-нибудь, сам или сына или брата своего, послал для какого-нибудь дела в иное государство без ведомости, не бив челом государю, – и такому б человеку за такое дело поставлено было б в измену, и вотчины и поместья и животы взяты б были на царя; и ежели б кто сам поехал, а после его остались сродственники, и их бы пытали, не ведали-ль они мысли сродственника своего".

Григорий Карпов Котощихин, 1665 год.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

I часть.
I глава.

"Во много раз красноречивей
Красноречья многих слов
Взгляд единственный, в котором
Сердце выскажет себя".
Метастазио, "Парнас сконфуженный".

Один человек стоял посреди чужого города. Внезапно к нему подступила слабость: весь мир стемнел перед глазами. И тут же из тех, кто стоял перед ним, спиной, не видя его, один резко обернулся – к нему:

– Что с тобой?

Сила взгляда крепче силы рук, и жажда помочь – спасительней помощи. Все искупает собой этот взгляд, весь мир исчезает вместе с усталостью, вместо всего – один взгляд, в тревоге спрашивая:

– Что с тобой?

Где-то на заднем плане сознания, нечувствительно, приходит: ресницы светлые, это от солнца… как голос громко… Но дыханье уже вернулось, послушное взгляду, будто обновлённая кровь влилась в жилы. И теперь, когда все плохое кончилось, можно с облегчением улыбнуться:

– Ничего.

За то, что больше всего заслуживает благодарности, благодарить не принято.

– co jes teobи?[x] – так на самом деле прозвучал вопрос, и было это на Карловом мосту, в тот час, когда солнце уже темнело.

– Ничего, – смущенно провело по лбу рукой. – Ничего, уже все. Я просто устала.

x. Что с тобой?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

[**PAGE 101**]

– Уже устала?

– Я ночью не спала.

– А что ты делала ночью?

– Летела.

– I е е и е пам ?[x] – с улыбкой обратилась к ним светловолосая женщина.

– Iаку о е иог, ие ме еIекаII![xx] – воскликнул Павол своим громоподобном голосом. – Аи пеу , кое уа пIеоаI, то е ооктог АIагс п, познакомитесь, по осега Ап ска, – па коIеоо е рап УасIау а рап ….[xx]

– Рго те Катег па![xxx] – перебила его светловолосая женщина и протянула Ане руку. – Апо, то е рекпе, ноп [xxxx] укажет тебе Прагу, – мешая русские и чешские слова, говорила она.

– АIе иа , ппео опа е ипауепа,[xxxxx] – возразил ей Ян.

– Ипауепа? – Катержина обернулась к Ане, – ты устала?

– Да, но я хочу… - Аня умоляюще взглянула на отца.

– А тебя никто не спрашивает, что ты хочешь, – заметил ее отец, и его тонкие губы сомкнулись так плотно, что их почти не стало.

– Ты хочешь видеть Прагу? – улыбнулся Ян, – завтра пойдем! Укажу тебе!

– Хочешь идти с этим хлапом?[xxxxxx]– кивнул на Яна Павол.

…Кам ме…[xxxxxxx]

–… оиоои оуоIет[xxxxxxxx]

x. Вы уже познакомились?

xx. Как удачно, что мы встретились!.. Прямо не знал, где вас искать это доктор Аларчин,… его дочь Аничка… наши коллеги пан Вацлав и пани…

xxx. Просто Катержина!

xxxx. Да, это хорошо, Гонзик…

xxxxx. Но потом, сейчас она устала.

xxxxxx. спIIр-парень

xxxxxxx. … куда мы…

xxxxxxxx. … будут жить…

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Не имеем часу, пан…

… Тени все мягче и длинней стелились под ноги, и статуя слева на мосту казалась живее остановившихся перед нею людей. Но от нее ушли и к другой, и много еще было статуй на этом мосту. В шуме, в разноголосице разговоров все потерялись друг для друга. Только блаженными полукружьями выступили два окна дома под храмом св. Николая, потом плющ грустно притронулся к щеке, так сильно запахли высокие в гаснущем небе свечи каштанов, что этот запах остался последним, когда уже все исчезло в охватившем сне.

Когда Ян проснулся, перед ним в полной свежести, во мраке своих теней стояло утро, глядя на него во все глаза, словно ожидая чего-то. Ян привстал. Настороженно он обводил взглядом комнату – но все молчало, только тени листьев покачивались отовсюду.

Что же это? Как тонкий звон, что-то реяло в воздухе, усиливаясь, приближаясь. В тревоге он встал, вышел на балкон. Тьма, влажная тьма листвы, еще не вспомнившей своего цвета. Все в синей тени, одна только, пронзенная чистым косым лучом, покачивается розовая ромашка. Все молчит и ничто не отвечает, повторяя только надвигающийся и тонкий, как игла, звон. Словно он что-то забыл, словно кто-то позвал его…

Он вышел в коридор – будто в яму провалился. Застоявшаяся здесь ночь сомкнулась над головой. Ни движенья и ни звука, словно его в мешок запихали.

Где-то шорох? Скрип… Нет, тихо. Забрезжило что-то? Он подался вперед, пристально вгляделся. Нет, все тихо и ничего не видно… будто и нет ничего. Неужели нет, неужели только показалось?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Сдерживая дыханье, он чутко вслушался, – нет, все напрасно. Нет, ничего, он один.

Нить напряжения, пронзившая его, отпустила, – как бы проваливаясь в пустоту, он ощутил, как пол подступил под ноги, и все вещное, трезвое, тяжелое разом придвинулось со всех сторон. Настоявшаяся духота мешала дышать, затонувшие в мрачном воздухе вещи, отдельные друг от друга и от всего, угрюмо молчали, а коридор вел только на кухню и больше никуда. И звон, тот дальний, высокий звон теперь пропал.

– Ян! – расслышал он вдруг что-то слабое, как вздох, – и, проникая сквозь мрак, нашла его, притронулась к плечу чья-то рука.

– Аня? – спросил он, – и тут только понял, что это Аня стоит перед ним.

– Тише! – попросила она его, едва шевеля губами. – Тихонько, а то они проснуться! Давай убежим, пока они спят?

Он посмотрел на нее, не понимая ни одного ее слова. Потом он шел за нею, стараясь так тихо, как она. Мельком он видел прозрачную тьму вокруг себя: она вся оказалась пронизана светоносными жилками. Эти жилки, эти пульсирующие сосуды пустого прежде пространства мерцали отовсюду, окружая, как коридор, который ведет в надвигающийся праздник.

– Знаешь, папка, если проснется, – шопотом говорила Аня, – он что-нибудь такое скажет, что сразу все испортит.

– A ja vysvetlim, ze…[x]

x. А я объясню, что…

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Высветлишь? – перебила его Аня. – Никогда ты его не высветлишь! Он просто любит всё нудное, понимаешь?

– Rozumim,[x] – кивнул он, радуясь как будто даже тому, что ее отец любит все нудное.

Они пришли на кухню, и Ян заварил кофе. В тонкостенной чашечке, просвечивающей в лучах утреннего солнца, кофе казался прозрачным и красноватым, как вино. Ане даже захотелось погладить чашечку: такая она была нежная, будто живая. Она уже поднесла палец к ее блестящему боку, – и тут же, отдернув руку, оглянулась на Яна: а он не заметит? Ян же хотел взглянуть на нее, продолжая вытаскивать что-то из холодильника. Того, что брал в руки, он не видел, ощущая только легкость воздуха и радостную невесомость всего, к чему прикасался.

– Что ты ничего не ешь? – улыбаясь, спросила Аня. – Умрешь с голоду где-нибудь посреди Праги – что я тобой буду делать?

– Я теперь никогда не умру, – ответил он. И тут они оба услышали звонок будильника.

– Побежали скорей! – воскликнула Аня.

На лестнице они переглянулись.

– Ой, а я плащ забыла! – Аня схватилась за ручку захлопнувшейся двери.

– П с,[xx] не бойся, – целый день будет солнце.

2 глава.

…Звонок. Так далеко отдаются шаги по утренней улице, что сама тишина, как звон прозрачный, стоит вокруг. Влажная синяя брусчатка под ногами. Тихо. Так тихо, что почти страшно, дыханье

x. Понимаю
xx. Ничего.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

останавливается у губ. Страшно оглянуться и страшно идти, словно впереди прячется и ждет что-то, невидимое в ранней мгле, и жжет лицо. Ян в тревоге обернулся.

– Что? – Аня робко подняла к нему глаза.

Он остановился. Да что же это, не у нее же спрашивать о том, чего он сам не может понять! Он опустил голову и пошел дальше. В свежести, в синем воздухе, в глубокой тени. Ни словом не спугнуть чуть слышное прикосновение этого воздуха.

По старинной улице, обходящей вокруг холма, они сделали несколько шагов и подошли к одинокому дереву. Огромное, оно к траве склонило свои листья. Не шевельнулись его листы, и затаенно пасть льва смотрела слева, со стены. И вот из глубокой травы вырастают ступень за ступенью: они почти телесного цвета, и чудится, камень наощупь окажется мягким.

Шаг – и вдруг солнце праздником охватывает со всех сторон. Оглядываешься, и хочется засмеяться: так изменилось все вокруг.

– Почему ты улыбаешься? – оглянулся Ян.

– Я вспомнила – еще одно такое утро было, – правда! Не веришь?

– Верю!

– Тогда… холодно было, мы маленькие, маршировали по тени, и тень такая студеная, синяя. И вдруг – сразу не солнце, и на ногах белые носочки, сияют. Белые носки – это значит праздник… другого такого утра никогда больше не было…

– Только сегодня? – улыбнулся Ян.

– Да, потому что я так давно… – она запнулась, мельком настороженно взглянула и отвела глаза.

– И меня ты тоже боишься, как своего отца? – удивился Ян.

– Я всех боюсь, – коротко отозвалась Аня… - Смотри! – она подошла к стене.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 106**]

– Как Аленький цветочек!

– Хочешь? – Ян протянул руку к большому, светящемуся на фоне серого камня красному цветку.

– Не рви! Не надо, пожалуйста!

– Что с тобой? – удивился он.

– Ты забыл, что бывает, когда сорвешь аленький цветочек?

– Какой аленький?

– Такой вот.

– Не знаю. Что бывает?

– Ты что, сказку про аленький цветочек не знаешь?

– Какая сказка?

– Рассказать?

Он кивнул.

– Так вот. Один купец уезжал в заморские страны…

– Куда?

– Ну заграницу.

– А-а.

– И спрашивает своих дочек, что им купить. Одна попросила каких-то драгоценностей, другая – зеркало. А третья, самая младшая, говорит: найди мене там, батюшка, аленький цветочек. Казалось бы, странное желание: какая корысть от цветочка? Ну купец не стал удивляться, сел на корабль и поехал. Долго ли коротко, все он купил, и только нету нигде аленького цветочка. Вот однажды он заблудился в лесу, ходит-ходит, дороги нет. Он уж совсем испугался, как вдруг видит свет: такой странный свет, какого еще нигде не было. Он и видит, что этот свет от цветка идет, от настоящего аленького. Ведь и раньше ему встречались разные красные цветы, но, знаешь, как бывает, что все будто бы не то… а когда вдруг то, сразу это чувствуешь.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 107**]

– Да… это правда, – проговорил Ян.

– И вот только он обрадовался, сорвал этот цветок, – вдруг гром, мрак и чудовище к нему ползет. Так мол и так, раз-ты мой цветок сорвал, присылай мне за это твои дочку, которая цветок просила. Купец там плакал, умолял, ничего, конечно, не помогло, чудовище чуть его не съело. Короче, говоря, пришлось той девушке приехать к чудовищу. И вот постепенно она его полюбила.

– Полюбила? Она чудовище?

– Ну да. Оно очень доброе было, все для нее самое прекрасное делало. Ей с ним говорить очень нравилось.

– А-а, понимаю.

– И вот однажды она ездила домой, когда ее отец заболел, а назад вернуться на минуту опоздала. Прибегает – а оно там мертвое лежит. Вот как она бросилась перед ним на колени…

– Перед чудовищем?

– Да. И говорит ему, и умоляет, и что без него жить не может. А оно мертвое, не шелохнется. Как она тогда заплакала… И вдруг гром, все затряслось – а когда она раскрыла глаза, – принц перед ней стоит прекрасный. Оказывается, этого принца давным-давно какой-то злой волшебник превратил в чудовище. И так заколдовал, что одна любовь могла этого чудовища в человека превратить. То есть – если б его, такого противного, кто-нибудь полюбил. А кто такого противного полюбит?.. Никто даже не догадается, кто она такой на самом деле.

– Но эта девушка, которой был нужен алый цветок, – она полюбила?

– Да, и он расколдовался. Это сказка. На самом деле никому не нужен аленький цветочек.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Они миновали Райский сад и теперь подходили к огромному собору.
– Хорошая сказка, – заметил Ян.

Тяжёлая распахнулась дверь: словно в невиданный мир, в целый новый мир они вступили, так огромен этот храм. Взгляду недолететь, где в вышине теряются стрелы стремительных сводов. Дыхание храма пахнуло в лицо – густой голос органа. Он – луч, что медлительных полон пылинок, и, погружаясь в тебя, он тебя растворяет, ты вместе с ним – безграничен, и дышишь, и кверху восходишь.

Внезапно, шагнув вперед, Аня остановилась. Алый, необычайно радостного оттенка свет шел от вознесшейся в темноте картины, прозрачной насквозь. И золотистым, и синим она лучилась, и люди, изваянные на ней, в одном дыханьи сливались с тем светом, что невесомо исходил от них. И линии их движений, и хоры красок витража говорили одно: взгляни, вот она, радость, вот же она – не выдумка, не мечта, – как мечом поражая, она воочию говорит перед тобой. Только руку протянуть – вот же она, бери!

3 глава.

"Смех требует прежде искренности,
а где в людях искренность?
… Искренний и беззлобный смех это –
веселость, а где в людях в наш век
веселость, и умеют ли люди веселиться?"
М. Ф. Достоевский.

– Музыка, музыка
От полудня до заката!.. – Павол дирижировал, обернувшись с переднего сиденья. Сам оживленный, со счастливыми глазами, он то размахивал руками, то жестом приглушал звучание

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

песни, то, поймав в воздухе незримую мелодию, вытягивал ее рукой вверх, когда уже, казалось, ни у кого не хватит голосу допеть. Пели все: и Врацлав с Катержиной, и Ян, и получалось так ровно и красиво. Даже Аня зачастую подпевала, и Павол в восхищении хлопал ее по плечу:

– Ты знаешь наши песни?!

Из Праги выехали еще затемно, а теперь солнце поднялось высоко над дорогой, и цель путешествия, Глубока над Влтавой, была уже не за горами.

– Сейчас увидите! – с загадочным видом говорила Катержина.

– Еще один час, не беспокойтесь, – заверил Вацлав. Он повернул руль: машина въезжала на подъем. И вдруг – забуксовала. Ни с места. Хорошо еще, что вниз не сползет. Все выбрались на шоссе.

– Еще один час? – лукаво спросила Катержина. – П с, – развела она руками, – оиееме иое рат![X]

– Будешь спать на этой земле! – сводя черные брови, пугал Аню Павол.

– Бензину мало, – объявил, наконец, Вацлав, – прохаживайтесь, я достану.

– Куда мы пойдем? – спросил Ян, подходя к Ане.

– А вон туда, – она махнула рукой на лес над дорогою – не знаю, куда.

– Не знаешь куда? – удивился Ян. – Ргос?[XX]

– Ну да, прочь, – она уже карабкалась вверх по тропинке. – Ведь если пойти туда, не знаю куда, так найдешь то, не знаю что. Ты хочешь не знаю что?

[X] Ничего,… будем здесь спать.

[XX] Зачем?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Они стояли, с головой погруженные в тот не престанный сосновый шум, что, раскачиваясь, доносился к ним вниз терпким сухим благоуханием.

– А что есть – не знаю что?

– Это опять такая сказка! – воскликнула Аня и вприпрыжку побежала вперед, сквозь стрекот и позванивание сухих трав.

– Я знаю, что хочу, – заговорил Ян, догоняя ее.

– Что?

– Достать к бабушке. Там будет святоянский праздник.

– Какой праздник?

– Святой Ян. Когда через огонь прыгать.

– А, Ивана Купала? Поедем, обязательно! Только… ты не прыгай, ладно?

– Почему?

– Ну… я боюсь.

– За мой живот боишься? – удивился Ян.

– Почему за живот? – она рассмеялась.

– Живот значит жизнь,– объяснил Ян.

– А жизнь значит жажда! Помнишь, как Павол всегда за столом такие глаза делает и рычит: "Я мам жизнь"! – Они еще громче расхохотались.

– Пойдем ночью на поклад выгледать?

– Какой поклад?

– Хороший… такой, он в земле.

– Клад?

– Да. Пойдем?

– Зачем мне клад…

– Не хочешь? – удивился Ян. Она покачала головой.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Почему?

– Ну… лучше об этом не говорить.

– Я тебе все говорю!

– Не обижайся! Помнишь, ты хотел росу сорвать? Она сразу пропала, у тебя один пустой листик остался. Так и это … если сказать, сразу пропадает. Смотри, – она кивнула под ноги, на сухую хвою, – когда я была маленькая, я думала, в такому лесу вместо травы растут иголки. Ну, – она притронулась к его плечу, – Ян, не сердись!

Они перелезли через поваленные стволы, выбрались на опушку и –

Дух захватило – так внезапно упал из-под ног этот склон. Долгий, долгий, и с размаху – в кромешной золото луга. Его охватывает темный лес, а там, все более радуясь и растворяясь, за зелеными долами, за алой рассыпью крыш, – земля плавными горами снова поднимается к небу.

– Побежали!

Сколько воздуху под ногами: вот-вот земля отпрянет – сорвешься в этот простор. Еще два шага, бегом, скорей из-под тени холма – и вот, наконец! Как слиток золота луг в темной раме огромных елей.

– Скорей! – Ян махнул рукой – к лесу.

– А вдруг папа снова будет ругаться?

– Тогда мы тоже будеме ругаться! – улыбнулся Ян.

И они кинулись к еловому мраку, такому яркому над солнцем травы. В глубоких травах по пояс, среди цветов с такими чистыми лицами, каких они еще никогда не видели.

К вечеру все-таки добрались в Глубоку над Вятавой. В замок попали уже на закате. А к ночи приехали в Ческе-Будейовице, остановились

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

в гостинице "Солнце". Аня легла, закрыла глаза, – и снова увидела золотой потолок. Он сам растворялся в своем свечении, становился глубоким, пронизанным насквозь, а выписанные на нем цветы, оживая, наливались золотым соком. Вот они дрогнули, потянулись к лицу, – и, не успела она оглянуться, – опрокинулся в лицо простор и луг, в который она летит, раскинув руки, погружаясь все глубже в воздух… в траву.

Наутро солнца не было. Ян с Аней на автобусе доехали до широкого поля и здесь вышли.

Небо точило нечастый дождь, и колосья, согнувшись под тяжестью влаги, ударяли по ногам. Показалась высокая колокольня, дома, по пояс в мягком тумане.

– Смотри, какой домик! – Аня дернула Яна за рукав. Они подошли ближе. Старинный, с маленьким смешным мезонином, этот дом так весь зарос зеленью, словно сад всхлынул по его стенам и потопил его в себе. Аня, как зачарованная, разглядывала аквилегию, которая то и дело стряхивала с себя капли дождя, окошко мезонина за пышной листвой.

– Либится тебе? – спросил Ян. – Хочешь сюда идти?

– Ты что? – она даже испугалась, – в чужой дом?!

И вдруг во всю мощь грянул дождь. Ян что-то крикнул, Аня не расслышала – он схватил ее за руку и потащил за собой. Нет, это был не дождь – потоп, сквозь него надо было продираться, как сквозь заросли, сквозь белую густую чащу. Дорожка рекой хлынула навстречу, над нею вспархивали быстрые фонтанчики, аквилегия совсем пригнулась, пряча лицо в траве, – и вот, наконец-то! Не хлещут больше, не гнетут тяжелые струи, над головой навес крыльца, можно отдышаться.

– Ты куда меня привел? – возмущенно обернулась Аня к Яну. Ян смотрел на нее с улыбкой: вода так и лилась по его лицу, капала

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

с потемневших волос.

– Разве тебе не либится этот дом? – отозвался он и, растворив темную дверь, повел Аню за собой. Сени – и дверь за спиной захлопнулись.

– Нас же сейчас прогонят! – в отчаяньи прошептала Аня. Тихо скрипели половицы, благоухание старого дерева, гвоздики и сухих трав охватывало со всех сторон. Ян раскрыл еще одну дверь, – –

Полумрак, чуть подтаявший от огня двух свечей. Свечи смотрят тихим светом: он как дыхание колеблет теплый воздух в комнате. Поблескивает в углу распятие. За столом, подперев голову рукой, старушка читает толстую книгу. Ее лицо, покрытое тайными знаками морщин, полно сосредоточенным покоем, как ее книга, как весь этот сумрак. Ветер от двери дригнул огни свечей, – она подняла голову. –

– Енек! – промолвила она, встала, вглядываясь в темноту. – Ienecek, cely mokry![x]

4 глава.

"…Замок с синими глазами.
Купол – золотом волос…"

В Прагу вернулись днем. Разгар дня бесцветным, пыльным блеском раздражал взгляд, оглушал бессмысленный грохот вокзала.

– Какой вокзал, – Аня покачала головой, – правда ведь, в Праге должен быть не такой вокзал?

Она спустилась по ступенькам вагона, держась за поручни, ловя ногой останавливающийся асфальт перрона, – и вдруг, отпуская руки, отрываясь, – чуть покачнулась и встала.

– Аня! – крикнул Ян, внезапно чего-то пугаясь. Он спрыгнул вслед за нею, подхватил чемодан.

x. Енечек, ты же весь мокрый!

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Что? – она оглянулась.

– Мы… домой сейчас пойдем? – он спросил, чтобы что-нибудь спросить, он уже сам не понимал теперь своего страха.

– Нет, лучше скорей… ты же обещал показать мне Петршин? А поесть можно в столовой.

– Ян, – спросила она, когда уже шли по улице, – сколько нам еще осталось дней?

Он остановился. Кто-то его толкнул, он отступил в сторону – и все так же смотрел на нее, будто не в силах понять ее вопроса.

– Когда мы должны… то есть я… уехать? – переспросила она.

– В субботу, – выговорил, наконец, Ян.

– Значит, – заметила она, когда они прошли несколько шагов, – нам еще три дня осталось.

_____

На Петршине, высоко на холме она стояла, опушенная темным вечерним солнцем. В красноватом торжественном воздухе, перед возвышающимися Градчанами, – такая маленькая, – и, опустив голову, смотрела вниз, на город. Вон там полукруг окна выглядывает из-под листвы, такое блаженное лицо у этого дома, оцепеневшего на солнце. Карминная, прозрачная от лучей черепица крыш, где-то древняя стена под навесом плюща, и синие башни собора св. Витта на вершине холма.

Молчание длилось, чуть покачиваясь, как этот протяжный красноватый воздух. И Аня, склонившаяся над городом, с каждой волной прибывающего молчания все дальше, дальше уплывала куда-то

_____

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Пойдем в твой дворец? – окликнул ее Ян.
– В какой мой дворец? – она обернулась
– В Бельведер?
– Да, в дворец Креловны Анны.
– Пойдем лучше сейчас к моему дереву, во дворец мы еще завтра успеем.
– К какому твоему дереву?
– На Кампе.[x]
– Ты мне о нем не говорила.
– Я тебе не обо всем говорила.

Они проходили мимо увитой плющом ограды Лобковицкого дворца. Уюти в живой колеблющейся одежде было чугунным лепесткам и колоннам из древнего камня, и привольно дышалось растению на этой ограде, почто ожившей от любовной человеческой работы.

Аня шла, задевая плечом дремлющие листья. Старинный фонарик прятался в тени у входа.

– Зайдем? – спросил Ян.

Вошли в подъезд дворца – словно в беседке очутились: потолок был как цветок, лепестками опирающийся на колонны. Аня прислонилась к колонне и стояла сгорбившись, черным силуэтом на ярком воздухе. Сквозь полукруглую арку она глядела: как виденье, рисовался плющ на ограде, за ним таяли в далеком воздухе деревья. Опираясь о колонну, она стояла, с головой погруженная в слабеющий свет. Он еще прикасался к плечу, согревая, – но уже готов был отступаться и уйти – оставить ее темноте. Она поежилась.

x. Кампа – остров во Влатве.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Ie tebe zima?[x] – спросил Ян.

– Зима? Какя зима? – она подняла голову.

– Для тебя есть зима?

– Для меня? – она чуть усмехнулась, – зима… Снег… – она привлекла к себе выбившуюся из гущи плюща светлую, едва развившуюся прядку. И снова оцепенела, словно забыв о том, что собиралась идти на Кампу, – стояла, как выпавшая из жизни, бессознательно глядя в темноту между листьями. Где-то прошел, не задевая сознания, голос Яна.

– Что? – она встрепенулась.

– Ты не хочешь отсюда уехать?

– Уехать от Праги? – она глядела на Яна в недоумении, будто только что подняла лицо от сна.

– Ты не хочешь, – повторил он.

– Какой ты странный, Ян! Как же можно… это говорить? – добавила она поспешно и невнятно, словно надеясь и сами эти слова спрятать, схоронить от него, как прятала глаза.

– Но ведь ты не хочешь уехать! – он настойчиво смотрел ей прямо в лицо.

– Какие у тебя глаза… – она отвернулась, отошла за колонну. Но он ее догнал, –

– Аня, – он не отводил от нее глаз, – зачем ты уедешь, если не хочешь?

– Не мучай ты меня, – она снова отвернулась, – мне и так… будет хуже, чем тебе.

– Если ты не хочешь, значит…

– Что значит? – она вдруг обернулась.

x. Тебе холодно?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Значит, – не надо, – ответил он, пугаясь ее побледневшего лица.

– Тебе нравится меня мучать? – тихо спросила она. – Ты злой Ян? Я не знала. Я думала, хоть ты добрый.

– Я злой? Я не хочу, что тебе есть зло!

– А ты знаешь, почему мне зло? Ты понимаешь, – она вся дрожала, – почему мне хуже всего? Нет? – у нее перехватило дыхание. – Потому что ты, все время, мучаешь меня, ты смотришь на меня, всегда, – она уже не разбирала слов, – ты хочешь меня мучить, ты мне больно делаешь, ты,– она задыхалась, – лучше б тебя совсем не было! – она закрыла лицо руками.

Легче было бы плакать, но она только вся дрожала, прижимая руки к лицу. Потом она почувствовала холод от колонны.

Подняла голову. Уже сумерки встрепенувшимся ветром ходили под деревьями, задевая ветви, отяжелевшие от росы. Чужие, люди, переговариваясь, шли по улице, – а Яна не было нигде.

5 глава.

Наутро солнца не было. Пасмурное было утро и холодное. Ян отпер дверь, вошел в квартиру.

В тишине раздавался тонкий Анин голосок. Ян подошел к приоткрытой двери в кухню. Аня пела, песня была густая и такая странная:

– Я на кончик пики
Повяжу платочек,
На твои на синие
Погляжу глаза…

На слове "синие" у нее голос искривился, последние слова она почти прошептала и замолчала. Ян толкнул дверь, вошел, – –

– Ян! – Аня обернулась ему навстречу.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Он смотрел на нее в растерянности, будто не узнавая. Глаза у него были блестящие, как от высокой температуры.

– Где ты был?

– Нигде. В Праге.

– Но всю ночь… был дождь.

– Да. Я… сейчас пойду.

– Куда?!

– Ты хочешь, чтобы я не был.

– Это неправда. Ян…

– Я… мучал тебя?

– Нет… я не знаю. Я не знаю, кто нас мучает… Пойдем в комнату, здесь холодно.

– Не гневаешься больше на меня? – он остановился на пороге. Она оглянулась, –

– Какой ты! – от слез ее глаза казались еще больше, – Это ты должен на меня гневаться.

В комнате казалось теплее от мягкой мебели. Аня с ногами забралась на диван, закуталась в пиджак Яна, – так непривычно она выглядела под серым пасмурным светом.

– Опе гапо[х], – начал Ян, – я шел к Вашеку…

– Да?

– И он… не дается с ним говорить. Когда ты уведешь, ни с кем буду говорить.

– У тебя останется твоя музыка.

– У меня ничего не останется, – пробормотал Ян. И добавил, – … А у тебя – твои образки, – машинально, как бы задумавшись о чем-то другом.

– Какие образки?

х. Сегодня утром

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 119**]

Ян кивнул на альбом, торчащий из-под книг на столе.

– Ты думаешь, мама даст мне в этом году рисовать? – Аня покачала головой. – Она еще весной говорила, что не даст мне больше чепухой заниматься.

– Какой чепухой?

– Ну рисовать. Она всегда надо мной смеется, как я рисую, вообще обещала у меня все картинка отнять. Говорит, художники никому не нужны, и вообще это несерьезно, им гроши платят. У нас, говорит, висеть на шее собираешься, – или у мужа?

– У мужа? – Ян глядел на нее бледный, ничего не понимая.

– Ага. Говорит, мне твой муж спасибо скажет за такое сокровище.

– Это не люди! – он сделал несколько шагов, как бы не зная, куда деваться. – Разве такие люди бывают? – в замешательстве он обвел глазами комнату, балкон.

– Ты на балконе меня от них спрятать хочешь? – усмехнулась Аня.

– Почему… ты и в комнате жить можешь.

Она подняла глаза, оглядывая стены мебель, –

– А что – хорошая комната. Вон там можно раскладушку поставить.

– Какую кладушку? – опешил Ян.

– Чтоб мне спать.

– Я тебе свой диван дам, а сам пойду спать в гостиную.

– Так это будет моя комната? – не поверила она.

– Если пустишь меня делать уроки…

– Так уж и быть, – разрешила она. – Как хорошо-то! Целая комната. – По-новому она оглядела каждую вещь, и все ей показалось уместным, симпатичным, как и надо.

Она вздохнула и сама подошла к балкону.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– И вы никто не будете говорить, что я – дура, даже если я стану рисовать?

– Что ты! Мы все рады, что ты рисуешь. Хочешь, я тебе масляные краски куплю?

– И вы… не будете надо мной смеяться?

– За что над тобой смеяться?

– Что я не такая, как другие.

– Все не такие, как другие. Разве надо мной смеются?

– Как хорошо… когда никто не смеется. Правда? Да, Катержина очень добрая. И дядя Вацлав хороший. Я вам буду картошку чистить.

– Нет я сам буду! А ты только рисуй… и танцуй. Я не буду смотреть, если ты не хочешь.

– Может быть, я тебе потом разрешу.

– Это будет лучше всего!

– Почему?

– Как ты танцуешь – это лучше всего. Ты не сердишься, что я смотрел? Я же не знал, что ты не хочешь.

– Я уже не могу на тебя сердиться. А то если сейчас сердиться, я уже не успею тебя простить.

– Почему? Ведь ты же остаешься! Ты будешь жить здесь.

– Ян, перебила она, – хватит уже. Не надо больше так играть.

– Я не играл. Зачем уехать, если ты не хочешь?

– Какой ты… нет, не глупый, а просто ничего не понимаешь.

– Почему не понимаю?

– Не знаю. Просто ты совсем не такой… у тебя даже походка другая. Когда ты идешь, это похоже… вот помнишь, та музыка, мы однажды в Бертрамке[x] слышали? Не Моцарта, а другого композитора…

x. Бертрамка – музей Моцарта.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Мысливечка?

– Да: Она такая – смелая, свободная!

– А ты разве не свободная?

– Конечно, нет. Я вообще таких людей, как ты, не видела. Ты даже не понимаешь, что если чего-то хочешь, та как раз этого и нельзя.

– Почему нельзя, если хочешь? – он с тревогой и недоумением смотрел на нее.

– Потому что это так всегда. Я уже привыкла. Да вот хоть с музыкой – как было. Я ее полюбила – а зачем? Я так просила, чтоб мне купили пианино, чтоб музыке учиться, так плакала, а они только смеялись.

– Кто они?

– Родители. Это потому, что я хотела. Если б не хотела, меня бы нарочно заставляли, как других. Поэтому лучше никогда ничего не хотеть. Понимаешь?

– Не понимаю. Они тебя просто не любят.

– Все всех не любят, – она пожала плечами.

– Почему?! наоборот, меня все любят.

– Тебя…

– И тебя: Катержина, и мой папа.

– Да, они не такие, но на самом деле… – она запнулась.

– Что на самом деле?

– Ну как бы тебе это объяснить… Вот выходишь на улицу – тебя могут толкнуть, стукнуть, сумку из рук выбить, – никому и дела нет. В магазине обсчитывают, ну если не обсчитают, так обвесят обязательно. В столовой обругают, в прачешной ругаются всегда, и в автобусах…

– Тебя ругают? – удивился Ян. – За что?

– Ни за что. Им просто нравится ругаться, им это удовольствие. И вещи такие делают! Стол купили – ножка отвалилась, проигрыватель

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

сразу испортился, туфли всегда до крови ноги натирают, потолок протекает – чинить не хотят, и вообще… Если б всех любили, разве стали бы так все делать? А когда уже так обидят, что идешь по улице и плачешь – ведь никто не подойдет, не спросит, всем наплевать!

– Ты плачешь?..

Стало тихо. За окном все больше темнело, мрачная башня, нахохлившись глядела из-за мокрых крыш.

– Я … тебя не пущу, – выговорил Ян, наконец, глядя исподлобья. – Я не хочу…

– Разве мы можем хотеть или не хотеть?

– Не пущу тебя, – почти шёпотом прибавил он.

– Кто ты такой, чтоб не пустить?

– Кто я? – он удивился. – Я – человек.

– Нет, Ян! Это только так кажется. Это только на вид. А на самом деле мы - не люди, мы ничего не можем.

Совсем стемнело в комнате. Ян положил руки на стол, опустил на них голову. Сознание уносилось в разбегающееся пространство: ни за что не ухватиться. Как быстрый конь, скачет оно прочь, вот уже едва слышен замирающий звон копыт…

– Ян, что с тобой?

Он поднял голову.

– Ты заболел?

– Нет, – он покачал головой. – Я не болен. – Не жалобный у него был взгляд – просто очень искренний, очень серьезный: он как бы хотел отвести ее от своей боли.

– Ты всю ночь… ведь дождь был! Наверно, температура? – она подняла руку, и он приклонил голову к ее ладони.

Поднимаясь по лестнице, Катержина особенно остро ощутила тревогу: а вдруг Ян так и не вернулся?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

В квартире было тихо… неужели никого нет? Не раздеваясь, она заглянула в гостинную, прошла по коридору до комнаты Яна, раскрыла дверь; ей навстречу обернулась Аня. А на диване, под периной, – слава богу, пришел все-таки!

– Дети, – промолвила Катержина, – завтра вы пойдете на "Проданную невесту", вот вам билеты. А ты, бродяга, шлялся где-то целую ночь и теперь больной валяешься? Ладно уж, не скажу отцу, а то тебя завтра из дому не выпустит.

6 глава

На площадь выходили люди, они переговаривались и шутили, выбегали девушки в разноцветных юбках. Все собирались вместе, словно подхваченные музыкой, – и вдруг запели:

Proč bych nam se neveselit?![1]

И вот уже несут май[2], весь увитый цветами, с огромным венком наверху, и от венка спускаются, развиваясь ленты. А музыка подступает все ближе, громче, девушки за ленты взялись и пляшут мая, закружился венок…

– Что же это? – Аня привстала, не сводя глаз со сцены. Когда-то … нет, никогда, но ведь это уже было. То родное, что помнится не памятью…

И вдруг из ничего, будто из синего неба площадью, возник голос хора. Он мощно и радостно вознесся, стройный, как множество башен и фиал собора святого Витта, единым движеньем опрокидывающихся в небо.

Музыка кончилась, смертвел без нее воздух. Аплодисменты тоже смолкли. Аня с Яном выходили из театра. Толпа, мягко подталкивая, несла их к выходу. А там за порогом уже ждал вечер.

1. Почему бы нам не веселиться?
2. Май – празднично украшенное дерево или шест.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Через много недель, в один сырой и серый день, усталая женщина, учительница литературы, проверяла сочинения на тему "Лучший день лета", "Усталые, но довольные…", "купались и загорали", "грибы и ягоды". Снова "усталые, но довольные". У нее уже рябило в глазах, когда она раскрыла очередную тетрадь и прочла:

"Вместо сочинения я напишу сказку. У нее не будет начала, не будет сюжета и даже не будет конца, и я знаю, как ее назвать".

И за этим длинным заглавием следовали две странички, исписанные смешным детским почерком:

"Дождь уже кончался. Полнеба смеялось глубокой синевой, и золотое ликование звенело в тяжелых каплях. Они шли вдвоем под одной накидкой, развивавшейся над их отважными голубыми крыльями. Эти крылья, со всех сторон облитые солнцем и дождем, то нетерпеливо бились где-то за спиной, то, смеясь, запрокидывались над их головами, обдавая их мокрыми осколками неба.

Праздничное ощущение мгновенного счастья, такое частое в детстве, не покидало ее. С томительным весельем, еще не отзывающимся болью, рассматривала она, может быть, в последний раз прекрасные замки и лестницы, увитые плющом, сады и дома. Он тоже улыбался, обращаясь к ней: ему передалась эта странная иллюзия растянутых последних часов. Так тишина перед выстрелом всегда кажется самой глубокой.

Удивительные минуты вечера, когда солнечное великолепие прозрачно и глубоко горит оранжево-золотистым сиянием на всех стенах, деревьях, на лицах и одежде людей, а посреди темной воды мерцает золотой отблеск: это солнце сверкнуло в чьем-то окне над рекой и отразилось среди волн. Синева неба расцветает ярче и свежее, а мрак теней смягчается легкой сиреневой теплотой.

Потом запахло железным и тревожным запахом вокзала. На этом сказка кончилась: я же предупреждала, что у нее не будет конца". Учительница пробежала глазами эти странички, потом пересела на диван

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

и еще раз прочла сочинение ничем не примечательной угрюмой девочки.

Несколько мгновений она сидела неподвижно и, сощурившись, вглядывалась в уютную тьму под дочкиной кроваткой. Трудно было пошевелиться: сказывалась многолетняя усталость. Наконец, она почесала в затылке и приписала под сочинением своим неприятным взрослым почерком: "Чересчур много эпитетов, выспренно". … Как странно выглядит ее размашистые красные слова под аккуратными фиолетовыми строчками! Она коротко вздохнула и с размаху поставила пятерку.

7 глава

"Где она? Какая смерть? Страху никакого не было, потому что и смерти не было. Вместо смерти был свет".

Л. Толстой. "Смерть Ивана Ильича"

В глубокой темноте стояли вагоны со странными замкнутыми лицами. Вагоны, под чью власть так беспечно предал себя человек, – по которым бежал он теперь, не переводя дыхания.

Перед дверью он замедлил шаги. Остановился. Но рука сама толкнула ее, и он шагнул вперед.

За толстым стеклом, в тусклом воздухе, прислонясь к стене, стояла Аня. Она стояла бледная, подавленная, а вокруг нее ходили и разговаривали люди.

Сосредоточенный от знобящего страха, Ян толкнул и эту дверь. Аня оглянулась.

Он легко, не помня своего ужаса, прошел несколько шагов по исчезнувшему коридору. Улыбаясь счастливой улыбкой, он прощался с теми, кто стоял перед ним. Только не к ней, не сразу. Ну вот и все, что же теперь…

Он сделал шаг. Вот что, оказывается: он просто пожимает ей руку и говорит "до свиданья". Её лицо – улыбка такого счастья, что нет больше мрака, нет и быть не может.

В самозабвеньи он кивнул ей еще раз и пошел по коридору. Дверь почему-то никак не открывалась, он ее толкал и толкал. Тогда /он

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

услышал шаги/ ее отец и она подошли, и отец раскрыл перед ним дверь. Они вышли в тамбур, и Ян спрыгнул на землю. Поднял руку над головой, помахал им и вдруг, неожиданно для себя, словно всю жизнь, только по-русски и говорил, прокричал:

– Жду писем!

Ее отец казался черным на фоне проема. Но из-за его фигуры Аня появилась в дверях, махая ему в ответ.

– Я не помню адреса, – обернулся к ней отец.

– Я помню, – ответила Аня. Она была светлая, хотя /Ян потом вспомнил/ на ней был темно-красный свитер. Она была вся совершенно светлая. И дверь захлопнулась.

Ян сделал несколько шагов. И тут только, опомнившись, понял, где он, что за земля у него под ногами, что означает этот поезд.

Время тоже очнулось, оно забилось, отсчитывая последние секунды. Ян шел все быстрей по колдобинам тесной земли между поездами. Он спешил, словно надеясь убежать и скрыться от этого места. Свернул направо, перепрыгнул через рельсы, – и выбрался на платформу. Скорей! Он не понимал, куда так торопится, но даже запыхался. Платформа, асфальт… Так что же это? Ян оглянулся --

Поезда не было. Он не ушел, не уехал, он просто бездвижно и неслышно, как стоял, так и канул во тьму.

…Приди, как дальняя звезда… – прошептал вдруг Ян, глядя в эту тьму, что сомкнулась за поездом. Строчки из стихотворения, которое в бабушкином лесу читала ему Аня:

– Приди, как дальняя звезда,

Как легкий звук иль дуновенье, – повторял он про себя, ускоряя шаг. В жарком ожесточении, когда все силы сжимаются в один пучок, он повторял, он твердил все одни и те же слова:

– Приди, как дальняя звезда!

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Часть вторая

I глава

Над Аларчиным мостом, над его перилами, – чередой вертикально вытянутых чугунных колец, над покосившимся зеленым ларьком, где вчера продавали арбузы, – сероватое и жемчужное брезжило утро, Аня медленно шла по влажному тротуару; Крюков канал, горбатый деревянный мостик, Никольский собор слева, – и она снова углубилась в тесное ущелье, по дну которого протекал канал.

-_____-

Есть в Ленинграде одно заколдованное место. Стоит всего шаг отступить в сторону с какой-нибудь вполне приличной, обкатанной улицы, – и вы вдруг окажетесь в этом сомнительном углу, где кажется, даже столбики автобусных остановок поставлены только для виду, чтоб успокоить случайно забредших сюда прохожих. Странно дома обступят тут вас со всех сторон, какими-то подозрительными взглядами они будут вас провожать. Вам захочется прочь – но не тут-то было! Уклончивый канал виляет то вправо, то влево, и согласно ему круто поворачивает застывшие здания.

Вон на том берегу тихий особняк с треугольным фронтоном, загадочный в сумерках, с окнами, за которыми ходит неведомо кто, с раскрытой дверью балкона и невнятной, чуть слышимой музыкой. И уже можно погрузиться в приятную, безболезненную задумчивость, припоминая печальную грацию андерсеновской сказки, – как вдруг вода из-под ног глянет на вас таким замораживающим оком, что вы оторопеете. Не одной грубой силой может вода погубить человека: она подкрадывается неслышной сыростью, опутывает смрадом.

А модный когда-то и до сих пор гордый особняк с башенкой смотрит с того берега глаза в глаза приземистому грязному дому с такой подворотней, в которую не всякий решится зайти.

_____

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– 29 –

… Аня брела, спотыкаясь о грязь и мусор какой-то стройки. По тому берегу тянулось бесконечное здание: багровые кирпичные стены, груды сваленных ящиков. Аня знала наверняка, что придет сюда чуть ни в первый же день, как приедет. И теперь в нетерпеньи она ускорила шаг. За скудной листвой на том берегу мелькнуло что-то серое. Аня прошла еще два шага и остановилась.

Из глубины воды вырастают мощные колонны, вознося над собой точно такие же, означенные полукруглой аркой. Распахивая перед глазами простор, выхваченный из привычного неживого пространства, они торжествуют над всей угнетающей тяжестью здания. И напряжением полета над аркой неровно приподняты хрупкие раскрылья.

– Чего ты палку сосешь? – раздалось за спиной. Аня вздрогнула, оглянулась: мимо проходила пожилая женщина, держа за руку мальчика в черном пальто. Кругом было очень пустынно, ни одного больше прохожего. На стене соседнего дома чрезвычайно аккуратно, с маленькой буквы, было выведено: "добрякова – мешок с жиром". Аня опустила глаза: по хмурой воде изгибаются смолистые разводы, седые завитки покачиваются в тугие серые комья. Во всем этом и отражается арка. Аня снова взглянула на нее – словно вздохнула полной грудью. Ворота в никуда, за ними – низкие, невыразительные строения… – нет, скорее – ворота в небо /но почему с такой тоской смотрят на меня эти стены?/ И все-таки они летят, хоть непомерно малы раскрылия.

Теперь было все равно, куда. Но не домой. Аня обогнула Новую Голландию, пересекла площадь Труда и, миновав угловой гастроном, вошла в великолепную панораму набережной.

За чугунными перилами шевелилась водяная масса точно такого же чугунного цвета. Едким смрадом ударяли в лицо с воем проползающие по мосту машины. Аня поймала себя на том, что идет сгорбившись, опустив голову и не глядя по сторонам, словно торопится скорей уйти прочь отсюда. Еще не веря себе, она замедлила шаг, потом остановилась и подошла к перилам.

Плоская пустыня расстилалась перед нею солнце с грязно-белого

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

неба распространяло от себя металлический блеск: он как-то неестественно ложился на воду, жирной пленкой на ее мускулы, вспухающие под глянцевито-угольной кожей. А дальше волны брели стадами, безропотно, все уменьшаясь к горизонту, и туда же брели квадратные дома, безучастно уставившись в пространство своими слепыми окнами. Величественные гранитные набережные такие гладкие, и люди по ним скользят ненужные, посторонние. Как с гуся вода. Слева – хищные мертвые звери перед входом в желто-белое здание. Справа вдавлен в каменную массу тусклый пятак – купол Исаакия. Казалось, наощупь город холодный и твердый, как кожа древнего ящера, обитателя болот.

…В самом деле, – зачем сомневаться и мучиться, выращивая город любовно и со вниманием, как садовник – свой сад? Если у человека есть железная воля и к тому же очередные стратегические задачи, ему это вовсе ни к чему. Место можно выбрать самое отвратительное – хоть прямо посреди болота; климат – пожалуй, пусть и вовсе невозможный для жизни – лишь бы только соответствовали тем назначенным задачам. Жертвы? О жертвах человеку с железной волей думать не приходится, на то ему и воля, чтоб считать их на тысячи, на миллионы, и тут же сбрасывать со счетов. Изучить все науки, объездить все города, чтоб не заметить самого главного и самому не вырастить, а выбить из мертвеющего камня, не с любовью, а с ликованием всевластной покоряющей воли. Ровно, по линейке, навсегда…

…Вот перед нами душа человека. Если б мы вспомнили, что она – живая, не менее живая, чем цветок, мы бы не стали кромсать ее ножницами для придания ей более симметричной формы. Но к чему так долго сомневаться и мудрить? Метод есть, он ясный и проверенный. Есть и очередные стратегические задачи: сделать из человека то, с чем нам будет удобно жить. Ласковость? Это хорошо, но не слишком: вот до сих. Отрезать. Это что? Это ладно. А вот это что тут? Это нам не подходит. Яркая краска, сильный звук, неудержимое чувство? "Вот именно это мы в тебе не любим, а не тебя не любим". Где там линейка и

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ножницы. Спрямим линию. Вот так, блестяще. Что завянет? Ничего, не завянет. А сильная воля на что? "Смотри, какая у тебя сила воли, как хорошо ты выполняешь свое решение!"

И вот появляется человек с сильной волей. Нравственное совершенство. Он знает все, от сих и до сих. Ходит только прямо, по-другому не умеет. А сильная воля поможет не заметить, чего же хочет он сам, поможет выполнить стратегические задачи ведущей руки. Вот так. Шаг и еще шаг. Уроки делать полезно, а чепухой заниматься вредно. А о живом человеке и подавно думать ни к чему, на то тебе и сила воли. Забыть. Где там линейка? Провести безукоризненно прямую – и отрезать. Ну вот и все в порядке. Забыть и куда-нибудь поглубже, на дно души спрятать, чтоб на глаза не попадалась. А воспоминание – оно согласно, оно ничем о себе не напомнит, оно даже совсем умрет. Там в незаметной глубине твоего существа, в живой, благодатной почве – крохотное семячко. Ты забыла, чем смерть оборачивается для семени? Нет, где тебе понять, ведь ты умеешь только по прямой.

Домой Аня добралась, когда солнце уже садилось. По булыжникам подворотни прошла в тесный двор. – Господи! – вдруг проговорила она про себя, – как это больно – запрещать себе!.." Ее взгляд тем временем скользил по облезлым стенам, невольно впитывая в себя их грязь, их убожество. Она свернула в низкую дверь, очутилась в лестничной темноте. Не вслушиваясь, она входила в запах кошек, помоев и какой-то кислой гнили, всходила по склизким ступеням, мимо сломанных перил, скрученных проволокой. Ссутулившаяся, в черно-коричневой форме, она казалась маленькой старушкой с оцепенелым, сосредоточенным лицом.

Вот эта дверь, – ей еще с детства казалось, – вдруг откроется, за ней – темный провал неведомого зала, и выходит строгая женщина в суконном зеленом, как у мамы, костюме. Внезапно вокруг ее талии раскрываются медные лопасти – и сживаются с гулким стоном, хлопают, как у игрушечной "Дюймовочки". Нежилой запах чего-то казенного, и гулко

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

звенит тусклая медь.

Наконец, она добралась до своего этажа. Позвонила: прогрохотал чугунный крюк, и она очутилась в затхлом воздухе коммунальной кухни перед лицом своей матери, Веры Павловны.

– А-а, Анютка! Пришла,.. – говорила мать. Звучание ее голоса было такое приятное, словно она вздыхала с облегчением, и от этого тот, кто этот голос слышал, тоже чувствовал облегчение и свежесть. Вера Павловна повесила плющ на вешалку и теперь, держась рукой за стену, снимала туфли. Аня кинулась и проворно подставила матери тапки.

– Спасибо, доченька. Ну, как у тебя в школе? Писали сочинение?

– Ага.

– Ты какую взяла тему?

– "Мой любимый герой".

– О ком писала?

– О Фучике.

Мать нахмурилась:

– Не могла кого-нибудь из наших взять? Что, у нас своих героев, что ли не хватает? – она подозрительно взглянула на Аню. – Не могла написать о Зое Космодемьянской, о Матросове?

– Но я… – начала Аня. /Ведь сказано же – любимый! – чуть не сорвалось у нее/.

– Ну, – строго спросила мать. – Что – ты?

– Я думала… я читала, и у меня мысль такая была… – пролепетала Аня. Она надеялась, что слово "мысль" ее спасет. Действительно, ведь была же у нее еще и мысль!

– Твои мысли пока никого не интересуют, – раздельно произнесла Вера Павловна. – И если ты хочешь когда-нибудь поступить в институт, запомни, что твои мысли никому не нужны. Поняла? – она взглянула своими темными тяжелыми глазами, словно угрожая, будто взглядом желала внедриться в глаза дочери, раздавить в них лишнее,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

чужое и еще глубже впечатать свою волю.

– Поняла, я спрашиваю?

– Нет, не поняла, – прошептала Аня, опустив голову. – "Жалкие, светлые волоски, – внезапно с каким-то брезгливым чувством подумала Вера Павловна о дочери, – и тонкие, как пух".

– Ну, так подумай о том, что я сказала, – веско произнесла она, и, отвернувшись, пошла в комнату. Она шла, высоко неся голову, в своем вишневом халате, царственная и неприступная.

Аня поплелась в бабушкину конурку. От сети дождя, что невидимо, было расставлена в воздухе, ее теперь познабливало. Она скорей сняла форму и закуталась в бабушкин платок.

– Бабушка! – прошептала она, грея ноги в клетчатых бабушкиных шлепанцах. Со стула свисали черные крылышки передника, крапленые дождем. Забыв о времени, сгорбившись, Аня сидела на диване. И никто не знал, о чем она думала, упорно глядя в слезящееся окно, под паутиной сумерек и в сером платке, похожем на большой клок паутины.

– Анютка, выйди скорей, у нас гости! – укоризненно шептала мать, просунув голову в дверь. Аня, опомнившись, встала. Она ничего не могла понять: почему так темно, почему снова так ласков стал голос матери, а из коридора доносится веселый гул.

– К нам тетя Эра из Москвы.

– Да, – удивилась Аня. – Одна?

– С какой-то своей ученицей. Иди скорей, сбегаешь купить чего-нибудь вкусненького.

– Знаешь, мам, пошли лучше Володьку, я замерзла, промокла сегодня.

– Ничего, оденься потеплее. Пальто накинь. Володька никогда ничего путного не купит. Ты же у нас специалист в этом вопросе. На, вот тебе денюжка.

———————

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

За склизкими от сырости стенам, в тесной комнатушке, освещенной светильником болотного цвета, сидели люди, старавшиеся развеселиться и пели веселые песни. Сухопарый Александр Николаевич, приклонившись к гитаре, пел нежным тенором:

– "Но не осталось там души ни крошечки
она
Она для ней,
Она для милой Верочки моей," –

и поглядывал на жену ласковыми глазами. Вера Павловна укоризненно покачивала головой, едва срывая удовольствие. Она сидела горда, даже седина в ее густых черных волосах сияла празднично, как кружева белой блузки. И она пела молодым, счастливым голосом:

– Вперед же по солнечным реям
На фабрики, шахты, суда!
По всем океанам и странам развеем
Мы алое знамя труда.

Пели с воодушевлением, словно что-то, чего нельзя высказать словами, дохнуло им в лицо, и вновь воскресило их. Седые, покрытые морщинами, пели со всею страстью юности. Володя, как всегда, не пел, сидел сгорбившись и рассматривал чашки на столе. Спутница тети Эры Тамара, с робостью и некоторым восхищением глядела на поющих: она и рада бы подпевать, да не знает этих старых песен. Одна только Аня пела все песни до конца, поднятся над тою же волной. И тетя Эра, как давеча Павол, в восхищении восклицала:

– Ты знаешь наши песни!

Тут наступал черед родителям с гордостью переглядываться. И песни звучали, почти независимо от тех, кто их пел, оживляя невозвратимое, немыслимое теперь время.

За стеной, в комнате соседе, укрывались с головой одеялом, потихоньку плакала в своей постели шестилетняя Танечка. Она плакала из-за этих песен, плакала о том, что в песнях все так хорошо, а на самом деле так никогда не бывает. Она плакала о тех яблоках и грушах, которые представлялись ей совсем не такими, какие мать приносила с рынка. Они были другие: огромные, загадочные, от них

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

даже как будто исходило свечение. Она плакала о Вере Павловне – о том, что она так громко и весело поет, а сама нисколько не похожа на ту Катюшу, что выходила на берег крутой. Она плакала как о личной, невозвратимой потере, о тех молодых капитанах, которые с такой покоряющей отвагой вели наш караван сквозь бури, ветры, ураганы. И веселых подруг, как родных, как близких и пропавших, ей было жалко. И о том серебряном голосе она плакала:

– И подруги серебряный голос
Наши звонкие песни поет! –

пели за стеной. Услышав среди всех голосов один настоящий серебряный, девочка заплакала еще горше. Теперь она плакала об Ане, о том, что она такая красивая т такая грустная. В угловой комнате на пятом этаже, говорят, живет людоедка; по их коридору жиньем разгуливает баба-яга, а все для приличия называют ее нормальным именем "Ксения Васильевна". Так, может быть, и Аня на самом деле никакая не Аня, а просто заколдованная царевна? Отчего же у нее тогда такой серебряный голос? Отчего у нее всегда такое грустное лицо, если ее не сторожит никакой колдун или Змей Горыныч?

– Про того, чьи письма берегла, – доносилось из-за стены. Среди голубых и сиреневых туманов просвечивали золотом магические яблоки и груши; по колдобинам неровного берега крутого кралась Аня к большому рассохшемуся дереву и, пугливо озираясь прятала в дупло пачку писем. Больше Танечка ничего не видела: она заснула среди песен и слез.

Радостная, разгорячившаяся тетя Эра распевала фальшивым и громким голосом. Маленькая, вечно краснощекая, она была из тех редкостных женщин, которые без всяких усилий и в срок, и в пятьдесят лет выглядят этакими "своими в доску", "рубаха-девками", совсем молодыми, со всеми недостатками и не со всеми достоинствами молодости.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Эх, дороги – фальшиво затянула тетя Эра.

– Не надо, Анька у нас эту песню, … – начала Вера Павловна, но Александр Николаевич уж подтягивал:

… Выстрел грянет,
Пуля летит,
Мой дружок в бурьяне
Неживой лежит, –

серьезно, печально звучал его голос

… А дорога дальше вьется. Все дальше от того убитого дружка Александра Николаевича, который остался лежать в бурьяне за пылью и туманом времени. Так далеко она увела, эта дорога, что вот уже и сын Александра Николаевича – почти ровесник тому, убитому. Вот он, сын. Отец взглянул на Володю. Тот сидел с неживым лицом и ни на кого не смотрел.

– Темная ночь, – завела Вера Павловна. Аня взглянула в окно и увидела, что там действительно стоит темная ночь.

– Темная ночь
Разделяет, любимая нас…

Вот она, стоит невозмутимо, словно ничего не случилось, словно с такой неизбежностью не настигла пуля того единственного, кто упал в бурьяне. Словно ее не касается, свистят пули или не свистят. Вот она: стоит и разделяет.

Тем временем военные песни допели, и, как бы, встряхнувшись, вера Павловна предложила:

– Ну-ка, молодежь, – теперь спойте ваши!

Молодежь растерянно переглянулась. То есть Володя не переглядывался, так, как если бы обращение "молодежь" не имело к нему никакого отношения. Переглянувшись Аня с Тамарой и тут же опустили голову, что после тех, отзвучавших, им петь нечего.

– Давай-ка, Анютка, твою… как она… ну, про камни.

– Да ну ее, совсем она не моя.

Но отец уже подстроил гитару, и взрослые затянули нудными голосами, в то же время довольно переглядываясь: вот, мол, мы и запросы

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

молодежи понимаем:

– … В этой ка-а-менной стране
Я бы сама превратилась в камень,
Лишь бы ты поклонялся мне.

Аня в нетерпеньи хмурилась.

– Пусть лучше москвичи и споют нам что-нибудь московское. Москвичи посовещались и вскоре пропели странную московскую песню, видимо, совсем без мотива, про девушку, которая, выпивая стакан простокваши, отвергала пятьсот женихов.

Но уже пора и прощаться. Последние улыбки в коридоре, последние всплески ласкового голоса Веры Павловны.

Дверь захлопнулась. Отец уже повесил гитару на стену за клетчатую занавеску и теперь с будничным серым лицом стелили постель. Мать перед зеркалом снимала с себя бусы, и вместе с ними выражение радушной сердечности исчезало с ее лица. Когда Володя вошел в комнату, она сурово спросила:

– Где ты после школы шлялся?

– На стадион ходил, – проворчала Вера Павловна, и по ее лицу было видно, что она успокоилась. Успокоилась, как был уверен Володя, именно потому, что он сказал неправду, и мать это почуяла и оценила. Анька никогда не может спокойно соврать, за это ее мать и не уважает. В самом деле, как бы он стал объяснить, что он просто решил после школы погулять по Васильевскому острову, потому что ему нравится этот район? И кому нужны его душеизлияния? Володя был на год младше сестры, но он уже твердо усвоил, что, если хочешь сохранить душевный покой, даже в малейшем пустяке нельзя говорить родителям правду. Дело не в том, что соврать, а в том, чтоб именно соврать. Ведь неправда всегда глаже, благопристойнее и даже правдоподобнее правды.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 137**]

– 38 –

2 глава

Сейчас я буду говорить неправду. Осталось совсем немного: на Градчаны, а там рукой подать. Так надо. Я должен это сделать, потому, что…– Ян свернул по набережной налево и взошел на Карлов мост. Возле каждой статуи по обеим сторонам моста сидели художники, делали эскизы, тут же были выставлены и продавались их работы. Много людей шло по мосту в этот вечерний час – Ян крепче прижимал к себе пластинку, чтоб ее не задели. – Мысливичек, – произнес он про себя, – снова ты на этом мосту. Сколько раз ты здесь проходил, смотрел отсюда вниз, на свою мельницу там, на Кампе. … Однако, только время разделяет нас, а ведь оно – ничто. Только его завесу задернуть – вот ты, здесь, на этих перилах – твоя рука.

… – сейчас я буду говорить неправду. Войти в низкую, тесную комнату и с притворной улыбкой сказать… да что бы ни сказать, уже первое слово будет неправдой! Знать, что заранее должен согласиться с любым его словом, поддакивать, унижаться – перед человеком, которого я даже не знаю. И делать вид, что мне все это очень приятно, и – умолять его?..

– Господи, – он остановился, – с чего же это началось?

Солнце уже темнело. Тени все мягче и длинней стелились под ноги, и статуя на мосту казалось живее остановившихся перед ней людей.

– Ничего, – смущенно провела по лбу рукой, – ничего, уже все. Я просто устала.

Так вот с чего это началось.

Тесной комнаты не было. Дом Гинека оказался одним из особняков напротив летнего дворца королевы Анны, комната, куда Олдридж привел Яна – просторной, почти как зал, а сам Гинек – могучим, под потолок, мужчиной с дружелюбной улыбкой и лицом, располагающим с первого взгляда. С облегчением заметил все это Ян, и все же немного

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

смешался, отдавая Гинеку свой подарок. Тот с размаху пожал ему руку своей ручищей. Вблизи он казался особенно огромным, его черная шевелюра буйно вилась, лицо у него было мясистое и карие глаза – немного навыкате. С любопытством он развернул пакет и стал рассматривать пластинку:

– Мысливичек? – что-то не помню такой фамилии. Какой это год?

– Она – на двести десять лет старше меня, – с готовностью отозвался Ян, словно приглашая по себе измерить возраст Мысливечка.

– Сосчитал! – усмехнулся Гинек. – Хороший, видно, композитор?

– Очень! Он только приехал учиться в Италию – и уже через три года стал там самым знаменитым. Когда он дирижировал своими операми, его прямо осыпали драгоценностями, стихи ему писали. Моцарт очень его любил, учился у него, и все его любили. А как он заболел – все. Все его бросили. Так он и умер один, никто к нему даже не зашел. И рукописи тоже почти все пропали.

– Интересная история, – покачал головой Гинек. – Надо будет послушать. Ну, спасибо, старик. – Он еще раз взглянул на Яна, словно хотел ему что-то сказать. Но нахлынули новые гости, и Гинек куда-то исчез; – Ян и оглянуться не успел. Олдриджа тоже не было видно.

Гости потянулись в дом, кто-то окликнул Яна, и он вслед за всеми вошел в дверь.

Отовсюду, озаряя сумеречный воздух, приветливо сияли свечи. А стола вовсе не было: кушанья и вино стояли на зеленом ковре, расстеленном на полу. Ян нечаянно улыбнулся. Он вдруг понял, как это приятно, – остаться среди незнакомых праздничных людей совсем одному в этом живом сумраке. Свечи смотрели на него тихим светом и, подрагивая, струились вверх. Ян оглянулся: рядом с ним на ковер присел Гинек.

– Ну что, брат, – спросил Гинек, – выпьем? – Бутылка в его руке дрожала, вино плескалось на ковер. Налитое в бокала, оно стало

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

темно-вишневым и прозрачным, как этот последний луч, невесть откуда взявшийся на соседней стене. Вот он просиял, налился красным и глубоким, но тут же побледнел, съежился, – и смолк. Ян перевел взгляд на Гинека.

Тот сидел перед ним, обхватив руками колени и слегка раскачивался.

– Н-да, – вздохнул он, – 37 лет – это, брат, не шутка. 37 лет! – он покачал кудлатой головой. – Лет на двадцать больше, чем тебе. И как ты думаешь, старик: эти двадцать лет – на что я их потратил? А? Ты думаешь, – он обвел рукой вокруг себя, – все это? Ну да, дом, машина есть, и дача есть, и все такое – а ведь ничего нет. Ты это понимаешь – что ничего нет?! Что самое главное – знаешь?

– Знаю.

– Вот и я тоже знал – забыл. Двадцать лет суетился, бегал, кричал, чего-то добивался, в горы лазил, вино пил, да по бабам таскался, – а зачем? За двадцать лет ни разу не спросил себя – зачем? – он всхлипнул.

– Ничего, – успокаивая, пробормотал Ян.

– Ничего! – подхватил Гинек. – Я так и знал, что ты меня поймешь. Ничего и никого! Самое главное, оно, знаешь, как, – он растопырил пальцы, – вот так прошло, мимо. Какое оно из себя… как воздух… – он сидел, покачиваясь в такт тихой музыке.

"Что самое главное – знаешь?" – вдруг вспомнил Ян. – Знаю? – переспросил он себя. – Ведь если знаешь, это все равно, что… – Он поднялся и вышел на террасу.

Освещенные проемы арок плавными полукругами повторялись во тьме. … Они идут тенями черными,… под арками проходят освещенными /Нет тела у теней и нет значения, и темное у них предназначение/.

– Не надо об этом, – сказал себе Ян. – Я по делу сюда пришел, – и отправился искать Гинека.

Нашел он его в крохотной комнатушке. Как в ящике, в ней сидели

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Гинек и Олджридж, увитые синими зигзагами дыма. Ян втиснулся третьим и закрыл за собой дверь.

… – вот за это я и не могу уважать бабу, – говорил Гинек. – Жизнь надо принимать такой, как она есть. А эта истеричка думает, что в жизни можно обойтись без грязи!

– А ведь ты не представишь себе, как можно жалеть о грязи, – и перебил Гинека тихий голос. Задумчивый, с легкой усмешкой, он так подходил к тому пасмурному дню. Небо точило нечастый дождь, и коленья, согнувшись под тяжестью влаги, ударяли по ногам. – А я так любила одну грязную улицу! Она булыжная была и в дождь грязная. А теперь ее заасфальтировали, даже вспомнить не могу. Ведь по тем булыжникам люди ходили, и сто, и двести лет, и я их всех чувствовала, когда там шла, они все во мне были…

– Такое слюнтяйство! – говорил Гинек. – А я думал, тебе нравится. Как увидел тебя с ней сегодня, понимаешь, – он доверительно придвинулся к Олдриджу, – мне просто жалко тебя стало. Я-то понимаю, куда он клонит…

– Я вообще люблю Коломну, – тихо-тихо, как стук дождя. – Она не то, что Невский, не такая лощеная, официальная. Она старая, грязная, и она… все-таки настоящая.

– Зачем она мне нужна? – удивился Олдридж. – Мне и самому показалось, что она какая-то восторженная.

– …напротив нашего дома стена есть: вся облезлая, и краска у нее обвалилась, и кирпичи торчат. Но я всегда, с детства смотрела на нее, и на ней лежало солнце, и я ее любила.

– Послушай, Гинек, – Ян поднялся, словно проснувшись, – ты знаешь, зачем я к тебе пришел?

– Да сидиш ты, – Олдридж дернул его за рукав, – я сам вижу.

– О чем это вы? – поинтересовался Гинек.

– Да он в секцию к тебе хочет.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– В секцию? – насторожился Гинек. Весь хмель будто слетел с него, и взгляд у него стал пристальный, словно он прицеливается. Таким новым взглядом он смерил Яна до ног, бормоча: – хорошенькое дельце… И чем внимательней был его взгляд, тем сильнее тревожило Яна одно странное впечатление: ему казалось, что Гинек его вовсе не видит, что этот прицеливающийся взгляд скользит все мимо, мимо, останавливается где-то на полпути в пространстве, не достигая его лица.

– Да вот же он – я! – хотелось ему крикнуть. Но он только молчал, не спуская с Гинека глаз.

– Ты, парень, понимаешь, о чем просишь? Это тебе не на скрипке пиликать. Мужское дело. Ясно?

– Ясно, – ответил Ян.

– Чего ты на него, Гинек? Он стоящий парень, как за себя ручаюсь.

– Да, пусть приходит. Что, я против? Посмотрим, на что он способен.

– Погоди, Гинек, – перебил его Ян, – я хотел у тебя кое-что выяснить.

– Ах, ты еще выяснить хотел? – усмехнулся Гинек. – Ну, давай, выясняй.

– Это правда, что вы в этом году поедете…

– На соревнования-то? Да мы каждый год ездим. В Швейцарию, в Канаду…

– А в Ленинград?

– Короче говоря – хватит языком трепать. Хорошо себя покажешь – по всему миру покатаешься.

– А в Ленинград вы поедете? – снова спросил Ян. И тут их взгляды, наконец сошлись.

– И в Ленинград, – чуть помедлив, отозвался Гинек, – раз тебе уж так приспичило. – Они продолжали смотреть друг другу

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

в глаза, Ян поднялся. Он вдруг увидел совершенно ясно, что все это бессмысленно – из этого ничего не выйдет. Как-то пусто сделалось – словно перед ним не было никого. Он резко повернулся и, толкнув дверь, вышел на террасу.

Здесь он стоял, тяжело дыша, и упорно смотрел в темноту. Отовсюду шумел растаявший во тьме мир. Все тот же джаз доносился из открытых дверей, от лица деревьев пахнуло влажным холодом. Ян вздрогнул. Или это показалось? Нет, это не мелодия, это шаги: легкие, настигающие. Ян обернулся. Минуя танцующих, к нему подходил стройный человек с густыми кудрями, в необычном, облегающем тело костюме. В замешательстве Ян поднял взгляд – и тут же узнал его: узнал эти светлые глаза, эту понимающую улыбку. Видимо, чтоб не смущать Яна, он не стал соблюдать церемонии, только слегка поклонился и сел. Его чистое, "притягивающее" лицо, как бы изваянное из самого вдохновения, казалось неловко видеть в безудержном хаосе одного танца. Но, как видно, ему это нисколько не мешало: он вопросительно поднял глаза на Яна.

– Пан Мысливичек, – робко начал Ян, – как вы считаете я должен ее забыть? Она мне не пишет. Уже два месяца – и ничего. Словно меня и на свете никогда не было. – Он дышал с трудом и смотрел неподвижно перед собой, не решаясь взглянуть на Мысливичека.

– А вы – что же вы ей не напишете?

– У меня нет ее адреса. Она мне говорит – сама напишу… Мне и негде этот адрес взять – никто не знает. И вот я хотел Вас спросить: как вы считаете, – может быть, мне все это только показалось? Может быть, я для нее – просто случайный знакомый, которому лень написать?

– Этого не может быть, – тихо проговорил Мысливечек.

– Почему? – Ян почувствовал, как бледнеет.

– Потому что – вы это видели, – все так же тихо ответил Мысливичек. – Вы ничего бы не увидели, если б она не чувствовала тоже,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

что и вы.

– Так она же – она теперь наплевала на меня. Так просто бросить, без одного слова, как мусор какой-то!..

Мысливичек сидел, не поднимая головы.

– Я понимаю, – заговорил он, наконец. – Вам больно. Но дело совсем в другом. – Он поднял глаза. – Есть то, что больше любой боли – и вы это видели. Ведь вы сами почувствовали тогда впервые – что это и есть единственная правда.

– То, что она мне не пишет – это тоже правда.

– Не все, что происходит каждый день, заслуживает этого имени. Правда одна. И вы хотите ее забыть? Зачем?

– Наверно, если забыть – будет легче, – пробормотал Ян.

– Легче? – удивился Мысливичек. – Вы думаете, вы не будете мучиться, если забудете, отчего вам плохо? Один раз увидели свет, Вы же видели – лучше его быть ничего не может. Разве есть хоть что-нибудь в мире, ради чего стоило бы от него отказаться? Ваша обида, ваша боль, – что они рядом с ним? Вы и не разглядите их, когда снова…

– Вы думаете, – шагнул к нему Ян, – это может быть снова?

– Может быть, – отозвался Мысливечек. Он сидел теперь в задумчивости, и грусть неровными тенями легла на его светлое лицо. Может быть, – если у вас хватит сил вытерпеть… – он как будто присматривался, будто издали смотрел на Яна.

– Ты с кем это тут беседуешь? – раздалось вдруг сверху, и огромная фигура заслонила свет. Ян обернулся: у стены, покачиваясь, стоял с бутылкой в руках.

– Выпьем, – предложил Гинек и сел на пол. Хлебнул из горлышка, поставил бутылку и улегся рядом с нею.

Мысливичек встал.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Вы уже уходите, – испугался ЯН. Мысливичек взглянул на него. – Нет, я не ухожу… – задумавшись о чем-то, промолвил он. – Просто у меня сегодня много работы…

– Пойдемте вместе, мне как раз в ту же сторону! Я сейчас, только возьму… – Ян кинулся в зал, пробиваясь между танцующими – к проигрывателю. Здесь, в углу, было плохо видно, каждую пластинку приходилось подносить к самым глазам. Наконец он нашел: большая пластинка валялась без конверта, к ней прилипла маленькая: голубой кружок, на котором выдавлено "Легко влюбиться". Ян отодрал эту липнувшую пленку, положил пластинку в конверт и, прижимая его к себе, спустился по ступенькам в темную ночь.

Мысливечка не видно. Ян огляделся и вышел из сада. Куда же он смог пойти? Видно, на Кампу, или направо? Наверное, все-таки направо – домой.

Ян перешел рельсы – клочок травы, снова рельсы, и повернул на Малу Страну.

3 глава

Наутро что-то случилось. Сначала Аня не обратила внимания на то, что пространство сделалось легче, проходимей. Она задержалась у бабушкиного стола, разглядывая его черную облупленную кожу, – вместо того, чтоб сразу идти завтракать; она долго сидела, глядя в голубой кружок неба, отразившийся в чашке суррогатного кофе /это был единственный способ увидеть небо в этой квартире/. Все это на мамином языке называлось валандаться и копаться, но и ругань, – хладнокровная мамина ругань – не была так тяжела в это утро, и в сердитое лицо матери Аня глядела с ожиданием, как бы надеясь увидеть в нем что-то другое. Она раскрыла дверь и – из под ног шарахнулась старуха в грязновато-красной кофте. И ей – ей сегодня впервые – Аня взглянула в лицо. Сегодня и это почему-то можно – и бабе-яге в лицо посмотреть. Правильное лицо с

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

проникающие лучи так четко обведены глубокой тьмою.

Подходя к школе, Аня улыбнулась – чего с ней давно не случалось. Радостно она открыла дверь; глянув на часы, побежала в раздевалку. Но потом, когда уже сняла пальто, она понурилась, как всегда. Отчего-то тяжело, гнет к земле. Подобрала портфель и побрела по лестнице наверх.

Что-то вчера было, что-то непосильное и стыдное… Высокие окна с яркими льдистыми разводами. Нет, вчера ничего не было, вот в том-то и дело. Сквозь солнце окна смотрит совсем не так, как на улице. Словно столбы какого-то голубого и душного дыма, красиво извиваясь, заслоняют школьный воздух от прямого солнечного взгляда. … Лучше бы что-нибудь было. Она играла в эту дурацкую игру, играла от скуки. Все плохое случается от скуки. Нет, вчера казалось, что это – наоборот, хорошее, то, что она увидела. Хорошо увидеть правду, даже если это больно. Играла она в такую игру, будто она сидит в классе у Яна и сзади смотрит на него. Она зажмурилась: золотистые волосы Яна, так ясно, так действительно увидела; потом раскрыла глаза – чей-то чужой, темноволосый затылок, по-детски нежный и беззащитный. Первого попавшегося на глаза человека. Случайного человека, которого она всегда презирала, кого и за человека-то не считала. Как же так? Нет, не обманул прояснившийся от света взгляд, так оно и есть. Да, беззащитный, трогательный. Совершенно человеческий затылок, и даже лицо в полоборота – сейчас, когда он не старается напустить на себя, – нормальное, грустное, человеческое. Ну и что, стоило ли из-за этого так… Но как же, ведь ему плохо, оттого он и притворяется. Как терпеть, когда видишь, что человек мучается! – Сделать-то ничего нельзя. – Но почему же? – Вчера, вчера уже все перебрала и поняла. Сказать? Ну, хотя бы

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

сказать, что она увидела? – Циничный, наглый взгляд – аж оторопь берет. – На самом деле он же не такой! – Кому до этого дело? Ему и самому-то – никакого.

И только брести, презирая себя за все, брести тяжело по прямому коридору. В голубых, изгибающихся, душных столбах, путаясь ногами.

– У тебя температура (холодом Сашина ладонь ко лбу). Зачем это. Дышать нечем, вот в чем дело. Вздохнуть. Саша, парты, ребята, – все лишнее, мешает. Яркие подоконники ребят в глазах, больно.

… Изломанные, нарисованные фигурки, от скуки начирканные на плоской бумаге. Приближается к глазам, тени все глубже – это барельеф?

Шаг делают вперед. Машут руками, мелькают в глазах, перекрывают, шумом наполняя изнемогающий слух.

Рина Коробкина (желтое лицо и глаза – как тени от надбровных дуг): – Нет, вы послушайте, это блеск просто!

Оля Сорокина (огромная чернота глаз мечется по лицу): – Ребята, ребята! Кто участвует в вечере…

Рина Коробкина: – Гляжу на след ножовый – Успеет ли зажить (плавно по пустоте ее лаковые загибающиеся ноготки). А рядом, под ухом – лениво, с хрипотцой: – Арабы – просто бандиты (это Сподниzовский).

Оля: (надрывается) Ребята, ну, послушайте!

Рина: До первого чужого Который скажет – пить!

Надя Павловна: На вечер? Чтоб с Морозовой, с Петровой рядом сидеть? (невыразимое, брезгливое презренье бледного лица).

Неразличимый, как гора под океаном, где-то настойчиво существует звон. Носятся, орут, застят свет. Вдруг – тихо; что-то слегка грохнуло, собираются по местам, встают (и ей надо встать

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

но никак). Черные спины заслоняют ее от глаз учительницы, и Татьяна Борисовна, ничего не заметив, подходит к своему столу. Тихо. Слава богу, теперь всего один голос.

Татьяна Борисовна была выдержанным человеком, привыкшим хладнокровно переносить самые разнообразные житейские неприятности. Если она иногда и взрывалась – это шло ей только на пользу, помогая удерживать душевное равновесие. Но на этот раз происходило нечто такое, от чего ей порой делалось не по себе, от чего иной раз все ее четкие, ясные представления и принципы ей самой начинали казаться не более, чем милыми игрушками. И все это проклятый класс! А какие чистенькие, хорошенькие все были ребята в первый день, как пришли, какими внимательными, жадными глазами все на нее глядели! Нет, это что-то непостижимое. Ведь, если говоришь и теперь с каждым из них по отдельности, – это все нормальные люди, каждый со своим хорошим. Но вместе! Иногда ей делалось жутко, иногда она чувствовала, что перед ней – не общество людей, а химический раствор, неизбежно складывающийся в одну и ту же кристаллическую структуру. Высшее, низшее, болото. Как ни крути, а, соединенные вместе, они теряли человеческое обличье. Для человека, влюбленного в музыку, становилось всего важнее подавить эрудицией окружающих. Девица, поглощенная казалось бы, поэзией, день и ночь занятая стихами – вдруг начинала тщеславиться своей безумно дорогой одеждой и третировать всех, кто хуже ее одет и меньше знает. Веселая, наивная девчушка делалась забытым заморенным зверьком. И как четко, как неумолимо все они, сидящие перед ней, складывались в одну и ту же примитивную структуру! Высшие, низшие, болото. Иной раз ее собственные попытки привить "высшим" доброту, "низшим" – чувство собственного

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

достоинства и "болоту" – хоть минимум инициативы, – казалось ей смехотворными. В глубине души она с ужасом иногда замечала, что и она не может не презирать этих идиотиков на задней парте, этих – в ситцевых передниках, с глупыми лицами и дрожащими от страха голосами. Одним она только могла себя оправдать – что и "болото" презирала не меньше. Ох, уж это болото! сколько ни выкладывайся, сколько в него не кидай – все проглотит, все зря, следов не останется. Про себя свои мысли прячут, все для себя, ничего для других. Одна отрада – Оля Сорокина, душа класса, и стайка девочек вокруг нее. Вот кто действительно болеет за дела класса! Не странно ли, что в этой кристаллической структуре может быть душа? Но она есть, – и это единственный залог того, что не зря все это мучение, этот безумный труд с неблагодарным классом. Как приятно посмотреть в блестящие, восторженные глаза этих девочек, как приятно слушать их пылкие речи, полные пленительного детского косноязычия.

Татьяна Борисовна стояла у стола, в волнении толкуя своим ученикам "Брожу ли я вдоль улиц шумных", и все эти мысли смутной тревогой проносились в ее голове. Каждый из тридцати двух человек, о которых учительница так нелестно думала, глядел на нее со вниманием, – хотя никто из них не мог бы даже самому себе признаться, что человеческое в нем еще не окрепло и потому тянется к более могучей силе. Как бы то ни было, судьба этих людей была не окончена и не решена.

"… Мне – умирать, тебе – цвести…
– И пусть у гробового входа…"

Невольно взгляд Татьяны Борисовны притянулся к глазам Оли Сорокиной: ясным, наиным.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Младая будет жизнь играть, – с особенным чувством прочла учительница. Тем временем Олина подружка с еще более наивными, но только глазами изо всех сил толкала Олю в спину. Оля улучила миг, когда Татьяна Борисовна отвела взгляд, протянула руку: голубоглазая подружка сунула ей записку. Оля развернула записку: "А ты знаешь про Мушину? Она хочет казаться умной и странной, а сама вчера аборт сделала".

Аня в это время глядела в луч солнца за спиной учительницы; глаза Татьяны Борисовны случайно встретились с Аниными: пустыми, углубленными. "Бойся равнодушных", – почти автоматически пронеслось в мозгу учительницы, в то время как губы ее произносили:

– "И равнодушная природа…"

– Разве природа – равнодушная? – удивилась Аня.

Едва учительница кончила декламировать, Коробкина встала, оправляя юбку. На ходу что-то тихо молвила Татьяне Борисовне, та кивнула, и Рина вышла из класса. Саша (блестят черные брови, карие глаза прозрачны) толкает в бок и что-то шепчет. Татьяна Борисовна на нее – строгий взгляд. Тогда Саша пишет что-то в блокнотике, подвигает. На белом, режущем глаза листке – черные слова: "Знаешь, куда пошла Коробка? К ней из Москвы прилетела личная парикмахерша, и Татьяна ее отпустила".

Голова тяжелая, рукой не удержать. Наверно, в классе больше нету воздуха.

На перемене Аня по школе в поисках одной девочки из параллельного класса, который надо было отдать физкультурные тапки. Лучше всего было бы ждать ту девочку у дверей ее класса, но Аня почему-то сходила за ней вниз, в буфет. Там ее не оказалось, и Аня принялась искать ее по всей школе. Иногда ей

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

приходило в голову, что зря она мечется по этим переполненным коридорам, словно здесь пытается отыскать то, без чего уже больше нельзя жить. Но остановиться она не могла и все ходила, как неприкаянная, только изредка вспоминая, для чего держит в руках тапки.

В конце концов ее поймала Саша и заставила пойти к врачу. Потом осталось только отнести записку от врача учительнице – а девочка, которой надо было тапки отдать, сама случайно встретилась по пути. И Аня отправилась домой.

Тут, как только она вышла из школы на воздух, она остановилась. Она оглянулась, как только что проснувшийся человек.

Навстречу шла Коробкина: в черном модном пальто, в болотной шапочке, которая ловко сидела на ее маленькой надменной головке. "Хороша, – подумала Аня, – в своем роде очень хороша. Но и я тоже – я ведь поняла! – И она обернулась взглянуть в глаза тому, кто хотела увидеть".

Солнце уже по пояс погрузилось в мрачную тучу. Багровое, темное, оно смотрело с напряжением, будто пыталось удержаться на поверхности из последних сил. По мутной лиловой пелене алой пылью сочились его широкие лучи.

– Не уходи! – прошептала ему Аня, стоя одна перед небом на пустом берегу канала. Но оно тонет, все глубже увязает, меркнущим светом наполняя воздух.

4 глава.

"Но тот, кто ни разу не умирал и не был близок к смерти, не сможет правильно понять и направить свою жизнь".
А. Платонов

Все ушли, он остался один в захламленном зале. Бродил, как

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

неприкаянный; от нечего делать стал рисовать что-то мелом на подвернувшейся доске. Смотрит: получается она, Аня. Не совсем хорошо, но узнать ее можно. Он скорей стал стирать рисунок: послышались чьи-то шаги. Тряпки нигде нет, он размазывает мел рукой – а рисунок, к его ужасу, только ярче, ярче. Слепяще-яркими становятся контуры – и вот она сама, ожившая, появилась на доске. Шаги все ближе. Он хватает какую-то старую шубу и прячет Аню под ней. Кто-то входит, ничего не замечает и уходит. Он раскрывает шубу:

– Так что же мне с тобой теперь делать? – спрашивает Аню.

– Возьми эту бумагу, я лягу на нее и снова превращусь в рисунок, – а когда ты захочешь меня увидеть, разверни лист – и я оживу. Так он и сделал; Аня снова превратилась в свой портрет он свернул бумагу в рулон, прижал к груди. Потом он шел с рулоном по кирпичам, где-то пожар, языки пламени отражаются в воде. И вот, наконец, когда все уснули, он забрался в угол, развернул рулон: и Аня снова перед ним. … Какой-то знакомый звук. А, это метла шаркает по асфальту. Ян раскрыл глаза.

Прямо перед ним медленно называются темные клубы, бледное пятно зловеще поблескивает между ними. Ян сел на постели и тут только сообразил, что это: это было солнце в небе. Вскоре на постели и тут только сообразил, что это: это было солнце в небе. Вскоре солнце совсем пропало в топких тучах, и утро сменилось серым, ничем не примечательным днем.

– Смотри-ка… стена шевелится.

– Да, развелось их у вас! – Саша, вставая, подняла руку к стене. – Чем бы? Дай бумажку.

– Хватит тебе. Всех не переловишь. Это ведь стена.

– Что стена?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Она ест меня ими. Видишь, же, какая я стала.

– Да ну тебя. Делать ей, что ли, нечего, только соки из тебя сосать?

– Раньше из других, теперь из меня. Знаешь, кто тут раньше жил?

– А какое мне дело до них? Развели клопов, что они у вас среди бела дня Хлорофоса у вас нет, что ли?

– Да мы их каждое воскресенье. А что толку? Снова ползут – то сверху, то от соседей. Брось ты, Сашка.

– Слушай, как ты можешь тут лежать?

"А мне тут … хорошо. Кругло так как-то, обнимает … не раздражает ничто, – слабый голос едва крутится над сумеречной постелью."

– Знаешь, мне это все надоело. Еще эту мерзкую конуру воспевать. Пошли сейчас же, слышишь?

– Отстань ты. Не хочу.

– Что это за разговорчики? На флюорографию не хочу, на вечер не хочу, – так ты тут совсем заплесневеешь.

– Никуда я не пойду… – к этим сволочам.

– Нет пойдешь! – Саша схватила ее, стаскивая с постели.

– Что это за насилие над личностью? – Аня отбросила от себя Сашу. От неожиданного толчка еще глубже погрузилась в постель:

– Не дадут умереть спокойно…

Тут ее рука на одеяле дрогнула, остановилась. Она исподлобья глянула на Сашу. Медленно, словно за ней тянулась тяжесть, села. И встала, отрываясь. Вся мятая, неловко ступая ватными ногами, отошла к окну. Постояла: ее сгорбленная фигура заслоняла почти все окошко, растрепанные волосы колыхались, – видно,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

от рамы дуло.

– Ладно, пойду, – проговорила она мутным, будничным голосом, поворачиваясь, но не глядя на Сашу, – сейчас, погоди, надеть чего-нибудь…

Она спустилась по лестнице и вышла на улицу (Саша придержал темную дверь, удивленно оглянувшись). Она сделала это, по крайней мере в это надо поверить, так же как и в то, что сейчас она съехав по эскалатору, сидит в вагоне метро. Находится именно здесь. Поверить, настойчиво убеждать себя. Надо вспомнить, что она раньше чувствовала, когда шла, надо заставлять руки и ноги делать ненужные движения. Вот еще забота. А он смотрит. Не надо, зачем. Видишь, я уж совсем… (Но должно же быть что-то, от чего можно встряхнуться, придти в себя. Что-то реальное – хоть что-нибудь, хоть одно?)

Люди? Аня оглянулась. Как тени, как рыбы в аквариуме – отражения людей по стеклу в нездешнем воздухе подземелья. Желтоватый, выхолощенный, и в нем они мерно и правильно текут. Эфемерней, чем телевизионные изображения: скользнули и нет навсегда. И взгляд… Неужели у всех? Чуть отвернулась, замолчали, – все тот же: остановившийся, завораживающий. Смотрят? Бессмысленно и упорно – в пустоту.

От него можно отмахнуться. Можно отклониться от него в сторону, можно закрыться от него рукой. Можно сидеть на его берегу, безвольно занимаясь своими делами и дожидаясь его накрывающей волны. Но в конце концов придется войти в него, чтобы понять, чего же оно хочет от нас, наше отчаяние.

Она не напишет. Обманывать себя… Она не напишет. Один камень темницы под руками.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Вот здесь это могло бы… У балкона, у раскрытого, возле стола или везде, все равно где – в этой комнате. Поцелуй, которого не было, кажется бабочкой. Бабочкой серой, роняющей пепел. Прижаться к нему губами. Один горький пепел. Сколько их – как мертвые или спящие, вмерзшие в тьму, в их пепельные крылья…

– И я снова возникну перед тобой.

Она отводит волосы от лица. Неуловимое это движение, никак не понять, что в нем такое родное, почему оно так болит, больше, чем…

Нужно что-нибудь другое: хоть голос Катержины, хоть просто электричество. В холодном колючем свете дошел до приемника, включил. Опустился и сел на пол.

У Бельведера. (Вот оно, вспомнил). У Бельведера, еще в сентябре, когда он входил за решетку. Он тогда был такой счастливый и только ждал письма, но в этот миг – а что же будет, если она не напишет? – внезапно спросил он себя и увидел, как падает на пороге, падает в черную яму лицом.

Вот правда. Вот правда и облегчение. Он склонился, приближаясь к темной воде, которая мерещилась ему на полу. Что это? Он вздрогнул, оглянулся.

От приемника, медленно ступая, приближался вальс. Снова здесь тот самый вальс! Зачем он… Аня метнулась … покачивается, почти растворяясь, – и вдруг, раскинув руки, оказывается, почти растворяясь, – и вдруг, раскинув руки, оказывается в воздухе. Здесь ей простор! Как трель, как щебет она мелькнет, изгибается – и руками творит леса, свободно во всем воздухе.

—

– Нет, я не танцую. – Аня отвела чью-то руку и, добравшись до дивана, села. Надо думать, что всем очень весело топтаться

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

в этих странных неуютных комнатах, среди множества стеклянных шкафов. Даже свет свечей не может их оживить, и холодно блестят за стеклами чужие равнодушные безделушки. Надо думать, всем очень весело, она же не считается (от Надиных стихов еще сильно знобить стало, и бок все болит).

– Вот, полюбуйся на эту чучелу огородную!

(Из толпы, в замешательстве оглянувшись, снова смотрит Ян).

– И не такая уж она уродка, – Татьяна Борисовна кивнула на Аню, – вот если б ее приодеть и причесать…

(Как будто он мучительно пытается что-то вспомнить).

– А ты чего не танцуешь? – напустилась вдруг учительница на Аню.

– Не умею.

– А чего тут уметь-то? Ходить под музыку, да и все тут.

– Под музыку!.. можно все что угодно делать, только не ходить.

– О-о! – быстро оглянулась Новелла Александровна, мать Нади Павловой. Она с интересом посмотрела на Аню, затягиваясь сигареткой. (А он стоит неподвижно, среди бегущих. Он не может сдвинуться, и он смотрит так, что до самых ног, до ног больно – будто к месту пригвождает).

К большому окну во тьму она припала лицом.

И между ними – тьма, поистине тьма, расплывающаяся, бесформенная, без души и без вины. Хотя можно подумать, что это – простое, обыкновенное пространство, которое ничего не стоит преодолеть поездом или самолетом.

Потом он писал на обложке старой тетради: "Не труп уже, а кровавое месиво, которое топчут ногами" (он действительно не мог терпеть себе представить себя целыми живым человеком, и не

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

мог оглянуться на диван, где только что лежал – ему казалось, что там оно и осталось, то, во что он превратился, а тут, за столом, пишет что-то другое: не он, а неизвестно что). "Надо чтоб все потеряло способность испытывать боль". (Больно оттого, что чувствуешь. Если б не чувствовать. Но не умирать, нет). "Ведь, если на тебе цепи, а вода за стеной – неужели лечь на пол и ждать, пока умрешь от жажды?" (Он не чувствовал и не видел своих рук, которые писали, но раз такая боль, значит, что-то еще от него осталось). "Нет, подняться и бить цепями в стену, пусть не пробить, все равно. Бить головой, бить руками, пока от тебя самого ничего не останется, пока последние ошметки твоего тела не упадут на землю, уже ни воды, ничего на свете".

Долгого времени не было. Не было ничего. Потом он увидел, как его рука, независимо от его воли тянется к полке, берет первую попавшуюся пластинку. Это оказалась 9-я симфония Бетховена, финал. "Вот как", – сказал он себе без удивления.

Он слушал эту пластинку весь вечер, и на пять минут не мог оторваться. Музыка выносила его на волю, и могучий ветер на лету вымывал боль духоты из души. Мелодия отступала, чтобы снова – облегчением и светом, – нахлынуть, дать вздохнуть. Освобождение, вот оно! Он больше не связан, не закован, не прикован к самому себе.

Он лежал. В темноте перед его глазами все еще стоял напряженный свет. Ладони касались простыни. И он видел, как он летит вверх, в этот открывшийся ему свет.

"Господи, какой же я был дурак: все время думал о себе, и это было так больно. А она, ведь как ей должно быть, раз ей пришлось обмануть, не написать. Как ей должно быть плохо! Что там с ней такое случилось ужасное, чего я не могу понять? Я

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

должен поехать, поехать и там все узнать. Я пойму, я должен понять, как сделать, чтоб ей хорошо стало". – И он оторвался от дивана, поднимаясь, приближаясь к самой высокой высоте. Она все ярче, все яснее, уже он чувствует ее живое свечение на своем лице. Но как же ей объяснить, как сделать, чтоб Аня все поняла? И тут весь реальный мир растаял, пролился между пальцами. Всю ночь ему снилась музыка.

5 глава

Светлая зима оставила эту землю. Снег не приходил лечь на нее облегчением от грязи, чистым бинтом на черные раны. Веселые снега, его сухой, просторный запах, залечивающий осенние болезни, ведущий за собой таинственный дух новогодних елок, "– все это забылось, и в грязи стояли хмурые ели перед Гостиным двором. Земля угрюмо зеленела мутной декабрьской травой и от каждого ветра вздрагивала сотлевшими листьями, как нищенка под лохмотьями.

Аня вышла из автобуса и пошла по незнакомой улице. Она не замечала зловония и горького вкуса того, что ей приходилось вдыхать в себя, она только чувствовала безысходную боль при каждом вдохе.

Как, отражаясь от свежего снега,
Светлеет неба ночного кров,
Так кажется мне, что тепло – только эхо
По льду прозвеневших моих шагов.

Небо здесь открытое, большое, и безмолвное пение доносится сверху, со светлой ночной высоты. Сквозь пепельный воздух. Так хорошо, так легко дышится. Бабушкин домик уже виден, уже вот его ясное окошко в лиловом сумраке.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

60.

Разгуляться на просторе, в грязном поле вольно вихрям снеговым. Столбам. Меж редких домов, как кости сухие белых, много есть места, много трясины и сора. Эх, да и взвиться же и ударить, и смять с налету эту букашку, что мешается тут и лезет, карабкается внутрь гудящих столбов.

_____

И на лиловый снег кладет точно такой же ясный квадрат. Бабушка! Сейчас он дойдет… Вдруг – что это? Земля качнулась из-под ног. Сейчас оно все расплывается, расползается под взглядом. Неужели ничего нет? Прозрачно и призрачно стронулось с места, что это, или все только…

_____

И в последнем глотке рваного воздуха, выставив вперед руки и взметаясь, падая куда-то вперед, Аня крикнула, крикнула…

Вихрь ударил ее о внезапный выступ дома и она, вцепившись в камень, добралась до парадной.

_____

Одна только. Одна осталась на горизонте болезненная полоска, багровая и налившаяся, и о чем она говорит, то лучше не слушать. Скорее, за калитку и по дорожке, и на крыльцо, сени.

Бабушка прилегла на диван: в ее руках зеленый томик. Читает. Не слышит, как он вошел. Он тихо, стараясь не шуметь, раздевается, приглаживает волосы. На столике у окна благоухает крошечная елка, подрагивают слабые огни свечей и тянутся к нему.

_____

Раздеваясь, ложась, закрывая глаза, Аня ждала, что вот сейчас все кончится и наступит облегчение. Но простыни не были нежны в этот вечер, и надо было жить среди них, обжигающих,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

всю ночь, жить и терпеть жесткие камни этой постели.

Как улыбается рот Новеллы Александровны! Большой, вперед вытянутый, обсаженный мелкими зубками (и по мосту бежать, сквозь синие бьющие платки ветра. Что это за река? Раз Ленинград, значит, Влатва: эта огромная холодная река, не может быть, чтоб ее еще и звали по-другому. На Васильевский остров, в Гавань). Свою пятипалую ручку она поднимает и вдруг громким баритоном поет:

Ты им пальца в рот не суй –

Не суй, не суй!

Как громко, как весело, музыка, какая яркая радость в глазах Новеллы Александровны – почти безумная, почти доходящая до страдания.

———————

Так здесь, вот здесь это было. Ян вгляделся сквозь сумрак. Неужели ничего, ни следа? Вот здесь, под паутиной этих теней, по ступенькам. "За этой дымкой все то, по чем душа болит…" и куда же оно могло деться и пропасть. Ведь оно здесь – "какой-то странной невидимкой", как будто не хочет, просто не хочет ответить. И можно бы взять за руку, но отвернулась, прячет руку, –

Таится и молчит.

– Куда это твоя бабушка велела мне идти?

– В седницу, – то есть в светлицу, – поправился он и показал ей наверх. Всю неделю она прожила в этой светлице. Он раскрыл дверь. Замерзший и печальный запах – от тех самых цветов. Мак, ромашки, медуницы, вот они, сухие и ветхие. Время, одно только время пришло, а ведь оно – ничто. Если человек был и есть на свете, разве это не дороже пустых месяцев и минут? Время – это только серый снег, выбившийся из-под рамы.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Он спускается опять из светлицы, – все тихо, бабушка еще спит. Ани нигде нет. Куда она могла убежать так рано? Серая, тяжелая от росы трава молчит, и странным взглядом следит за Яном глащастый бук. (Теперь его глаза – круглые отвалившихся сучьев, – присыпаны снегом и спросонья подозрительно поглядывают).

Куда же? Солнце всходит над мокрым лесом.

– Аня! – кричит он. Но лес не отвечает. Только зеленый щебет по верхушкам звучит, только порхает утренняя листва, соскальзывая назем легкими тенями. Из-под зеленых хвойных ресниц взгляд луча: зачем он не скажет? И эти цветы: они нарочно сжали лепестки, они знают, но не скажут, они прячутся, чтоб по глазам не догадаться. (Розовый снег, живой, как цветы, тревожится под ногами). И вот здесь, под этими обледенелыми ветками, тогда он нашел букет, связанный травинкой: мак и ромашки в брызгах медуниц.

Уже солнце печет голову, уже не влажно шелестят, а сухо позванивают травы. То солнечный лист, то во мрак уходящая тень. Куда она спряталась – во что превратилась?

… Странно, что здесь можно было так запутаться. Теперь ветки пустые, нигде нет зеленой прелести, живого чуда. Или это лист зеленым глазом взглянул? Все тихо, только шелест и качание. Что так тянет в себя? Листья слепят глаза, но он раздвигает и падает. Во что? Один мрак, дух захватывает. Куда же? Листья, листья по лицу, в пучину, – он чуть не вскрикнул. Он не мог больше дышать, схватился за ствол.

Она отвела ветки, отворила лицо из-под листьев:

– Хорошо я от тебя спряталась?

И не так уж крепко переплелись эти ветви, и не так уж круто падает склон. И мертвое теперь все и пустое, нет пещеры

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

и тайны.

– Ой, ты букет мой нашел!

Скорей, как можно скорей, по долгим вагонам, она выпрыгивает, серые туманные рельсы. Не туда идут все поезда, а ей нужно скорей. И вот она точно узнала время, когда отходит поезд. Но где же часы? Она оглядывается. Серая громада вокзала, часы… Нет, это не часы. На их месте, в круглой дыре, медленно вращаясь, голова Оли Сорокиной повторяет мерным микрофонным голосом:

– Обратите внимание, какое впечатление производит на меня это произведение!

… – А тебе, принцесса, особое приглашение? – еще один голос.

– Откуда ты знаешь, что я принцесса?

Больно и грубо кто-то хватает за плечо: странное серое лицо, голубоватые глаза всматриваются со страшным напряжением.

– Ой! Игуанодок! – Аня в ужасе натягивает одеяло. Но цепкие, неумолимые руки отрывают одеяло от лица, и голос, догадавшийся давеча про принцессу, –

– Не морочь мне голову! Некогда мне тут с тобой! Опять в школу без завтрака собралась?

– Я не пойду. Мне плохо…

– Может быть, хватит дурака валять? Третий месяц с мамой только и занимаемся, что заставляем тебя в школу ходить! То кашель, то температура, то еще что-нибудь придумаешь. Нам, что ли, твоя учеба нужна? Или мне больше делать нечего, как уговаривать тебя: ходи, деточка в школу!

От этого слова – "деточка" – вдруг слезы подошли к глазам, на лице выступил какой-то раздражающий жар, – она прижала к

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

щекам ладони.

– А ну тебя, надоело, – махнул рукой отец, – делай, что хочешь.

_____

И только небо, одно живое, – Ян долго глядел в него. Розовый, тяжелый для глаз блеск говорит о том, о чем вчера не досказала красная полоска. Вчера бабушка отвела его тревогу – а теперь он не хочет гнать ее от себя. Прямо в снег, перед огромным небом. Он сидел и смотрел ему в глаза. Что-нибудь, хоть что-нибудь оно должно ему ответить! В тучах, розовых, распростершихся на полнеба, в их мучительном блеске, –

… мне будет хуже, чем тебе.

Он встал. Нет, он не ослышался.

Он плохо понимал, что он делает. Он приехал к бабушке на рождество и она так радовалась. Что его бросило в этот ранний поезд?

– Неужели я совсем мертвый, ничего не могу? – сказал он бабушке, и, наверно, эти слова не имели никакого смысла. Домой, – он сам не знает, почему зашел, он собирался бежать к отцу на работу, узнать адрес того института, куда Катержина осенью посылала оттиски Аниному отцу. Он сам не знает, зачем взбежал по лестнице, зашел, включил свет. На столе в гостиной яркий клочок бумаги. Ян взял его в руки: поздравительная открытка от Аниного отца, свет елочных свечей тянется к лицу. Он перевернул. Обратный адрес. Вот они, эти две строчки.

6 глава

Тогда было солнце. Тогда, когда Аня прибежала к ней без пальто, а она и не заметила. В комнате гремело радио, и она, войдя с яблоками, остановилась в дверях:

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Во, попс! Ну ты, Анька, даешь!

Аня танцевала. (Все это было тогда, тогда, так давно). Саша б никогда не поверила, что можно так танцевать. Это был не танец, что-то совсем другое. Аня отбросила от себя – весь мешающий мир. И погрузилась в музыку, в мелодию, в свободу. Не то, чтоб сочинять движения или вспоминать, нет – только поддаться, только не мешать себе. И уйти вглубь – как рыба из сети.

Теперь одна. Аня так всегда могла ее утешить. Одна. Плохо. Корявый асфальт, – и вот уже черная яма подворотни ждет ее в себя. Черт, как здесь темно. Еще трех нет. Пожелтевшие квадратные окна, и дневная темнота смотрит из всего воздуха. Чугунный крюк, в грязной кофте старуха. Не забыть пригнуться, а то стукнешься головой.

– Живая?

Аня вся передернулась, повернула лицо; липкое, как облитое сукровицей. От слез.

– Горит свечи огарочек,
Гремит недальний бой, – по радио.

– Ты что?

Шевелит губами.

– Да что с тобой?

– Зачем вы меня обманывали? Зачем они во всем меня обманывали?

– О чем ты?

– Сашка, неужели… Твои и не пели тебе? Выключи, не могу. Если кто-нибудь…

– Да что такое случилось?

– Если кто-нибудь поймет тебя совсем, – не слова, а что даже себе сказать не можешь…

– Ну и что тогда?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Тогда – так страшно! Со всеми остальными. Тогда вдруг видишь, что они, как мертвые, все крутятся на своих орбитах, шагу ступить не могут, на миллиметр к тебе приблизиться. Безвоздушное пространство, ты одна, одна!

– Да успокойся, ты. Какой у тебе лоб!

– Ты знаешь, в пустыне хоть надеешься, что где-то есть люди.

– А может быть, где-нибудь есть?

– Да. Где-нибудь есть… Где слова не глыбами пыльными. А, сияя в сумраке нам. Одновременно, вздрогнув крыльями прикасались к нашим губам…

– Это кто?

– Я, кто ж еще.

– Так ты стихи пишешь? Талант у тебя, что ли?

– Да нет, это правда. Правда же. Она всего страшнее.

– Что же тут страшного?

Сверкая черными до колен ногами (их сбрасывает, как змеиную кожу, и они шуршат и ложатся). Они идут, гордые, с каждым шагом втаптывая в грязь. Платформы, тяжелые каблуки, лакированные бока слепят отовсюду шубы лоснятся и джинсы полами взметают пыль:

До самой далекой планеты
Не так уж, друзья, далеко!

Марш, трубы, литавры грохочут. Морда волка оскалилась, кровавый ноготь блестит, загибаясь…

– Ну и что. Подумаешь. Каждый день начинается утро и солнце.

– И в этом тебе сделают гадость и обругают последними словами. Ты знаешь: – Обнимитесь, миллионы? А как ты думаешь… Зачем? Ради блата? Я тебе, ты мне. Перейдем на натуральное хозяйство.

– Ах, ну причем тут натуральное хозяйство! – Саша, совсем уже изнемогся от Аниных слов.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Я говорю о Бетховене, ода Радости. Это конец 9-ой симфонии…

– Какое отношение, не понимаю: Бетховен и натуральное хозяйсвтво?

– Обнимитесь, миллионы… Душ родство, о, луч небесный. Господи! Душ родство. Если тебя кто-нибудь хоть один раз понял…

– Да объяснишь ты мне, в конце концов? Или ты совсем уже того?

– Как? И ты не видишь? Да они же все свиньи. Которые помоложе, так розовенькие, аж ветчиной попахивают, а старые – те позеленели. Те, видишь ли, несъедобны.

Лава радости чудесной! Ты это пойми: напрасно, напрасно она над ними. Какая музыка:

– Радость, первенец творенья, (поет)
Дверь великого отца,
Мы как в жертву искупленья
Предаем тебе сердца!
– Здорово ты поешь, Анька!

– В жертву искупленья! А глаз нет.

– У кого?

– У свиней. Ты разве не слышала? У них так и называются: гляделки. Чтоб с ног до головы, а не увидеть.

– Да сюда, я ее разобью. Неправда, неправда все это! Дай эту пластинку.

– Да ты что?

В красноватом воздухе, оживленные взмахами Аниных рук. Или это в голове помутилось, нечем дышать? Шествуют толпы свиноподобных. Обнимитесь, миллионы! И над ними, – напрасная Чудесная Радость.

– Так, только в глаза! А не на обувь. Постой – поставь мне эту пластинку, я буду петь вместе с ними. Там голос один спрашивает:

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

– Радость?

И потом они, все вместе. Как хорошо! Свобода. Я помню, золотой голос Готта, он так легко – в самую синь. И вместе с ним, туда. Свобода! Свобода – это совсем другое, ты не знаешь. Свобода быть собой, вот…

Ее голова свесилась с подушки. Тихая музыка в начале финала. Она заснула?

– Вот счастье! – прошептала еще.

Саша поправила подушку. Грянула музыка. Саша испуганно убавила громкость, – но Аня не проснулась. И опять накатило:

– Слава радости чудесной!

Из закрытого глаза, по серой щеке, в подушку. О, луч, небесный! Вседержащее звено.

Осторожно идет снег, и чутко приникает к черепице крыш. Ян спустился с Града и, обогнув собор св. Николая, вышел к Влатве. Между годом и тем, что будет, кончается время. Год истекает, тает на глазах, превращается в прошлое. Надо скорее высказать все этому году, как он ему благодарен. Вдруг раздался удар часов. Ян остановился. Часы звенели отовсюду: и совсем близко, на ратуше, и с того берега. Ян начал считать удары, чтоб не пропустить двенадцатого – но тут же перебил себя. Что-то вроде невнятной радости поступало – ее тихо надо ждать, нельзя ей мешать. Он бросил считать и прислушался.

… А где-то там, впереди, за этим медленным снегом, за озябшими реками и хмурыми горами, за дремучими лесами, угрюмо дремлющими под влажной пеленой снега, за густой стеной тумана, за сырыми кирпичами старого петербургского дома… У нее Новый год давно прошел, и у нее уже скоро два часа.

(Продолжение следует)

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Наталья Малаховская родилась в Ленинграде в 1947 г. Работу над прозой начала в 1964 г., к этому же времени относится создание первой редакции повести "Темница без оков". В 1973 г. окончила Ленинградский университет /диплом о художественном мире Андрея Платонова/. Кроме повести, представленной на страницах нашего журнала, автором написан целый ряд прозаических произведений. Все попытки опубликовать что-либо из них в официальных изданиях оказались безуспешными.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ПУБЛИКАЦИИ

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ПУБЛИКАЦИИ

НЕИЗДАННЫЕ ПИСЬМА НИКОЛАЯ ГУМИЛЕВА

/подготовка к изданию, предисловие и комментарии Н. Голубева/

Вниманию читателей журнала "37" предлагается шесть писем Николая Степановича Гумилева: пять адресованы В. Я. Брюсову, одно – Михаилу Кузьмину. Письма, адресованные В. Брюсову, хранятся в рукописном отделе Государственной библиотеки им. Ленина в Москве, а письмо к М. Кузьмину – в Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина /Ленинград/.

Впервые Николай Гумилев встретился с Брюсовым в 1907 году в Москве, хотя заочно они знакомы были и прежде. Первый сборник стихов Гумилева "Путь конкистадоров" /1905 год/ был замечен В. Я. Брюсовым и отрецензирован в журнале "Весы" /№II за 1905 г./ Видимо, к этому времени относится начало регулярной переписки Гумилева с Брюсовым; хотя наиболее раннее из сохранившихся писем датировано январем 1907 года, оно /как явствует из его содержания и тона/ лишь продолжает, а не открывает эпистолярные отношения Н. Гумилева и В. Брюсова. В собрании, из которого выбраны публикуемые нами письма, содержится 53 письма Николая Гумилева к В. Я. Брюсову, написанных в период с января 1907 по 23 марта 1913 года.

Из писем, предлагаемых вниманию читателя, четыре отправлены Н. Гумилевым из Парижа, где он жил /с краткими перерывами/ с 1906 по 1908 год. В это время в Париже существовала значительная колония русских писателей и художников. /Об этом см.: Андрей Белый "Между двух революций" Л.,1934/

Отношение Николая Гумилева к В. Брюсову в этот период было, как видно из писем, восторженным, благоговейным – отношением робкого ученика к умудренному опытом мэтру. Со своей стороны, Брюсов поощрял молодого поэта. Так, в рецензии на вторую книгу стихов Н. Гумилева "Романтические цветы" В. Я. Брюсов писал: "Конечно, несмотря на отдельные удачные пьесы, и "Романтические цветы" – только ученическая книга. Но хочется верить, что Н. Гумилев принадлежит к числу писателей, развивающихся медленно и по тому самому встающих высоко." /"Весы",1908, №3, стр.78./

В своих письмах Н. Гумилев посылал Брюсову стихи и прозаические отрывки которые мы тоже публикуем, хотя все эти стихи впоследствии были напечатаны.

Публикацию заключает письмо к М. Кузьмину из Абиссинии, интересное своими "экзотизмами".

Абиссинское и парижские письма датированы по новому стилю, письмо из Царского села – по старому.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(172)

В. Брюсову
8 января 1907 года

Очень, очень благодарю вас за Ваши письма, особенно за первое с рассуждением о рифмах и размерах. Оно сказало мне то, что я раньше чувствовал, но не мог применить на деле, потому что эти мысли еще не проникли в мое сознание. Эзотерическая тайна привела меня в восторг, и я ее принимаю вполне. Мой демон нашептывает мне еще разные мелкие сомнения, но я отложил их до нашего свидания, тем более, что, как я слышал, вы собирались приехать в Париж?[1] Очень благодарю за сообщенные адреса, но боюсь, что они окажутся мне бесполезны. Дело в том, что я получил мистический ужас к знаменитостям и вот почему. я имел к Зинаиде Николаевне Мережковской рекомендательное письмо от ее знакомой писательницы Микулич[2] однажды днем я отправился к ней. Войдя, я отдал письмо и был введен в гостиную. Там кроме Зинаиды Ник. был еще Философов, Андрей Белый и Мережковский. Последний почти тотчас скрылся. Остальные присутствующие отнеслись ко мне очень мило, и Философов начал меня расспрашивать о моих философски-политических убеждениях. Я смутился, потому что, чтобы рассказать все мировоззрение ясно и стройно потребовалась бы целая речь, а это было невозможно, так как интервьюирование велось в форме общего разговора. Я отвечал, как мог, отрывая от своей системы клочки мыслей, неясные и недосказанные. Но, очевидно, желание общества было подвести меня под какую-нибудь рамку. Сначала меня сочли мистическим анархизмом[3] – оказалось неправильным. Ученики Вячеслава Иванова – тоже. Последователем Сологуба – тоже. Наконец сравнили с каким-то французским поэтом Бентуаром[4], или что-то в этом роде. Разговор продолжался, и я надеялся, что меня подведут под какую-нибудь пятую рамку. Но на мою беду в эту минуту вошел хозяин дома Мережковский, и Зинаида Ник. сказала ему: ты знаешь, Николай Степанович напоминает Бентуара. Это было моей гибелью. Мережковский положил руки в карманы, и стал у стены и начал отрывисто и в нос: "Вы, голубчик, не туда попали! Вам здесь не место! Знакомство с нами ничего не даст ни Вам ни нам! Говорить о пустяках совестно, а в серьезных вопросах мы все равно не сойдемся. Единственное, что мы могли бы сделать, это спасти Вас, так как Вы стоите над пропастью. Но ведь это…" Тут он остановился. Я добавил тоном вопроса: "дело неинтересное"? И он ответил откровенно: "да", и повернулся ко мне спиной. Чтобы загладить эту неловкость, я посидел еще минуты три, потом стал прощаться. Никто не удерживал меня, никто не приглашал. В переднюю очевидно из жалости меня проводил Андрей Белый[5].

Теперь я боюсь идти и к Гилю.[6]

Зато я нашел самый радушный прием у бывшего сотрудника "Весов" Щукина[7]. У него я познакомился с Минским[8] и, может быть, познакомлюсь

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

с Бальмонтом.

Теперь приступаю к самому главному. Несколько русских художников, живущих в Париже, затеяли издавать журнал художественный и литературный. Так как среди них я один, то они уговорили меня взять заведывание литературной частью с титулом редактора-издателя. Его направление будет новое, и политика тщательно изгоняема. Он будет выходить еженедельно размером в один или два печатных листа.[9] Его небольшой размер даст мне возможность надеяться избежать ошибок и неловкостей, которые могут произойти от моей неопытности.

Теперь, Валерий Яковлевич, если бы Вы могли нам дать что-нибудь свое – стихотворение, рассказ или статью, – Вы еще раз доказали бы свою бесконечную доброту ко мне. К несчастью, дело настолько молодое, что мы ничего не можем сказать о гонораре. Мы, его устроители, работаем совершенно бесплатно. Если же Вас смутит незнание идей журнала, то Вы могли бы прислав что-нибудь, подождать первого номера, и потом телеграммой известить меня, согласны Вы на помещение Вашего материала или нет. Таким образом не будет неприятной задержки.

Я с радостью увидел, что после этих месяцев усиленной работы над стилем прозы, у меня начинает выходить что-то почти удовлетворительное. У меня в голове начинают рождаться интересные сюжеты и обстановки для рассказов и повестей. Надеюсь, что недели через три я пришлю что-нибудь прозическое для "Весов".[10]

Искренне уважающий Вас
Н. Гумилев

Примечания к письму:

1. Это намерение Брюсова в 907 году осуществлено не было.
2. Микулич, В. /псевдоним, наст. Фамилия Веселитская /1857-1936/ - русская писательница. Писала, главным образом, для детей. Успехом пользовалась ее трилогия: "Мимочка-невеста" /1883/, "Мимочка на водах" /1891/ и "Мимочка отравилась" /1893/. Перу В. Микулич принадлежит сб-ки "народных" рассказов, а также воспоминания о Ф. Достоевском /1903/ и Л. Толстом /1914/.
3. Мистический анархизм – движение, возглавляемое Г. И. Чулковым, который пытался соединить элементы мистики с политическим радикализмом. Органом "мистических анархистов" был альманах "Факелы".
4. ~~Французского поэта с фамилией Бетпуар не существует. Это явно выдуманное лицо – если не З. Н. Гиппиус и Д. Мережковским, то самим Н. Гумилевым.~~ Bête noire – пугало (фр.)
5. Эпизод, рассказывающий Н. Гумилевым, отражен также в воспоминаниях Андрея Белого. З. Н. Гиппиус, как вспоминает Белый, издавалась над неловкостью Н. Гумилева, "дразнила беднягу, который преглупо стоял перед нею: впервые попавши в "Весы", шел он от чистого сердца – к поэтам же в стриженной бобриком узкой головке, в волосиках, русых, бесцветных, едва шепелявящем голоске кто бы узнал скоро крупного мастера, опытного педагога?" /А. Белый "Между двух революций", Л. 1934, с. 173/. О неблагоприятном впечатлении, произведенным Гумилевым, писала и сама З. Н. Гиппиус – в письме к Брюсову: "О Валерий Яковлевич! Какая "ведьма" сопрягла" Вас с ним? Да видели ли Вы его? Мы прямо пали. Боря имел силы

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

издеваться над ним, а я была поражена параличом. Двадцать лет, в бледно-гнойный, сентенции – старые, как шляпка вдовицы, едущей на Драгомиловское. Нюхает эфир /спохватился!/ и говорит, что он один может изменить мир. "До меня были попытки… Будда, Христос, но неудачные." после того, как он надел цилиндр и удалился, я нашла № "Весов" с его стихами, желая хоть гениальностью его страх оправдать Ваше влечение, и не могла. Неоспоримая дрянь. Даже теперь, когда так легко и многие пишут хорошие стихи, – выдающаяся дрянь. Чем, о, чем он Вас пленил…" /Цит по кн.: "Валерий Брюсов. Литературное наследство" т.85., М.1976, с. 691./

6. Гиль, Рене. /псевд., наст фамилия Гильбер, 1862-1925/ – известный французский поэт, создатель так называемой "научной поэзии" Валерий Брюсов был пропагандистом творчества Рене Гиля в России. Корреспонденции и статья Гиля о современной французской поэзии регулярно публиковались в "Весах". Как станет ясно из следующего письма, опасения Гумилева насчет визита к Гилю были напрасны. Рене Гиль принял его радушно.

7. Щукин, Иван Иванович /– искусствовед, один из четырех братьев Щукиных, известных московских коллекционеров. Жил в Париже, где служил в Лувре. Регулярно печатался в "Весах".

8. Минский Н. М. /псевд., наст. Фамилия Виленкин, 1855-1937/ – поэт, один из первых русских "декадентов", впоследствии от поэзии отошел.

9. Никаких сведений о реализации этого проекта найти не удалось.

10. В этот год проза Гумилева так в "Весах" и не появилась.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(175)

В. Брюсову
16 декабря 1907 года

Дорогой Валерий Яковлевич!

Сегодня получил № "Раннего утра"[1] с моей "Гиеной" и очень благодарю Вас за напечатание ее. Сама газета показалась мне симпатичной, но я настолько наивен в делах политики, что так и не понял, какого она направления. Но, кажется, "приличного", единственного, которому я теперь сочувствую. На русской выставке, о которой я писал в " Весы"[2], я познакомился с Рерихом и кн. Тенишевой[3]. Теперь я все собираюсь пойти к Рене Гилю, его пятницы уже начались. Я пойду вместе с Nicolas Denixer[4] – молодым французским поэтом, моим приятелем. Вы об нем, наверное, уже читали в статье для "Весов" Рене Гиля.

Сам я в это время сильно нервничаю, как Вы можете видеть по почерку. Пишу мало, читаю еще меньше. Часто хожу в Jardin des Plantes и там кормлю хлебом тибетских медведей. Кажется, они уже узнают меня. Неправда ли, это стоит прошлогоднего календаря камергера Альвига из "Приведений" Ибсена[5].

На всякий случай, если Вы захотите напечатать еще что-нибудь мое, я посылаю Вам два из моих старых стихотворений, заново переписаных. Кстати, не беспокойтесь, пожалуйста, мне присылать №№ с моими стихами. Наверное, это затруднит Вас, а мне достаточно знать, что такое стихотворение есть или будет напечатано. Зато меня интригует "Золотое Руно". Там лежат три моих стихотворения, из которых два я очень люблю и не знаю напечатаны они или нет. Если да, то сообщите об этом, когда будете писать.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев

P.S. За последнее время я много занимался теорией живописи, а отчасти и театра, читал, посещал выставки и говорил с артистами. Результаты Вы можете видеть в моем письме о "Русск. Выст." Если оно Вас удовлетворяет, может быть, Вы сможете указать мне какой-нибудь орган, хотя бы "Ранн. Утро", где я мог бы писать постоянные корреспонденции о парижских выставках и театрах. Этим вы оказали бы мне еще раз большую услугу.

Н. Г.

Приближается к Каиру судно
С длинными знаменами пророка.
По матросам угадать нетрудно,
Что они с востока.

Капитан кричит и суетится,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Слышен голос, гортанный и резкий,
На снастях видны смуглые лица
И мелькают красные фески.

На пристани толпятся дети,
Забавны их тонкие тельца,
Они сошлись еще на рассвете
Посмотреть, где станут пришельцы.

Аисты сидят на крыше
И вытягивают шеи
Они всех выше
И им виднее.

Аисты – воздушные маги,
Им многое ясно и понятно,
Почему у одного бродяги
На щеках зловещие пятна.

Аисты кричат над домами,
Но никто не слышит их рассказа,
Что вместе с духами и шелками
Пробирается в город зараза.[6]

_____

Как труп бессилен небосклон,
Земля – как уличенный тать,
Преступнотайных похорон
На нем зловещая печать.

Ум человеческий смущен,
В его глубинах – черный страх,
Как стая траурных ворон
На обессиленных полях.

Но где же солнце, где луна?
Где сказка – жизнь и тайна – смерть?
И неужели не пьяна
Их золотою песней твердь?
И неужели не видна
Судьба, их радостная мать,
Что пеной жгучего вина
Любила смертных опьянять

Напрасно ловит робкий взгляд
На горизонте новых стран,
Что только ужас, только яд,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Змеею жалящий туман.
И волны глухо говорят,
Что в море бурный шквал унес
На дно к обителям /наяд/
Ладью, в которой плыл Христос.[7]

Н. Гумилев

Примечания к письму

1. "Раннее утро" - ежедневная политическая и литературная газета конституционно-демократического направления. Издавалась с 17 ноября 1907 года по июль 1918 года на средства П. П. Рябушинского. Стихотворение "Гиена" /без названия/ было напечатано в "Раннем утре" за 29 ноября 1907 года /стр.2/, затем оно вошло в сборник "Романтические цветы" – уже под известным заглавием.
2. Выставка русского искусства в Париже открылась осенью 1907 года. Н. Гумилев поместил в "Весах" заметку о ней /см. "Весы" 1907, №1/. В выставке участвовали пять русских художников: Рерих, Билибин, кн. Тенишева, Щусев /архитектор/ и фон Траубенберг /скульптор/.
3. Кн. Тенишева, М. К. /1867-1928/ – художница, коллекционер и меценат. Первоначально финансировала журнал "Мир искусства". Поддерживала дружеские отношения со многими "мирискусниками". Организовывала ремесленно-художественные мастерские в своем имении Талашкино /Смоленская губ./ На выставке 1907 года в Париже были выставлены изделия талашкинских мастерских. Кн. Тенишева организовала знаменитое "Тенишевское училище" – одну из лучших школ не только в дореволюционной России, но и в Европе.
4. Deniker Nicolas – малоизвестный французский поэт. Выпустил только один сборник стихов: "Poèmes" – в 1907 году. Отзыв на эту книгу дал Рене Гиль в статье "Новые сборники стихов" /"Весы", №3 за с. 112-118/. Приводим выдержку из этой рецензии: "Может быть, мы привлечем некоторое внимание на томик г. Деникер, сказав, что он – сын очень уважаемого антрополога и этнолога, и что мать его – русская. В коротеньких поэмках, собранных в его первой книге, еще слишком много случайного, чтобы можно было выявить общие тенденции его поэзии…" /с. 117/.
5. В драме Генрика Ибсена "Привидения" фру Альвинг говорит, что ее покойный муж для развлечения читал старый адрес-календарь.
6. Стихотворение "Приближается к Каиру судно…" опубликовано в сборнике "Романтические цветы" под названием "Зараза".
7. Публикации стихотворения "Как труп бессилен небосклон" – обнаружить не удалось.

———————

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(179)

В. Брюсову
7-1-08.

Дорогой Валерий Яковлевич!

Очень благодарю Вас за напечатанье "Синдбада"[1] и за присылку "Раннего утра". Статья А. Белого о "Путях и перепутьях"[2] интересна и я с удовольствием подписался бы под ее второю частью, особенно под тем, что у Вас нет учеников. Я люблю называть Вас своим учителем и действительно всему, что у меня есть лучшего я научился у Вас, но мне нужно еще бесконечно много, чтобы эта моя зависимость от Вас могла почувствоваться читателями. Но мне всегда очень неловко писать вам о Вас же, и потому я кончаю это щекотливое, хотя и приятное занятие. Буду писать о себе.

В этом письме я посылаю Вам пересказ, который, может быть, Вы[3] взяли бы для "Раннего утра" или, если "Новеллы" не приняты, для "Весов", хотя мне было бы приятнее увидеть в "Весах" последние.[4] Этот последний рассказ я переписывал четыре раза всегда с крупными поправками. Так что относительно старательности я сделал все, что мог. Очень скоро я пошлю Вам еще один рассказ, уже специально для "Раннего утра", без посягательства на "Весы". Он уже написан, но еще не отделан. Вообще, все, что я Вам присылаю, поступает в Ваше полное распоряжение как редактора разных изданий, и я заранее благодарю вас за все места для моих вещей, даже за пылающую печь. Сборник моих стихов /последних/[5] уже печатается. Выйдет через две, три недели. Поэтому я буду очень благодарен, если в "Р. Утр" появятся какие-нибудь мои стихи из имеющихся у Вас до его выхода.[6]

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев

Помпей у пиратов

От кормы, изукрашенной красным,
Дорогие плывут ароматы
В трюм, где скрылись в волненьи опасном,
С угрожающим видом пираты.

С затаенною злобой боязни
говорят, то храбрясь, то бледнея,
И в пол голоса требуют казни,
Головы молодого Помпея.

Сколько дней они служат рабами
То покорно, то с гневом напрасным,
И не смеют бродить под шатрами

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

На корме, изукрашенной красным.

Слышен зов… Это голос Помпея,
окруженного стаей голубок,
Он кричит: "Эй, собаки, живее,
Где вино, высыхает мой кубок!"

И над морем седым и пустынным
Приподнявшись лениво на локте,
Посыпает толченым рубином
Розоватые, длинные ногти.

И оставив мечтанья о мести,
Умолкают смущенно пираты
И несут, раболепные, вместе
И вино, и цветы, и гранаты.

_____

Под землей есть тайная пещера,
Там стоят высокие гробницы,
Огненные грезы люцифера,
Там блуждают стройные блудницы.

Ты умрешь бесславно иль со славой,
Но придет и властно глянет в очи,
Смерть, старик угрюмый и костлявый,
Нудный и медлительный рабочий.

Понесет тебя по коридорам,
Понесет от башни и до башни,
Со стеклянным выпученным взором
Ты поймешь, что это сон всегдашний.

И когда, упав в свою гробницу,
Ты загрезишь о небесном храме,
Ты увидишь над собой блудницу
С острыми жемчужными зубами.

Сладко будет ей к тебе приникнуть,
Целовать со злобой бесконечной,
Ты не сможешь двинуться, ни крикнуть…
Это все. И это будет вечно…

– – –

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ЗОЛОТОЙ РЫЦАРЬ

Золотым ослепительным полднем въехало семеро рыцарей крестоносцев в узкую пустынную долину восточного Ливана. Солнце метало разноцветные лучи, страшные как стрелы неверных, кони были измучены долгим путем над обрывами и могучие всадники едва держались в седлах, изнемогая от жажды и зноя. Знаменитый граф Кентерберийский Оливер самый старый во всем отряде подал знак отдохнуть. И как нежные девушки, ошеломленные неистово пряным и томящим индийским ветром, бессильные попадали рыцари на голые камни. Долго молчали они, сознавая, что уже не подняться им больше и не сесть на коней, и что жажда подобно огненному дракону, свирепыми лапами став им на грудь, разорвет их пересохшие горла. И лежали покорные.

Наконец сэр Гуго Эльвистам, темплиер с душой сирийского льва, приподнявшись на локте воскликнул: "Благородные сэры и дорогие братья во Христе, вот уже восемь дней как, отстав от нашего войска, мы блуждаем одни и два дня тому назад мы отдали последнюю воду нищему прокаженному близь высохшего колодца Мертвой Гиены. Но если мы должны умереть, то умрем как рыцари, стоя, и споем в последний раз приветственный гимн нашему Небесному Синьору, Господу Иесусу Христу". И он медленно поднялся с невидящим взором, цепляясь за колючий кустарник, и один за другим стали подниматься его товарищи, шатаясь и с трудом выговаривая слова, как бы упившиеся кипрским вином в голубых изукрашенных залах византийского императора. И странно, и страшно было бы на душе одиноких пилигримов или купцов из далекой Армении, если бы случайно проходящие, увидели они семерых безвестно умирающих рыцарей и услышали бы их покойное тихое пение.

Но внезапно слова их гимна прервал приближающийся топот коня, звучный и легкий как звон серебряного меча у пояса Архистратига Михаила. Нахмуренные строгие брови молящихся и их души, уже склонившиеся в мягкие сумерки смерти, омрачились при мысли о ненужной встрече. Перед ними на повороте ущелья появился неизвестный рыцарь высокий и стройный, красиво могучий в плечах, с опущенным забрало над которым свивались страусовые перья, и в латах чистого золота ярких как блеск звезды Альдебаран. И конь золотистой масти дыбал и прыгал и еле касался копытами мертвых утесов. Голубой герольд на белоснежном коне с лицом кротким и мудрым, тайно похожим на образ апостола Иоанна, спешил за своим господином.

Чудные всадники быстро приблизились к умирающим рыцарям, певшим гимн. Одетый в золото осадил коня и наклонил копье как бы перед

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

началом сражения, а герольд, поднимая щит со транным гербом, где мешались лилии и звезды, столпы Соломонова храма и колючие терны, воскликнул слова, издавна принятые на турнирах: "Кто из благородных рыцарей, присутствующих здесь, хочет сразиться с моим господином, пеший или конный, на копьях или на мечах?" и отъехал в сторону, ожидая.

Неожиданный подул откуда-то ветер, принеся освежительную прохладу, внезапно окрепли мускулы доселе бессильных рыцарей, и огненный дракон жажды перестал терзать их горло[+], сделался совсем маленьким и с беспокойным свистом уполз в темную расщелину скал, где таились мохнатые тарантулы и смертельно-жалящие скорпионы.

Граф Кентерберийский Оливер первый ответил голубому герольду от имени всех: речи изысканно вежливой, но полной достоинства он сказал, что они нисколько не сомневаются в благородном происхождении благородного рыцаря, но тем не менее желали бы видеть его поднявшим забрало, ибо этого требует старинный рыцарский обычай.

Едва он окончил эти слова, как тяжелое сияющее забрало поднялось, открывая молодое лицо красоты совершенной, глаза, полные светлой любовью, щеки нежные, немного бледные, алые губы, о которых столько мечтала святая Магдалина, и золотистую бородку, расчесанную и надушенную самой девой Марией. Не посмели догадаться благородные рыцари, кто пришел[+++] облегчить их страдания и разделить забавы, хотя мистический восторг и захватил их души, повлекши к доныне неизвестным путям.

Так ураган в открытое море охватывает беспечных искателей жемчуга, чтобы повертев их, оробелых, среди изумрудных брызг и клокочущей пены, бросить потом на отлогий берег Островов Неведомого Счастья.

Полные чувством благоговения и таинственной любви к своему противнику, они просили его принять дань их уважения перед началом турнира.

Первым вышел для битвы герцог Нотумберланский, но не помогли ни руки, бросавшие на землю первых силачей, ни очи, для которых надменные дамы при дворе веселого короля Ричарда одевали свое юное тело в дорогие шелка. Он был выбит из своего узорного седла и покорно отошел, удивляясь, что его сердце несмотря на поражение сияет лучами. Его товарищей, одного за другим постигла такая же участь. И когда золотой незнакомец, со смехом веселым и нежным,[++++] повалили барона Норвического, последним вышедшего против него, огромного и могучего как пиринейский медведь, все рыцари согласно решили, что еще не поднималось сильнее копье ни на далекой Европе, ни в мертвых долинах песчаной Сирии, ни на зеленых полях Эздерлонских.

За турниром должен следовать пир; таков был обычай в железной Нормандии и старой веселой Англии. Захваченные странными чарами

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

рыцари не удивились, когда на место их копий, воткнутых в трещины скал, поднялись цветущие пальмы с обольстительными слепыми плодами, подобными тем, что манили на загадочном Дереве Жизни, посреди прохладной равнины омываемой[++++] Ефратом и Тигром.

И прозрачный ручеек выбежал из голой скалы, звеня и блестя серебром[+++++]. Было весело пировать, отдыхая, петь военные песни, говорить о любви и о славе.

Золотой победитель сидел со всеми и ел, и пил, и смеялся. А вечером, когда зашептались далекие кедры и теплые тени[++++++], все чаще и чаще стали ласкать лица сидящих, он сел на коня и поворотил за угол ущелья. Остальные, как завороженные, последовали за ним туда, где уже возвышалась широкая и отлогая лестница из мрамора белого с голубыми прожилками, ведущая прямо на небо. Тяжко зазвучали на мраморе копыта земных коней и, легкий, ласкался к ним конь золотистый. Неизвестный рыцарь показал путь и скоро уже совсем ясно стали различаться группы немыслимо-дивных деревьев, утопающих в ровном синем сияньи. Где-то свирельными голосами пели ангелы. На встречу едущим вышла нежная и благостная Дева, больше похожая на старшую сестру, чем на мать Золотого Рыцаря Иесуса Христа.

Примечания к рассказу "Золотой рыцарь":
+. вм. "горло" вначале было написано "грудь", но затем зачеркнуто.
++. первоначально было написано, а затем зачеркнуто "приехал".
+++. первоначально было написано "чарующим как лютня менестреля", но затем зачеркнуто.
++++. вм. "омываемой" вначале было написано "между", но зачеркнуто.
+++++. вм. "блестя серебром" было написано "как бронзовые запястья любимейшей дочери арабского шейха", но потом зачеркнуто.
++++++. после слова "тени" первоначально следовало: "похожие на огромных синих бабочек", но затем было зачеркнуто.

Примечания к письму:
1. Стихотворение о Синдбаде /без названия/ было напечатано в "Раннем утре" от 16 декабря 1907 года. Вошло в сб. "Романтические цветы".

2. Статья А. Балого о выходящем тогда собрании стихов В. Брюсова "Пути и перепутья" была напечатана в журнале "Критическое обозрение". /№5 за 1907 г. с. 32-35/.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

3. Рассказ Н. Гумилева "Золотой рыцарь" не был напечатан ни в "Раннем утре", ни в "Весах". Три новеллы, о которых идет речь в письме, обупликованы в №4 "Весов" за 1908 год /под общим заглавием "Радости земной любви" с посвящением А. А. Горенко /Ахматовой/.

4. Имеется в виду сборник "Романтические цветы", вышедший в первые недели 1908 года в Париже.

5. В "Раннем утре" в первой половине 1908 года стихов Гумилева не появилось.

6. Стихотворение "Помпей у пиратов" вошло в сб. "Романтические цветы".

7. Стихотворение "Под землей есть тайная пещера…" Гумилев посылает В. Брюсову вторично, в первый раз – в письме от 2.10.1907. Причем это не разные редакции, так как разночтений нет. Это стихотворение вошло в сборник "Романтические цветы" под заглавием "За гробом".

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(185)

В. Брюсову
7 марта 08 года

Дорогой Валерий Яковлевич!

Я так долго не писал Вам по двум причинам: во-первых, надеялся, что Вы напишете мне вскоре, а во-вторых, думал, что мне удастся написать несколько стихотворений, чтобы по обыкновению послать Вам. Ни то, ни другое не оправдалось. Стихотворение я написал, но очень слабое, и если бы не привычка и не новая для меня форма, ни за что бы не послал его Вам. На днях получил №1 "Весов" и пришел в восторг, что "все в жизни есть средство для ярко-певучих стихов".[1] Это была одна из сокровеннейших мыслей моих, но я боялся оформить ее даже для себя и считал ее преувеличенным парадоксом. Теперь же в цепи Ваших стихов она кажется вполне обоснованной истиной и я удивляюсь ее глубине, как удивился бы угольщик своему собственному сыну, воспитанному в королевском дворце. Видите, я даже впал в семинарский стиль. Из всего цикла мне больше всего понравился "Лунный дьявол". Не правда ли рога – это лучи, агатовые взоры – это пятна на луне. Удивительное сочетание четкости с тонкостию.

Почему-то предположив, что мой "Камень"[2] Вам не понравился, я послал его в "Образование"[3] Если же я ошибся и Вы думаете взять его, напишите, я пошлю в "Об." извинения.

Когда Вы вздумаете писать мне, скажите хоть несколько слов о моем "Андрогине"[4] /"Тебе никогда не устанем молиться"/ и что Вы думаете с ним делать? "Он" меня очень интересует. Сейчас я пишу философско-поэтический диалог под названием "Дочери Каины", смесь Платона с Флобером, и он угрожает затянуться. Когда кончу, непременно пошлю Вам.

Не так давно я познакомился с новым поэтом, мистиком и народником Алексеем Н. Толстым /он послал Вам свои стихи/. Кажется, это типичный "петербургский" поэт, из тех, которыми занимался Андрей Белый. По собственному признанию пишет стихи всего один год, а уже считает себя maîtrom. С высоты своего величия он сообщил несколько своих взглядов и кучу стихов. Из трех наших встреч я вынес только чувство стыда перед Андреем Белым, которого я иногда упрекал /мысленно/ в несдержанности его критики. Теперь я понял, что нет таких насмешек, которых нельзя было бы применить к рыцарям "Пантентованной калоши"[5].

Собираюсь пойти к Рене Гило; у него прием.

Может быть, Вам не будет трудно в начале второй из моих новелл перечеркнуть слово "Симла" и поставить вместо него "Мартитор"[6]. Первого зверя я выдумал сам, о втором упоминает Аристотель.

Искренне преданный Вам
Н. Гумилев

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(186)

НА ПИРУ

Влюбленный принц Диего задремал
И выронил чеканенный бокал,
И голову склонил меж блюд на стол
И расстегнул малиновый камзол.

И видит он прозрачную струю
А на струе стеклянную ладью,
В которой плыть уже давно, давно,
Ему с его невестой суждено.

Вскрываются пространства без конца
И как два взора блещут два кольца
Но в дымке уж заметны острова,
Где раздадутся тайные слова,
И где венками белоснежных роз
Их обвенчает Иисус Христос.

А между тем властитель на него
Вперил свой взгляд, где злое торжество,
Прикладывают наглые шуты
Ему на грудь кровавые цветы
И томная невеста, чуть дрожа,
Целует похотливого пажа.[7]

Н. Гумилева

Примечания к письму:
1. Цитата из стихотворения Брюсова "Поэту" из цикла "Обреченный", напечатанного в №1 "Весов" за 1908 г.
2. Стихотворение "Камень" Гумилев посылал Брюсову в письме от 7 февраля 1908 г. Потом оно вошло в сборник "Жемчуга".
3. "Образование" – педагогический, научно-популярный и с 1906 г. так же литературный и общественно-политический журнал. Печатал поэтов символистского круга. Выходил в 1902-1909 г. Редактор: А. Я. Острогорский. Стихотворение "Камень" в этом журнале в 1908 г. напечатано не было.
4. Стихотворение "Андрогин" Гумилев послал Брюсову в письме от 23 февраля 1908 г. впоследствии оно вошло в сборник "Жемчуга". Была ли более ранняя публикация – не обнаружено.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

5. "Пантентованная калоша" – имеется в виду фельетон А. Белого "Штемпелеванная калоша" /"Весы" №5 за 1907 г./ из серии статей "На перевале". Фельетон направлен против петербургских литераторов, особенно против "мистических анархистов". Петербургская литература, по Белому, профанирует жизненно-серьезные идеи: "В Петербурге, – пишет Белый, – привыкли модернисты ходить над бездной. Бездна – необходимое условие комфорта для петербургского литератора" /с. 51/.
6. Эта просьба Гумилева не была выполнена.
7. Публикация стихотворения "На пиру" обнаружить не удалось.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(188)

В. Брюсову
/без даты – ред./

Дорогой Валерий Яковлевич, не только долг благодарности за Ваш более чем лестный отзыв заставляет меня писать Вам, но и желанье договорить хоть прозой то, что я не сумел вложить в стихи, показать, что не напрасно Вы оказали мне честь, признав меня своим учеником, что я тоже стремлюсь к указанному Вами синтезу, но по своему осторожно, быть может даже слишком. Начиная с "Пути конквистадоров" и кончая последними стихами, еще напечатанными, я стараюсь расширять мир своих образов и в то же время конкретизировать его, делая его таки образом все более и более похожим на действительность. Но я совершаю этот путь медленно, боясь расплескать тот запас гармоний и эстетической уверенности, который так доступен, когда имеешь дело с мирами воображаемыми и которому так мало /по-видимому/ места в мире действительности. Я верю, больше того, чувствую, что аэроплан прекрасен, русско-японская война трагична, город величественно страшен, но для меня это слишком связано с газетами, а мои руки еще слишком слабы, чтобы оторвать все это от обыденности для искусства. Тут я был бы только подражателен, неудачным вдобавок; а хочется верить, что здесь я могу сделать что нибудь свое.

"Жемчуга" – упражнения и я вполне счастлив, что вы, мой первый и лучший учитель, одобрили их. Считаться со мной как с поэтом, придется только через много лет.

Я уже женат и живу в Царском, на старой квартире, Бульварная, д. Георгиевского. И думаю остаться еще несколько месяцев, пока не потянет куда нибудь на юг. Пока смутно намечается поездка в Среднюю Азию.

Искренне преданный Вам

Н. Гумилев.

Примечания к письму:
Письмо без даты. Штемпель на конверте почтового отделения Царского Села и от 9.7.1910 г. и Московской городской почтовой экспедиции от 10.7.1910 г.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

[**PAGE 186**]

(189)

М. Кузьмину
/1910? Харрар/.

Дорогой Миша, пишу уже из Харрара[1]. Вчера сделал двенадцать часов /70 километров/ на муле, сегодня мне предстоит ехать еще 8 часов /50 километров/ чтобы найти леопардов. Так как княжество Харрар находится на горе здесь не так жарко, как было в Дир-Абауа[2], откуда я приехал. Здесь только один отель и цены конечно страшные. Но сегодня ночью мне предстоит спать на воздухе, если вообще придется спать, потому что леопарды показываются обыкновенно ночью. Здесь есть и львы и слоны, но они редки, как у нас лоси, и надо надеяться на свое счастье, чтобы найти их.

Я в ужасном виде: платье мое изорвано колючками мимоз, кожа обгорела и медно-красного цвета, левый глаз воспален от солнца, нога болит, потому что упавший на горном перевале мул придавил ее своим телом. Но я махнул рукой на все. Мне кажется, что мне снятся одновременно два сна, один неприятный и тяжелый для тела, другой восхитительный для глаз. Я стараюсь думать только о последнем и забываю о первом.

Как видишь из этого письма, я совсем забыл русский язык, здесь я говорю на пяти языках сразу. Но я доволен своей поездкой. Она меня пьянит, как вино.

Когда ты получишь это письмо я буду наверно уже на дороге в Константинополь и через неделю увижу тебя.

Кланяйся всем на башне[3] и в Аполлоне[4]. Мой слуга абиссинец ждет меня у дверей. Кончаю писать.

Всегда твой Н. Гумилев.

Примечания к письму:
Письмо из собрания П. Л. Вакселя /рукописный отдел ГПБ/
1. Харрар – город в Абиссинии, нынешний Харэр, во времена Гумилева столица страны.
2. Дир-Абауа – город в Абиссинии, теперь – Дыре-Дауа.
3. Имеется в виду "башня" Вячеслава Иванова – его квартира на углу Таврической и Потемкинской улиц, где собирались писатели, философы, артисты.
4. "Апполон" – только что /1909 г./ основанный С. Маковским журнал, который стал впоследствии наиболее авторитетным русским модернистским изданием. На страницах "Апполона" Гумлев регулярно выступал в качестве литературного критика и поэта. С 1913 г. "Аполлон" стал органом акмеистов – литературной школы, основанной Гумилевым. Осенью 1917 г. журнал прекратил существование.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ДИАЛОГ О СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ /ДВЕ ТОЧКИ ЗРЕНИЯ НА ТВОРЧЕСТВО ИОСИФА БРОДСКОГО/

От редакции:

Начинаем публикацию серии статей, посвященных проблемам новейшей русской поэзии. В этом номере публикуется две статьи, в которых развиваются полярные точки зрения на поэзию Иосифа Бродского. Это не полемика, а скорее рассмотрение одного предмета с различных ракурсов.

Статья Д. С. "Пушкин и Бродский" представляет собой отрывки из работы, которую автор не решается пока печатать целиком. Эти связанные общей идеей фрагменты объеденены в произведение особого, пограничного между литературой и литературной критикой жанра. Читатель статьи "Пушкин и Бродский" становится непосредственным свидетелем рождения, озарений и вспышек историко-литературной мысли, всеми взлетами и падениями обязанной своему предмету – русской поэзии. "Неклассическая" методика анализа, нетрадиционный способ оформления материала и подчеркнутая, почти дневниковая фрагментарность /некоторые фрагменты датированны – нелепость с точки зрения академической литературоведческой традиции/ все это делает работу "Пушкин и Бродский" открыто полемичной по отношению к тому, что принято считать профессиональным в науке о литературе, а также а актуальной лит. критике. Однако здесь нет и тени дилетантизма. "Пушкин и Бродский" открывает новые возможности для профессионального и глубоко заинтересованного разговора о современной литературе.

Статья Александра Каломирова "Иосиф Бродский". Место." Является первой из серии статей "Проблемы современной поэзии". Творчество Бродского рассматривается в ней как неразложимое единство личности и поэзии. Александр Каломиров оценивает поэзию Бродского в целом отрицательно, и главный упрек его Бродскому – измена поэта первоначально избранному "пророческому" пути, высокому пафосу

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

его юности. Материалом анализа служит творчество Бродского, начиная с первых его стихотворных опытов и вплоть до самых последних стихов, опубликованных уже за рубежом. Ни одна из статей полностью не выражает точки зрения редакции.

Д. С.

ПУШКИН И БРОДСКИЙ

I

5.9.75. между Пушкиным и Бродским много очевидных параллелей. Когда Пушкин приобрел всероссийскую славу "Русланом и Людмилой", ему был 21 год. В 21 год /1961/ Бродский написал "рекордным" "Рождественский романс", привлекший и к нему внимание страны. Пушкина вскоре сослали. – Бродского тоже. За ссылкой последовало триумфальное возвращение в литературную столицу, которой сто пятьдесят лет назад была порфироносная Москва, теперь – наверное, Ленинград. Странные совпадения, словно оба они жили по одной схеме, свыше утвержденной для всех поэтов. В 32 года Пушкин женился, переехал в Петербург, поступил на царскую службу, на теплое место, и занялся прозой. В 32 года Бродский уехал в Америку на теплое место, занялся преподаванием русской литературы и прозой /если судить по его предисловию к энарбровскому изданию рассказов А. Платонова/. Затем с Пушкиным произошли некие печальные события – и невольно возникает тревожащая аналогия… поэтому остановимся и, наоборот, попытаемся доказать, что Бродский все-таки не Пушкин – и, хотя, без сомнения, очень большой поэт, у него есть шансы остаться в живых.

И Пушкин, и Бродский ушли от независимой, замкнутой в себе поэзии к разговорной речи к быту. Над классиком тяготели классицизм и славянщина. Над Бродским нависал весь девятнадцатый век и канонизированное начало XX-го. А живого-то было: старая колдунья Ахматова, с улыбкой деспота, и Пастернак, о котором хочется сказать поэт сложной судьбы. И она жила рядом, Анна Андреевна. /Здесь стоит вспомнить известное мнение Б. Эйхенбаума, усматривавшего исторический закон в том, что именно женщина избрана в хранительницы священного пламени./ и вот явился Бродский и взял из ее рук яркий факел поэзии. Он бросил этот факел на сухие ветви быта – и что за огонь поднялся вверх!

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

15.VII.75 /?/ Произошло следующее. Схватывая из непрерывного потока жизни "сухие", отвлеченные идеи, бытовые или профессиональные жесты, обыденные ситуации, канцелярские обороты, анекдоты, ходовые шутки, обрывки разговоров, сюжеты, юмор, ритм и т. д. – поэт из этого проекта, чертежа, оглобли выращивает дерево, строит дом, создает человека. Тростник начинает петь. В реальный мир проецируются те "чистые", или геометрические платоновские идеи /круг, квадрат, треугольник и др./, которые у философа превращались в колесо, в крышу, в земельный участок. Так и у поэта оживают, т. е. приобретают полноту и духовность давно выхолощенные, чисто бытовые явления.

У Пушкина так начинается деревенский день героя:

Онегин жил анахоретом…

т. е. не просто одиноко, а монахом, аскетом, отшельником /греч.

– отшельник/, значит: умерщвлял плоть, питался кореньями, пил только воду, молился, вставал очень рано. И точно, дальше читаем:

В седьмом часу вставал он летом
и отправлялся налегке…

первая неожиданность: разговорный оборот "Отправляется налегке" обычно в дальний путь, но читаем:

… отправлялся налегке
К бегущей под горой реке… /Голым, что ли? Д. С./

Может быть, здесь этот оборот употреблен иронический? В чем же ирония? В "аскете"?

Вообще-то, –

… К бегущей под горой реке… –

Это уже цитата. Онегин, уподобленный монаху, вновь включается в ряд обыденного /быта/: "отправляется налегке" – а затем его возвращают к статусу традиционно-литературного персонажа.

Вспомним: "бегущая под горой река" – стандартная деталь поэтического пейзажа начала прошлого века, преимущественно сентиментального.

Сей Геллеспонт переплывал… –

И за Онегиным открывается расходящийся луч протообразов: Байрон, Фрикс и Гелла, где-то рядом Одиссей и агронавты, Леандр…

И снова Пушкин возвращает читателя из исторической дали к современному быту:

… Потом свой кофий выпивал…

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Читатель теряется: его все время бросают из современности – знакомой, непроницаемой – в дальние области то религии, то мифологии. Происходящее движется в двух, трех планах.

Жизнеописание "аскета" обогащает и такая милая деталь,

Порой беглянки черноокой
младой и свежий поцелуй,

обращающая в объект многоцветной иронии все, что говорилось прежде. Читатель снова в роли обманутого дурачка. Кому поверил! Но великий дар Пушкина и /в пропорции/ Бродского – одним словом выровнять скособочившееся здание и придать ему архитектурной совершенство. Читатель растерян – больше он поэту не поверит, теперь он скептик – и опять ошибается, опять попадает впросак, потому что мельком помянув черноокую красавицу, Пушкин завершает рассказ о дне героя с подлинной грустью:

Вот жизнь Онегина святая;
И нечувствительно он ей
Предался, красных летних дней
В беспечной неге не считая…

Смысл строфы оказывается настолько глубок, что читатель задыхается и бросает книгу: непонятно, в сущности, о чем идет речь – то ли о жизни, святой по простоте и наивсноти, то ли о молодости, то ли просто об осени. Можно найти много подобных мест и у Бродского.

Вот несколько примеров символического осмысленного быта, выхваченных наугад из Бродского. "Сатир, покинув бронзовый ручей, сжимает канделябр на шесть свечей…" /миф-память-смерть/ /стих. "Подсвечник"/, собака из "Остановки в пустыне" поливает несуществующий забор /затрудняюсь дать точную интерпретацию, ну, допустим, – приблизительно: память/; взгляд девушки /определенного толка/, напоминающий взгляд на циферблат, – не просто удачное, зрительно точное сравнение – и здесь угадывается "времени связующая нить". Так у Пушкина, "снег выпал только в январе /на третье в ночь" – занавес любовной драмы? Просто зимний пейзаж? – Кто это знает?

Но вернемся к Бродскому. "Влекут дельфины по волнам треножник /и Аполлон обозревает ближних/ в конечном счете бесконечно внешних" - это из строфы, подходящей для нашего случая: в ней дано обобщенное описание современной, нашей жизни:

Сапожник строит сапоги. Пирожник
Сооружает крендель. Чернокнижник
Листает толстый фолиант. А грешник
Усугубляет что ни день грехи.
Влекут дельфины по волнам треножник
И Аполлон обозревает ближних…

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Наша жизнь? не наша? Если наша, то кто чернокнижник? где Аполлон? если не наша – то где мы? – ведь стихотворение, кажется, о современности:

Я вспоминаю эпизод в Тавриде,
Наш обоюдный интерес к природе,
Всегда в ее дикорастущем виде
И удивляюсь и грущу, мадам. –

Так кончается оно. За эпизодом в Тавриде открывается столь же бесконечная галерея историко-культурных смыслов, что и за Пушкинским Гелеспонтом, за "мадам" стоят столетия куртуазной культуры, осмысленной иронически сквозь призму исторического опыта. Еще два примера из Пушкина. Оставим в стороне Грандисона –

А Грандисон? что Грандисон?... –

И вообще он, вместе с Ловласом, любимый герой – любовник Пушкина, т. е. просто литературный миф, использованный в собственной, личностной мифологии – ср. Фауст у Бродского. Но вот действительно страшный, мистически-бытовой образ:

Так часто запоздалый гость
На вист вечерний приезжает,
Садится. Кончилась игра
Он уезжает со двора.

А этот – скорее юмористический, с характерной дву- и трех-плановостью, о чем уже мы говорили раньше:

……. Одесса
по воле бурного Зевеса
Потоплена, запружена… и т. д.

Здесь эпитет "бурный" относится и к мифологическому штампу: Зевс-громовержец, бог вспыльчивый и бурный /полуцитата из "Овидия"/ – и непосредственно к конкретной грозе, бурной, с громом и молниями – как часто бывает на юге.

Собственно, и у Пушкина, и у Бродского бытовой план не имеет точных и непременных соответствий в областях мифологической, историко-культурной, астрально-космологической и т. д. Явления обыденной жизни лишь получают возможность быть понятыми в более глубоком смысле. Это не строгая система тайных значений и символов, не мистический мир, зашифрованный обыденностью – сквозь нее он только временами проглядывает, словно с него съехала шапка, но именно эта неожиданность надолго изымает читателя из бытовой раковины.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Поэтому и Пушкину, и Бродскому жизненно необходимы чужой материал. Чужая мысль, идея, образ, отчужденные от чужих, часто иноязычных, нерусских слов, высвобожденные из бытового жеста или поступка /как это было показано выше/, заново рождаются поэтом – и рождаются живыми, жизненными, живучими. Тут все равно, откуда взят смысловой стержень – важно оживить его, заставить переродиться, включить в "свой" мир. Более того, чем идея абстрактнее, чем рациональней – тем легче поддается перерождению, тем полнокровнее и точней питаемая ею интуиция чувства. И наоборот – гораздо труднее усвоить и дать новую жизнь чужому образу, если он основан на интуиции, на чувстве и т. д. В последнем случае возможен только перевод, в первом – переложение, когда чужое используется, как свое. В результате Бродский, как и Пушкин, использует чужие строки, словно свои. У него нет цитат-намеков, но – цитаты-образы, цитаты-герои. И вообще это не цитаты – это "мое":

Служенье муз чего-то там не терпит,
Зато само обычно так торопит,
Что по рукам бежит священный трепет
И несомненна близость Божества.

Каждое слово – либо окаменевшая форма бытовой речи /"обычно так торопит"/, либо устоявшаяся поэтическая формула /"священный трепет", "близость Божества", "служенье муз… не терпит"/. Здесь встает предо мною вопрос: за счет чего, собственно, возникает "одушевление" и преображение этих составных элементов? И я должен признаться в профессиональном фиаско – виною одна из редкостных черт поэзии Бродского: он не дает разгадок этой тайны оживления, исходно неживого материала. Хотя, пожалуй, сейчас, остыв уже от первого впечатления, а главное, наполнившись иными – новыми, я мог бы попытаться разгадать его фокус, но не хочу, потому что мне кажется: время для этого еще не пришло.

А пока поговорим о другом. У Пушкина попадаются удивительно "бродские " места. Скажем:

…И перед ним она благоговела,
Но Гавриил казался ей милей…
Так иногда супругу генерала
Затянутый прельщает адъютант
Что делать нам? Судьба так приказала, –
Согласны в том невежда и педант.
Поговорим о странностях любви…

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Свободный, пустой разговор, болтовня – со строками и слогами, подобранными для рифмы /адъютант – педант/, непринужденность мысли, это не только в "Гавриилиаде", но и в посланиях, и в "Онегине", и в "Графе Нулине". То же у Бродского – разве язык не пушкинского, а нашего /"бродского"?/ времени – но такой же случайный, разговорный, с пустыми строками для рифмы. Скажем:

… У нее
был родственник. Какой-то из райкома,
С машиною. А предки жили врозь,
У них там было, видимо, свое.
Машина – это вроде незнакомо.
Ну, с этого там все и началось…
/"Школьная антология"/

Строка "У них там было, видимо, свое" дана, в сущности, только затем, чтобы зарифмовать "у нее" - и заполнить таким образом ячейку строфы, сложной строфы избранной автором.

Демократизация поэтического языка сопутствует, как правило, аристократизм поэтической формы. И Пушкин, и Бродский поэтому с удовольствием пользуются сложной строфой. Бродский предпочитает октаву и ее разновидности, Пушкин создал /на сонетной основе/ даже собственную – онегинскую строфу. Впрочем, и у него есть октавы, терцины и т. д. Поэтам этого ряда необходима инерция формы. Ведь содержание у них не новое, а только свежее. В этом слабость их позиции, но в этом и сила. Быт вечен, философское осмысление быта – преходяще. Такие поэты живы, пока не умирает их язык и форма быта, – тогда они становятся непонятными и остаются статуями в парке истории. И собака нового поэта поднимает на них ногу. В этом литературная преемственность. Однако опустим изнанку поэтической ткани и, отойдя подальше, взглянем на весь исторический гобелен.

Итак, поэзия Пушкина /и Бродского/ оказывается в первую очередь самосознанием языка – разговорного, т. е. личного, – и человека /который предстает как мифический персонаж, окруженный многозначным мифом-бытом/. Позиция Пушкина провоцировала "формалистов" в их исследованиях /недаром большинство из них ушло потом в пушкинистику/. Их теория поэтического языка /Ю. Тынянов/ основана на "самовитом слове" Хлебникова /внешне, казалось бы, антитеза пушкинскому подходу/, т. е. саморазвитии языка в поэзии /особенно – Пражская школа/.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Однако, Хлебников со товарищи призывал сбросить Пушкина за борт современности именно потому, что отлично чувствовал свою неразрываемую связь с "солнцем русской поэзии". Он шел против Пушкина, предлагал строить самосознание языка на других основаниях. Надо было идти вне Пушкина.

Первым решился это сделать Баратынский. Его "поэт" вытесняет "пушкинского" "человека вообще" из центра мира, явный шаг в сторону, но и – назад, в классику.

Тютчев гораздо более радикален: ему очевиден выход за пределы "человекомании", пусть лишь, как "неправедный изгиб", как переход по контрасту: вот мир "простых" человеческих чувств, мыслей, пейзажей, но вот нечто ненормальное, что-то совершенно иное, внечеловеческое: "беспамятство, как Атлас давит душу", например, или "под ними Хаос шевелится…" и др. И тем глубже, величественнее, прекраснее человек… и т. д. – все в похвалу человека или в осуждение.

Открытия Тютчева, казалось, могут быть только усвоены, но не способны к развитию. Показателен печальный опыт русских символистов, который демонстрирует бессодержательность сивозного символизма быта-природы-человека /см. статьи О. Мандельштама против них/. Думали, что это смерть Пушкина. Это было, однако, лишь начало конца. и принес его не новатор Хлебников /скорее уж, обереуты!/, а Мандельштам.

Поэтическая система Мандельштама сложилась на основе случайных "выходов" Тютчева за пушкинскую рамку. Вслед за Тютчевым /и под влиянием французов – Верлена и Малларме /избирались тончайшие и едва уловимые движение души. Чувство покидало своего носителя, превращаясь в самоценную мифологическую реальность. Оно находило опору во внешних явлениях – ласточках, осах, движении карет, но явления эти значимы теперь не как бытовые характеристики, они играют роль значков – детерминативов, грамматически опорных точек поэтического текста. Явления, внешние по отношению к человеку, складывались в систему, расширявшую представление о человеке, при этом он оставался в центре мира – пушкинская, казалось бы, картина – однако нет: в то же время человек переставал быть единственным героем мифа.

Мандельштам открыл новый путь не только поэзии, но и всей культуре, в целом. Баратынский писал довольно точно:

Сначала мысль воплощена
В поэму сжатую поэта,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Как дева юная, темна
Для невнимательного света;
Потом, осмелившись, она
Уже увертлива, речиста,
Со всех сторон своих видна,
Как искушенная жена
В свободной прозе романиста;
Болтунья старая, затем
Она, подъемля крик нахальный,
Плодит в полемике журнальной
Давно уж ведомое всем.

Только благодаря Мандельштаму, победителем в борьбе за пушкинский престол оказался Тютчев. Некрасов, Блок, не говоря уж о Фете, отошли в сторону. Кажется, даже Лермонтов.

В неизведанную область, открытую автором "Тристии" и "Камня", сразу двинулись новые поэты. Оказалось, что туда же шел Заболоцкий, не столь талантливый, но необыкновенно умный поэт. Наши современники вносят в поэзию весь органический мир и не только: даже музыкальные инструменты. Следующий шаг, очевидно, неорганическая природа, освоенная поэзией. Поэт покидает теплую почву обжитой духом сферы живого и выносится в страшный мир чисел, механизмов. Пока только первые шаги – "Авиация и космонавтика", "Нефтяной кризис" Кривулина, "Минералы" Д. Бобышева. Такое движение возможно будет иметь большое значение.

Любопытно, что английские поэты, создав миф о мире с человеком в центре /Шекспир/, перешли к разработке мистических аспектов человеческого существования /метафизики/, а затем – к абсолютизации отдельных функций человеческого /а не вовне/: поэзия сердца (Юнг)…(…) Байрон, с его образом супермена, лишь сейчас докатившимся до низа социальной лестницы /американское телевидение/, сузил миф о человеке, противопоставив его всей природе и Богу. Лейкисты наоборот, осознавая человека, Бога и природу как некое единое чувствующее целое, были слишком абстрактны, слишком широки и всеобщи. Движение в сторону освоения цивилизации и мертвой Природы мы находим лишь в современной английской поэзии /Т. С. Элиот, У-Б. Йетс и др./. Это, однако, особый вопрос.

По моему мнению, этот путь в конечном счете ведет к числу, к формуле. Разумеется, математические формулы отличаются от метафизической поэзии не только "стилем", но и содержанием, большей концентрацией смысла. Достоинствами замкнутого языка, специфического

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

образа мысли. И все же в движении к изоляции поэтического слова, к элитарности видятся естественные перспективы. На этот путь указывает кривизна исторического пути. Логический круг, противоречие, лежащее в основе такого хода – свойство живого.

IV

Характер современной культурной ситуации объясняется тенденцией к переносу центра тяжести с деятеля /автора/ на созерцателя /т. е. слушателя или зрителя/, . и В этой ситуации возрастает роль пластических искусств, в частности – живописи, потому что художник не столько выражает свое "Я" /если так – перед нами дурной художник, "литератор"/, сколько нечто, превосходящее его, более сильное, чем он. "Выразить" в этом случае значит сделать понятным, видимым, зримым. Но какой поэт учитывает понимание публики. Ему до публики дела нет, он выращивает себя, свой внутренний мир. Понимать он предоставляет читателю.

Язык поэзии и язык живописи разграничены за счет различных принципов, которые лежат в их основе. В мире существует два типа суждений, два типа форм – аналитические и синтетические, и, соответственно – два типа языков. Идеальный аналитический язык рассчитан на ленивого думать собеседника /зрителя/, которому все надо объяснить до конца, пока не станет оче-видным. Синтетические же языки потворствуют лени говорящего. Аналитические формы выражения заставляют того, кто ими пользуется активно, выполнять всю работу по вычленению основной мысли, ее прояснению и уточнению. Среди европейских языков ближе к этому идеалу английский. Из языков искусства – живопись. В таких системах почти нет грамматики, зато существует строгая дисциплина мысли: сначала подумай /и скажи/ про это свойство предмета, потом про это, потом вот об этом.

Наоборот, в синтетических языках /русский, например/, мысль высказывается "вповалку". Падежи, согласование окончаний, сильное сказуемое сами собой соединят набор почти случайных слов на тему и около темы в нечто грамматически правильное – в какой степени это понятно, зависит от способности читателя догадываться о чем идет речь. Так, кстати, устроена и поэзия, и разговорный язык. Естественна их взаимная тяга друг к другу – не только у Пушкина и Бродского, но и во Франции, Англии, Германии.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Язык как первичная социальная форма определяет другие формы народного духа: "культуру", религию и хозяйство, и социальные институты. С этой точки зрения, творчество Пушкина /выразителя и основоположника/ образует огромную синтетическую фразу, где роль сказуемого играет личность поэта, а роль второстепенных членов – различные стихотворения /подлежащее – может быть, "Евгений Онегин"?/ Смысл этого предложения сложен, и его нельзя передать, чего-то не упустив, другим способом. И все же в отделенном приближении: какая прекрасная и трудная дорога – жизнь! Общий смысл "предложения" Бродского тоже можно определить: "дорога", как и у Пушкина, но с эпитетами: "печальная", "бессмысленная" и т. д. И снова поэт в центре – как сказуемое. Но вот Мандельштам напоминает английское предложение: каждое слово /т. е. стихотворение/ само за себя /социальные структуры – английскую и нашу/. Общую мысль его поэзии вывести не удается. При этом и Пушкин, и Бродский внутренне всегда тяготели к языку и культуре Альбиона, а Мандельштам терпеть не мог ничего английского.

Итак – не просто два рода поэтов, но два языка и стиля жизни. Всего два стиля, которые борются и сменяют друг друга в исторической перспективе человечества, насколько хватает глаз проследить ее. И вот сейчас – свидетельствуют лингвисты – русский язык решительно движется в сторону своего антипода – английского, т. е. к формам, созданным Мандельштамом. Исчезают падежи, унифицируются суффиксы, глагольное сказуемое сменяется именным, и т. д. И возникает языковый ветер, попутный одним искусствам и встречный другим…

V

Пушкин основал официальную нашу культуру.

С Бродским связано возникновение неофициальной поэзии и культуры. Она вторая не только числом, но и по порядку. Величие Пушкина определяется колоссальным храмом на крови поэта, построенным русским духом. Живи Пушкин и работай в другое время, часть его произведений была бы забыта, другие читались бы наравне со вредными лирическими образцами, и только лучшие относились бы к шедеврам русского и мирового искусства. Но он точно угадал вектор развития России и стал им. А Бродский? Какое значение его поэзия имеет для Будущего?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Бродский создал в Ленинграде напряженнейшее поэтическое поле. Собственно, знакомство с Ахматовой, живым поэтом, живым величием, не давало еще достаточного импульса для самостоятельного творческого движения, хотя без нее поэзия Ленинграда никогда не смогла стать твердо и уверенно. Бродский, вернув слову глубину и содержание, заставил быть поэтами всех, кто говорит сегодня русским языком. Те же, кто от природы говорит на нем лучше других, ругали его и порицали за грубое и однозначное использование слова, за демократизм и социальность. Но социальность необходима художнику, положившему в основу своей поэзии миф о себе самом. Только так он мог жить, дробя себя на сто, ибо ему было тесно – в себе телесном. Только так мог жить поэт, соединявший повседневное с вечным, ибо людское повседневное разнообразно как природа, а свое вечное для него одинаково и скучно. Ленинградцы, знавшие Бродского по стихам и лично, и студенты-филологи, прежде всего, ощущавшие лучше других словесные превращения Бродского, шли в поэзию другого сорта, где слово самоценно, бесконечно, где оно раскрывает потаенный смысл. С другой стороны, многих захватила волна Бродского и понесла в своем направлении. Так или иначе, на воссозданном русском языке можно было думать, писать, мыслить. Метафизика вновь стала понятной, ибо появилась вера в силу слова /Кривулин, Шварц/; романтизм в чистом виде больше не прельщает, ибо не идет в раскрытии слова дальше классики /Кушнер/; социальная поэзия получила новый толчок – именно сюда переносится стилистический опыт Бродского /Стратановский/ и проч. Начался новый расцвет русской поэзии.

Но, к сожалению, мы, современники, знаем все урывками и кусками. Так, мне известен даже не весь Бродский – практически только сборник "Остановка в пустыне" и некоторые ранние вещи. Я не застал Бродского в России и не знаю, как он жил, с кем общался, как влиял на своих современников. Я беднее будущего историка сведениями, но богаче ощущениями и на них-то я и основываю свой анализ. Поневоле подставляешь готовые схемы. Еще не написаны мемуары, в которых будущие исследователи найдут запах эпохи. Они будут упрекать меня в близорукости, а у меня просто слепота очевидца…

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

VI

Для моего поколения живая поэзия долгое время существовала в именах Светлова, Кирсанова, редких поэтических эманациях Ахматовой, в скандальных стишках Евтушенко и Вознесенского. Властителями сердец были песни Окуджавы. Мы твердо сознавали, что больших поэтов нам не надо, но ни в чем не упрекали Время: каковы наши жертвы – таков оракул.

Появление стихов Бродского перевернуло наше представление о себе. Жизнь казалась несводимой к быту, к порядочности, пониманию западной живописи и театра. На нас ложилась большая ответственность: быть современниками. Как-то мы справляемся с этим счастливым и трудным делом?

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

АЛЕКСАНДР КАЛОМИРОВ

ПРОБЛЕМА СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПОЭЗИИ

Статья I.

Иосиф Бродский /"Место"/.

Все чаще встречаются гуманитарии /не говоря о прочих людях/, которые вскользь, как нечто само собой разумеющееся, замечают: "нет, поэзии я не люблю". Десять-пятнадцать лет назад среди образованного слоя общества эта фраза могла быть произнесена разве что с целью эпатажа, хотя, вероятно, немногие признались бы и в обратном.

Духовный престиж поэзии как занятия стал ничтожен, социальная роль поэта – кто вспоминает о ней?

В этом смысле наш разговор будет вполне современен, исходная точка его – кризис поэтического слова и жеста.

До самой смерти /1966 г./ Анна Ахматова не уставала повторять, что начинается новый расцвет русской поэзии, и свидетельство тому – явление Иосифа Бродского. Мы осмеливаемся теперь утверждать обратное: поэзия существует в состоянии затяжного кризиса, духовного и социального летаргического сна – и свидетельство тому фигура Иосифа Бродского.

Автор статьи "Пушкин и Бродский" /смотри наст. № журнала 37/ выразился так: с Бродским связано возникновение неофициальной поэзии и культуры. Наша задача – пойти дальше, ответив на вопрос, который напрашивается вслед: что же представляет из себя феномен неофициальной поэзии и культуры?

Во-первых, мы имеем дело с явлением, строго локализированным: только Ленинград и Москва, к другим городам это понятие неприменимо. Более того, благодаря влиянию Бродского, в Ленинграде сложилась своего рода субкультура, обладающая существенными структурными особенностями, выявляя которые, можно понять и принципы творческого метода Бродского и его роль в общекультурном процессе, и прогнозировать дальнейшее развитие самого процесса культуры. Такова цель настоящей статьи.

Неофициальный Ленинград много меньше полуофициальной Москвы. Круг людей, которые в Ленинграде связаны с развитием и функционированием неофициальной культуры, всегда четко очерчен –

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

и социологически, и психологически, и /как следствие/ в своей эстетике. Внутри этого круга информация о новых явлениях ленинградской независимой поэзии, живописи, философии распространяется мгновенно, в то время как информация о том, что происходит в аналогичных сферах духовной и культурной жизни за пределами города /неважно – в Москве или Вашингтоне/, доходит обрывочно, часто в искажении. Историческая аналогия: городская культура позднего средневековья /локальные художественные школы в мелких городах, цеховая замкнутость художников, случайные пути распространения информации извне/. Речь идет об эстетике провинциализма. Эстетика провинциализма предметом изображения делает вселенную в целом, игнорируя пространственно-временные границы и оперируя категориями абсолютными. Провинциальный художник воспринимает свое периферийное место в мире как центр мирового бытия. Неважно, где живет сейчас Иосиф Бродский – в Ленинграде или в Энн Арборе /штат Мичиган/ – он живет в центре мира. Он и есть центр мира. В этом смысле он остается вполне ленинградским американцем, потому что не в силах преодолеть сугубо ленинградской культурной ностальгии по абсолютному центру вселенной и человека.

С Бродским современная поэзия Ленинграда обрела широкую заинтересованную аудиторию. Она обрела аудиторию за счет того, что утвердила свою изолированность от нужд сиюминутности, от официальной массовой версии жизни; поэзия рискнула быть интровертной и самодостаточной, и именно поэтому в лице Бродского завоевала массового среднеинтеллигентного читателя, который увидел в ней выражение собственной самодостаточности и потаенной оппозиционности всему внешнему. Версия жизни и истории, по Бродскому, таким образом опиралась на тот же предметный ряд, что и официозная. Ее отличие лишь в том, что она пересоздавала связи внутри этого ряда.

Интровертный человек открыто невротичен и повышено эмоционален, когда ему необходимо обратиться с чем-либо к окружающим. Поэт интровертности прибегает к сознательному усилению эмоциональной стороны своей поэзии. Поэтический акт для него не мыслим без суггестии, без форсированного эмоционального давления на слушателя или читателя; иначе, кажется ему, невозможно преодолеть психофизиологические перегородки, существующие между людьми. Его голос становится слишком криклив, интонация отчетливо противостоит синтаксису и

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

семантике текста как иррациональные стихи – рационализованному формотворчеству. Те, кто слышал как Иосиф Бродский читал свои стихи, помнят впечатление от ошеломляющей силы в момент чтения и совершенной неуловимости содержания, которая, как только поэт кончал читать, улетучивалась или оставалась в виде смутного эмоционального "облака". "Впечатление – как от библейского пророка", – слова одной из почитательниц поэта /шепот в момент чтения/ можно акцентировать на союзе "КАК". Содержанием поэзии Бродского становится форма пророческого говорения – громогласная, суггестирующая, социально заостренная. Он был первым и пока последним новым русским поэтом, чьи стихи основаны на суггестии и рассчитаны на массовую аудиторию. Но он не был пророком, ибо экзистенциальный пафос его стихов начала 60-х годов мог превратиться в подлинно пророческий только в том случае, если бы он прорвался в религиозное, если бы позиция поэта лишилась истерического, отчаянного, отстаивающего каждым своим жестом право на существование, индивидуализма – если бы речь его стала над-индивидуальной, речью того, кто говорит не сам, но с твердостью может сказать: "Так говорит Господь... "

Однако эволюция в поэзии Бродского после 1965 года приняла другое направление – он предпочел классицизм, стоическую позицию остановленного мгновения. Слова Юлиана-отступника: "Я умираю стоя", поддержаны всем опытом пластических искусств античности, стоят за стихами Бродского. На смену поэтике " [1]", ранней "иллюзии и дороге" приходит поэтика позы, поэзия статуарного риторического жеста, героического стояния между "ужасным и злым". Началось это, кажется, со "Стихов на смерть Эллиота" /январь 1965 г./:

Аполлон, сними венок. /жест/
Положи его у ног /жест/
Элиота, как предел
для бессмертья в мире тел... /вывод, мораль/

Не расчленимы, мощный поток бытия, одушевлявший до 1965 г. лучшие стихи Бродского, сообщавший им интонационный нерв /пусть и несколько однообразный, но всегда – особый, отличимый/ – распался теперь на отдельные, связанные лишь пространственной непрерывностью текста, смысловые точки. Зрительно-пластические

1. [Пробел в машинописи.]

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

образы и моральные декларации существуют порознь – следствие того, что чувство и рассудок, коренящиеся в едином источнике – сфере воображения, – разъединились и, обособившись друг от друга, развиваются сепаратно, параллельно. Так и чувственное, и рациональное лишаются общего трансцендентального основания, но остаются отдельными качествами, объединенными лишь тем, что принадлежат одной личности – личности поэта. То есть, оказывается, что чувственное и рациональное объединены в стихах Бродского чисто механически. Поэтому пределом чувственного встает /как будущее/ лишь телесная смерть, распад, разрушение тела и вещей, окружающих тело. "Человек страшней, чем его скелет", потому что он – носитель собственной смерти. Пределом же рассудочного у Бродского видится непреложность социально-этической оценки отдельной жизни, исторического события, целого пласта истории.

При этом личность поэта стоит вне каких бы то ни было оценок. Поэт отчетливо осознает свое существование как определенный эталон, свое положение стихотворца – как судейское кресло, вынесенное за пределы происходящего, за границы исторической перспективы. Такое впечатление, что Бродский пишет после конца истории, когда все события совершены и нуждаются лишь в оценке.

Мир поэзии Бродского, проецируемый на историю, предстает как набор случайных моральных оценок-клише – окончательных, итоговых, последних. Поза "последнего поэта" заимствована Бродским из стихов Евгения Баратынского. Последний поэт расположен "к "последней оценке" сущего. Его поза воскрешает скомпрометированную классическую антитезу: ВЕЛИКОЕ – МАЛОЕ. Величие героев служит поэтическим оправданием любому жесту /поступку/. Петербургский, точнее раскольниковский бонапартизм толкает поэта в объятие исторических фигур, ставших от долгого литературно-кинематографического употребления призраками былых заблуждений человечества. Поэт как-бы включает себя в это историко-географическое "МЫ", но как-бы и нет, он – вовне:

> Зачем куда-то рваться из дворца –
> отчизне мы не судьи. Меч суда
> погрязнет в нашем собственном позоре
> наследники и власть в чужих руках...

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Итак, не меч Суда, но, кресло полусудьи – полузрителя. Извне поэт созерцает разноликую жизнь, не выпуская из виду банальную возможность последнего равенства:

Все будут одинаковы в гробу…

Бродский осознал себя поэтом метафизическим, хотя поэзия его лишается голоса как раз там, где, казалось бы, пророк должен только обрести голос, где речь идет о границах физического мира, собственно о мета-физике. Это несоответствие кажущееся, оно легко разрешимо. На помощь приходит мифологическое клише, в котором застыло время. Так, например, жена поэта покидает его, уходя с грудным ребенком. Она отказывается даже видеть его. Это событие интимной жизни перенесено в историко-мифологический план, где время остановилось, окаменело, стало статуарным.

И я, писатель, повидавший свет,
пересекавший на осле экватор,
смотрю в окно на спящие холмы
и думаю о сходстве наших бед:
его не хочет видеть Император,
меня – мой сын и Цинтия...

Перед нами не просто поиск исторической аналогии: путешествие на север /Архангельск/ обретает противоположный вектор, становится мифемой путешествия вообще, путешествия к идеальной, срединной линии /экватор/. Тогдашний секретарь ленинградского обкома, чьи позиции заметно пошатнулись как раз к 1968 году /время написания "Провинция справляет Рождество"/, угадываем в наместнике, а писатель, повидавший свет, разумеется, – почти что сам Бродский.

Почти каждое стихотворение И. Бродского после 1965 года оказывается при тщательном анализе лишь формой опосредования какой-либо конкретной личной ситуации – ситуации, которой придается значительность за счет введения ее в круг классических мифологических сюжетов. Стихи последних лет /с 1972 г./ – "На смерть маршала Жукова", "20 сонетов к Марии Стюарт" и некоторые другие – демонстрируют усложнение рассмотренной нами модели опосредования: между клочком жизни и мифологической сферой вводится промежуточная фигура /достаточно, впрочем, великая, чтобы поэтических дар обрел объект изображения,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

достойный своего размера/, но менее идеальная и ближе к нам, /но времени/ расположенная.

Стихотворение "На смерть Жукова". В нем поэт вызывает к жизни обкатанный ряд гимназических имен: Велизарий, Помпей, Ганнибал... Читатель русский чувствует себя как дома в этом квазиисторическом бульоне, и вдруг осеняет: ба! Да здесь же и наш Жуков, "Блескам маневра о Ганнибале Напоминавший средь волжских степей…" В полном джентельменском наборе имен не хватает разве только Бонапарта, но для Бродского Наполеон слишком романтичен и универсален. Его миф шире мифа о великом полководце. Если бы мы знали Наполеона только на Аркольском мосту, при Аустерлице, Березине и Ватерлоо и забыли о Наполеоне – законодателе – встреча с его именем в стихотворении памяти Жукова была бы неизбежной. Как и всякий, кто был заражен "нормальным классицизмом", Бродский обладает необычайно точным чутьем мифологемы, носителем которой является его герой. Поэта не интересует судьба самого Жукова, ему важно высказаться относительно избранной темы: "ПОЛКОВОДЕЦ ВООБЩЕ"; Бродский смутно представляет и реальную географию побед Жукова, и реальную историю их, ему важно величественно /Ахматовская выучка!/ оценить деятельность великого деятеля. Оценка его вполне, быть может, справедлива, но не настолько оригинальна, чтобы нужно было вызывать к жизни имена – штампы Помпея, Ганнибала и т.д.

"Сколько он пролил крови солдатской
в землю чужую.....
……
……
……
……
……
..... полный провал.

Мифологический круг замкнулся. Казалось бы, перед нами лишь моральная оценка /с точки зрения довольно гуманистической/ итога трудов прославленного маршала. Однако – ничего подобного. Вспомним: Велизарий – блистательный византийский полководец, побежденный внутридворцовой интригой евнуха и умерший в нищете; Помпей – блестящий полководец, проигравший политическую игру с Сенатом; Ганнибал – гениальный полководец, побежденный в результате межпартийной борьбы в Карфагене... Жуков – полная

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

репродукция этой модели. "Полный провал" означает поражение. В каком-то смысле и сам Бродский осознает себя пораженцем – после эмиграции, – что существенно влияет на самооценку: в последних стихах его появляются не свойственные ранее нотки самоотвращения. Но об этом – позже, в следующей статье, посвященной сборнику "Часть речи" /1976 г./.

А пока вернемся к "полководцу вообще". За 140 лет до стихов на смерть Жукова появилось произведение, в котором прозвучала та же тема. Это стихотворение А. Пушкина "Полководец", посвященное Барклаю де Толли. Официальная версия войны 1812 г. создала миф о Кутузове как о единственном авторе плана "заманивания" Наполеона в глубь России, хотя на самом деле план этот принадлежал Барклаю де Толли, который был "зачинателем" русской победы. Пушкин в стихотворении "Полководец" демистифицирует правительственную версию. Для него важнее реальная роль реального лица, нежели удобный для национального русского сознания миф. Пушкин изображает Барклая де Толли как пораженца, ищущего собственной гибели /на поле Бородинского сражения/. В отличие от Бродского, Пушкин не ищет мифологического разрешения ситуации собственного жизненного поражения, ему важен Барклай де Толли как реальное лицо в реальной истории, как человек, судьба которого лишь частично корреспондируетс судьбой самого поэта. Пушкин разрушает миф, Бродский миф строит.

Почти 10 лет /1962-1972 гг./ Бродский профессионально занимался переводом стихов /в основном с английского и польского/. Видимо тогда-то и попадает он под влияние того безъязыкого усредненно-нормативного языка и сознания, которое порождено спецификой перевода вообще. Я думаю, что слова поэта: "Я знаю все русские рифмы", – нужно понимать буквально и не сомневаться в их истинности, как нельзя забывать о том, что Бродский был долгое время переводчиком-профессионалом. Профессиональная гордость переводчика – сознание объективности и универсальности языка. Профессиональная гордость поэта – сознание невыразимости и уникальности языка. Бродский оказывается в положении промежуточном. В своем интервью 10 октября 1976 года Бродский лучшим современным советским поэтом назвал литовца Томаса Венцлову. Литовского языка Бродский не знает. Что это? Издевательство над журналистом и читателем? Нет, позиция. Сам Иосиф Бродский слишком

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

дорого заплатил за единство жизни и поэзии. "Переводческая школа" помогла воздвигнуть ему барьер между судьбой и стихами. Лучше по его мнению быть "ужасным человеком" и отменным поэтом. Возможно, и наоборот, но главное, чтобы поэт и человек не совпали в одном лице, в одном качестве. Томас Венцлова – человек радушный, собеседник великолепный, с чувством юмора, – однако, стихи его нарочито строги, суховаты, лишены малейшей тени иронии, внеэмоциональны. Это несоответствие, по мнению Бродского, есть главное свойство большого поэта. Стихи во что бы то ни стало должны быть отлучены от личности творца. Как было показано выше, такого отлучения в поэзии Бродского не происходит, но – лишь мифологизация личности творца.

Согласно Бродскому /статья "Злое и ужасное"/ перед современным человеком уже нет прежней альтернативы: Добро – Зло, но выбор совершается лишь между "злым" и "ужасным", причем "злое" имеет прежде всего социальный смысл, а "ужасное", наоборот, понимается как индивидуальный бунт, как антисоциальная направленность поведения.

Господа, разбейте хоть пару стекол!

Бунт Бродского начался стихийно и по началу был далек от демонизма. Скорее, наоборот, напряженный духовный поиск первоосновы зла в ранних стихах Бродского многие принимали за поэтическую теодицею, за поиск и оправдание Бога. Бродский заставил целое поколение поэтов и художников почувствовать, что Бог может себя проявлять и через зло. Бог раннего Бродского даже не Саваоф, но Яхве "Пятикнижья", Бог карающий и недоступный. Поэтому поиск Бога обречен, а присутствие Бога в человеке – мучительно:

А значит не будет толка
От веры в себя, да в Бога,
А значит остались только
Иллюзия и дорога...

или:

Ибо вечность – богам.
Бренность – удел быков.
Богово станет нам
Сумерками богов.

Вера в Бога подразумевает веру "в себя", то есть веру в образ Божий, содержащийся в человеке. Это одно значение. Но есть

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

и другое, противоположное значение "веры в себя" – оно синонимично выражению "верить себе". Последнее и избирает Бродский своим кредо:

Он верил в свой череп, верил.
Ему кричали: Нелепо!
Но рушились скалы – череп,
оказывается, был крепок.

Это одно из наиболее ранних стихотворений, но вспомним: через 16 лет сказано "Человек страшней, чем его скелет", вспомним, какую роль в цикле "Часть речи" играет мифема "кости" /стихотворения "Осенний вечер в скромном городке...", "Темно-синее утро в заиндевевшей раме..." и др./ и вспомним, наконец, о том, что говорилось выше: "СОДЕРЖАНИЕМ ПОЭЗИИ БРОДСКОГО СТАНОВЯТСЯ ФОРМА ПРОРОЧЕСКОГО ГОВОРЕНИЯ".

"Поэт должен переть, как танк". – Сказано Иосифом Бродским в 1966 г. в Ленинградском Союзе писателей. Поразительный по силе природный дар воспринимать метафизику зла дарован был Иосифу Бродскому, обостреннейшее зрение на зло и на смерть:

Смерть – это все машины,
это тюрьма и сад.
Смерть – это все мужчины,
галстуки их висят.
Смерть – это стекла в бане,
в церкви, в домах – подряд!
Смерть – это все, что с нами –
ибо они – не узрят.

Потому и важна для Бродского "кость", что остается она <u>после</u> истления тела, как омертвевшая органическая память. Как это ни странно, разгадка лейтмотива поэзии Бродского – неразрешимого конфликта между физической жизнью и физической смертью, содержатся не в его стихах, а в стихах Евгения Баратынского – любимого поэта его юности /примерно, до 1962 г./:

Благославен святое возвестивший,
Но в глубине разврата не погиб
<u>Какой-нибудь неправедный изгиб</u>
Людских сердец пред нами обнаживший.
Две области: <u>сияния и тьмы</u>
Исследовать равно стремимся мы.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Область света, видимо, так и осталась закрытой для поэзии Бродского. Тьма исследуется тьмою же. Злое – ужасным. И если до ссылки поэт стоял на пороге тьмы и света, то выбор, сделанный им в 1965-1966 г. был: не "тьма" и не "свет", но "я" и "они", точнее "оно". И вывод: тьма одолевается большей тьмой. Вокруг слишком серо…

Бродский избрал демоническое, заглянув в пропасть между абсолютным проектом человека и ничтожной реализацией людей вокруг /"Школьная антология"/. Эту пропасть сделал он местом существования своей поэзии. Бродский конструирует и "жителя" этой пропасти – негативного лирического героя, главная функция которого – противостоять "das Man'y", усредненному неиндивидуализированному существу, порождению мнений и пересудов. Отдельные стихотворения Бродского оказываются лишь выражением развернутой и доведенной до самоотрицания точки зрения, гипертрофированный личным мнением – высказыванием по какому-либо поводу. /Классический пример: "Речь о пролитом молоке"/.

Лирический герой поэзии Бродского, "анти-das Man" относится к "das Man'у" не как антипод, но как увеличительное стекло к микроскопическому существу, которое надобно рассмотреть в увеличенном виде. Иными словами, лирический герой поэзии Бродского – инструмент. Инструмент – для чего? Разумеется, не для сатирического изображения жизни, ведь мы живем не в 19 веке. Для чего же все-таки?

Хорошие стихи напоминают часы – по ним возможно узнать время. Хорошо сделанные стихи показывают лишь самих себя, у них нет циферблата и стрелок, только часовой механизм, может быть, сложный, может быть, работающий слаженно и четко – но зачем?

Последние стихи Бродского несут в себе как содержание тот же парализующий сознание холодный ужас, что и знаменитые часы без стрелок в фильме Бергмана или на картине Дали. Различие: механизм часов работает исправно. Это относится не только к отлаженной стиховой, точнее версификаторской форме, это относится и к движению мысли, и к системе ассоциаций и образов.

Лицо пророка оказывается гипсовой маской. То же выражение, что и у живого лица, даже правдоподобней и значительней. Гораздо значительней.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Последние стихи Бродского написаны в эмиграции, в них заметно омертвение живой ткани, которое, вероятно, началось много раньше, приблизительно 10 лет назад. Виною не отсутствие родной языковой среды, не равнодушие американцев к русской /да и к своей поэзии/. В 1965 году поэт поставил себя в положение ложного выбора: между тьмой и тьмой. Тьме внешней предпочел он тьму внутреннюю, серой тьме повседневного существования – тьму глубинную, угольную, а отчаянию надеющемуся – отчаяние тотальное, самодостаточное и переходящее в самолюбование. Житейское следствие этой альтернативы – эмиграция, заведомо губительный для поэта рывок в чуждую языковую среду. Так Эдип, убегая Рока, ускорял его действие.

Каково же место Бродского в русской поэзии теперь, спустя 10 лет.

Последнее десятилетие принадлежит другому поколению, другим поэтам. "Все, что нежно и слабо, должно жить; все, что твердо и устойчиво, должно умереть" /Дао-дэ-дзин/.

Место Бродского твердо и неоспоримо. Он и сам осознал себя поэтом итоговым. Большая часть его высказываний об искусстве имеет характер подведения итогов. Создается впечатление, что главная его задача – составить популярную хрестоматию по истории культуры /так же, как и у Томаса Манна, у Бродского сказывается так называемый университетский комплекс, проявляющийся в стремлении продемонстрировать читателям свой энциклопедизм/.

Приведем некоторые весьма характерные высказывания Бродского:

"Анна Ахматова подвела итог всей русской классической поэзии..."

"Эта песенка Марлен Дитрих – итог всему 20 веку, больше сказать нечего..."

"Поэзия Т. С. Эллиота – итог нашего столетия..."

"Данте подвел итог..."

"Гете подвел итог..."

"Пушкин подвел..."

За различными именами, к сожалению, слышатся непременное магическое местоимение первого лица и единственного числа.

Нельзя утверждать, что сам Бродский не тяготится собственным индивидуализмом. Нельзя утверждать, что развитие закончилось. Творчество Бродского в эмиграции представляется нам не тупиком, а распутьем...

/Продолжение следует/

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

КРИТИКА И *БИБЛИОГРАФИЯ*

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

(216)

СОМОВ Г.

РАЗГОВОР БЕЗ ЕЛКИ

Итак, опять клацнул затвор; еще одна обойма на триста пятьдесят шесть дней високосного года отпала, и ушли пули-дни в белый свет как в копеечку. А за этой обоймой еще чудятся, и еще, и сколько их? И все – бездымный порох, мастеровито нарезанный ствол – даже тепла, пепла не остается на пальцах. Одним словом, вечность. И, как говориться, плохо придется в новом финансовом году странам объединенного рынка. Да, не каждый англичанин встретит нынешнее рождество за традиционной индейкой…

Впрочем, и под обыкновенной новогодней елкой я сам не бывал вот уж года два подряд. Что-то уж больно много дают их в огороженных решетками закутах, народу там трется как-то чрезмерно, а посмотришь со стороны, так и вовсе может показаться, что не каждого туда и пускают. Нет уж, Бог с ним. Да и что проку? Ну соберутся толпою голов в двадцать на двенадцати метрах жилплощади, запьют, закурят, зажрут. Глядишь, до елки, хоть бы и была, все равно не добраться, спиртное исчезает с космической скоростью, а навязываются в зубы одни разговоры. А какие у нас, людей образованных, могут быть разговоры?! Непременно кто-нибудь из бородачей подымет, ежели не палец, так целую пятерню:

– Покойный Василий Макарович Шукшин и, т. п…

Да, вот у англичан тех же индеек не хватает на душу населения, а у нас так даже известный режиссер-писатель Шукшин помер почти совсем, как нечто водоплавающее: где-то на пароме через Дон, недоговорив с Шолоховым, недоуказав чего-то Буркову, недопив кофий, недокурив сигареты.

А-таки хорошо ему!

Право же я не от злого сердца. Подумайте – мысленно переступим табу сослагательного наклонения – дал бы ему Господь еще энное количество лет. Ну вышли бы все те же "Характеры" в десяти томах, объявился бы на экранах трехсерийный фильм "Сенька Разин – почвенник".

Зачем?

Еще когда первые наброски его запестрели в нескольких разом столичных журналах, я припомнил: Горбунов. Был такой актер-рассказчик, по-нынешнему автор-исполнитель, во II половине XIX века, соперничал – и успешно с самим Лейкиным и ранним Чеховым, бичевал-обличал купца-толстосума, по-тогдашнему апраксинодворского приказчика,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 214**]

и, что примечательно, действовал лишь одним оружием противника, то бишь: тупостью, скудоумием, хамством. Чрезвычайно удачно разил, так удачно, что почти до мельчайшей черточки своей сливался с обличаемым, вовсе незаметным делался на его фоне. Было у него и в манере исполнения что-то близкое Шукшину: легкие игровые почеркушки из народного быта. Нынче разве что пирог, от которого резал на рассказы свои советский писатель, стал помногослойнее, да пожиже. Обмолвился как-то Лев Толстой: в России, мол, все переворотилось и только-только укладывается. Вероятно, еще долго будет укладываться.

Весь теснящий простор России прорезывается у Шукшина двумя-тремя нуждами. Из деревни – на лесоповал, на окрайну районного городишки, в областной центр – на учебу, работу, лечение, за мотоциклом. Из села же лишь думать о городе взахлеб. "В Москву! В Москву! В Москву!". Если же и попадает, что наоборот, в деревню – так ради отдыха, что-то вспомнить, коли деньги дозволяют, понюхать вечернего дымка, перед соседями хвастануть. Из одного рассказа в другой тянет писатель своего небритого, под хмельком героя, усердно ставит перед ним первобытно-общинные проблемы, даже добивается иногда незатейливой человечности, но кажется сам не знает что с этим всем делать! Представил положение – сыграл, подумал – записал, дальше – что? Слов нет, живут вроде бы по-современному суетятся под пером его механизаторы, лесорубы, плотники, строительные рабочие, воры, алкаши, завхозы, бухгалтеры, председатели колхозов, интеллигенты, бездельники, попы, конечно – старики и старухи, массовики-затейники, но ни в быте их, ни в поступках нет новизны. Все это уже было, даже на себя самого досадуя, ощущаешь при чтении. Почти до самой своей смерти писал Шукшин теми же ситуациями, словарем и акцентами, что и Чехов, где-то Горький, Пантелеймон Романов, Шишков, иногда – Глеб Успенский. Причем самое любопытное здесь то, что подражательство его вобщем-то никогда не было впрямую литературным. Да, действительно, – Шукшин всегда писал лишь о той жизни, которую видел и знал. Дело в том, что сама эта жизнь за последние сто лет ничуть не изменилась. С тем же упорством и неповоротливой хитростью рвется деревня в город и столь же неуклюже не пущают ее туда. Так же не похож крестьянин на горожанина, как и прежде. Даже просто антропоморфически, не говоря уже о культуре или одежде. Среди общего мельтешения нашей жизни – это один из главных, багровых ее светофоров. Приклеили ему название конфликта между городом и деревней, объясняют, подчас ли не научно, однако, суть его по-прежнему в обыкновенном

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

бытовом превосходстве города, в примитивной прикованности крестьянина к "родной" деревне. Потому и чужероден герой Шукшина в ЦУМе, от того и неуютно ему на посевной. О да, разумеется, деревенскому – свежесть утра, тяжесть полночных росы и работы, парное, еще с шапкой пены молоко, сладкий осадок березового угара, но кому – метро, однокомнатные квартиры с горячей водой, хлеб в булочных без очереди и ограничения, колбаса и селедка? Кому? Нет мира под оливами! Быт идет войной на быт. И Шукшин, кстати сказать, остро ощущает лишь критический натяг, но не его бытовое выражение. У него в плохом романе "Любавины", где-то посредине двадцатого года баба в глухой алтайской деревушки доит корову в эмалированное ведро. Их то и в нынешних колхозах по пальцам перечесть можно не затруднившись.

Откровенно талантлив Шукшин лишь тогда, когда лезет, будто бы гоня за новым, на старую колею. Его бесчисленные Ваньки Тепляшины, Гены Пройдисветы – те же горьковские босяки-челкаши, романовские мужички, день и ночь болтающие о земле где не надо ни пахать, ни сеять. Многолетняя бытовая усталость подвигает русского литературного мужика на совершенно необъяснимую чушь действия, на бунт, неотличимый от хулиганства, на тоску, отдающую мордобоем, на логику, перед которой даже его Величество Абсурд – начальная арифметика.

Бородачи, завязавшиеся в разговор, уж разумеется допьют свое "Каберне", но один из них так и наседает:

– Залог Шукшинской изобразительности – в театральности замысла. На первом месте Шукшин – писатель, за ним – актер и уж после – режиссер.

Вот и мне кажется, не будь этой гармонической недоразвитости: немножко пишет, немножко играет, немножко снимает, поет и рисует – писать Шукшин был бы куда полнокровнее. Ощутимее всего это в предсмертных повестях и рассказах, которые все, как сплеча нарубленные, так и сияют неотделанностью и угловатостью, а вместе с тем – и новизной. Именно в них еще робко искал писатель освободиться от быта, по кирпичику клал собственный незаемный мир, пробуя для того стереотипы: пессимист, оптимист, литературные герои XIX века. Здесь-то особенно и режет ухо вмешательство в прозу его, так называемого режиссерского сценария, дробящего действие на статические во времени мизансцены и заменяющего развитие персонажа его среду – ремарками для исполнителя роли, и только. Само же авторское мышление в той же, например, "Точке зрения" прозрачно и гармонично по замыслу, многомерно и близко сегодняшнему мировосприятию.

Однако, вот – безвременно помрет. Как говорится, не каждому англичанину…

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Но меня уже теребят в другую сторону. И на этот раз некто вовсе обритый или, черт его знает, только лысый, одним словом, в джинсах, но глаза почти совсем как у человека. Ого, и говорит оказывается:

– На Аксенове торчу! Читали в "Новом мире"?

Ну еще бы я не читал! У нас, как говорится. Тиражи самые высокие в мире, да книжных-то названий штук пять в год. Не читать же в конце концов весь тираж какого-либо издания экземпляр за экземпляром. Стало быть, приходится и к периодике припадать. Тем паче писал об Америке сам экс-думовластитель. Вот уж истинно фигура под завязку монументальная. Как залез еще лет пятнадцать тому в техасы со свитером, так и окаменел в этих приметах времени.

– "Квадратный месяц нон-стоп" называется?

– Безграмотно же, – обиделся обритый, – "Круглый месяц нон-стоп" правильно!!!

Конечно, так куда грамотнее. Но не это же, надеюсь, беспокоило мэтра. Там пускай месяц, хоть четвероугольный, но были же – ах, молодость, молодость – "Коллеги", "Звездный билет", "Любовь к электричеству"! Ах: краснопресненский Хэмингуэй. Рубленная проза, форшмак. Глен Миллер на самолете, тип-топ, старик за апельсинами из Марокко – морока! Впрочем в американских заметках своих уже гнет палку в обрат: де, кается, не знали серые мы Фолкнера, мало, глупые, примечали Сэлинджера. Все верно, старик, бедолага Достоевский тоже Пруста и в глаза не видывал, а Сартра так и вовсе не читал! Вот серость наша исконная…

Но обритый в джинсах:

– Сильная проза, – сдержанно по-мужски перемалчивает. Немногословно: – И музыкальна почти по-пильняковски. "О-кэй".

Как бы не смазать. Скорее музыка в этом "Месяце" – тема, не способ исполнения. Заметки довольно объемны, разбиты на главы, двуплановы: первый – нечто вроде туристского отчета в смеси с автобиографией, второй – вставной философско-фантастический роман (так сказать, фэ-фэ), куда как и положено напихано каждой твари по паре: автор, наивный москвич 70 годов и противник его – антиавтор, человек тоже недюжинной глупости, но любитель покуситься, далее считайте сами: автомобильные эстакады, хипы, коллс-ройсы, негры, сэндвичи, обольстительные брюнетки, блондинки и шатенки, игорные, едва ли не публичные дома, коза ностра, кока-кола… уф, пепси-кола, небоскребы, фонтаны, молоко, бассейны, профессора, словом, опять очень рубленная проза, развесистая индустриальная капуста. К счастью, в

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

конце фэ-фэ автор с антиавтором сливаются воедино, так что вовсе перестаешь следить за обоими и начинаешь-таки ощущать усталость. Это (не усталость, разумеется), крупная художественная удача писателя. Ей, он и кончает свое фэ-фэ.

И все же нельзя не любить наших, особенно когда становятся они и "нашими в превосходной степени", то есть – заграницей. Ведь сколько бы не сидел наш писатель или ученый на своем испытанном мировоззрении, как бы не тужился произвести из себя что-либо конкретно прекрасное, равно близкое городу и деревне, – а никогда не доказать ему по-настоящему своей преданности без содействия туризма. И туризма весьма однозначно направленного – в кап. страны. Вот нива; где могучим цветом способен разразиться и самый лежалый огурец отечественного парника.

Аксенов и здесь шествует проторенным путем: после шумных своих успехов на переломе шестидесятых годов, он куда-то сникает и долго обретается в каких-то интеллектуальных нетях, пиша не слишком веселые штуковины на 16 страницу "ЛГ". Получается, что после молчания его "Круглый месяц", – как бы второрождение, новое вступление в старый профсоюз, я, мол, жив курилка.

Тогда давайте покрутим его "Месяц", раз уж он сам дозволяет это свои названием.

Покойнее стал общий тон. Раньше все шли предметные, чувственные перечисления – сейчас мерная констатация факта, зевки, выражаемые знаками препинания, нечто вроде раздумчивости. Вкус, однако, не скажешь, чтобы сильно улучшился. Вставной философско-фантастический роман (ТАП) нуден, скучен, плоск, описательная же часть, напротив, совершенно неправдоподобна – и неправдоподобна, если можно так выразиться, одними своими силами, почти без участия автора, а только за счет необычности для читателя американского быта вообще. Как и положено советскому писателю там на Западе, Аксенов точно ничего не видит сам, а пересказывает нам разглядывание иллюстрированных обложек. Мелькают, мелькают мгновенные стоп-кадры, неестественно иллюзорные, рябит обогащенный сленгом язык, ковыляют и мысли, но внимания большого на калек не обращаешь: Бог подаст.

Есть новая тема, налицо моральная устойчивость, идеологическая выдержка, доморощенный либерализм – только. Говорить, собственно, нечего, все время тянет на пересказ. Обобщения такого пошиба: хипы приходят и уходят, а мир остается; питаться в американских кафе – питательно и вкусно; автомобиль – хорошо, университет – хорошо, а Россия лучше. Есть чисто этнографические заметки о нескольких поколениях

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

русских эмигрантов: вот язык родной подзабыли за то время, что живут в Америке. Ничего не скажешь – глубоко. Местами останавливает некоторая эстетическая и умственная расслабленность, когда под перо подвертывается женщина. Приятно поражают территориальные вылазки автора из Лос-Анжелеса прямо на Аптекарский остров в Ленинграде. И верх всего – патриотизм со знаком качества, наиновейший, окультуренный иронией – штаны в Москве шьют не хуже, чем в Америке!!!

Можно бесконечно долго говорить о необходимости или ненужности путевого жанра. Я просто не завидую тем, кто знает о калейдоскопе по рассказам очевидцев.

И все-таки я люблю наших писателей, когда они заграницей. Глядишь, и выболтает что-нибудь любопытное о собственной квартире или порядках московского метро.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.
[**PAGE 219**]

ХРОНИКА СЕМИНАРОВ И ДИСКУССИЙ

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ИЗ ДИСКУССИИ *"СОВРЕМЕННОЕ ХРИСТИАНСТВО"*

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ИЗ ДОКЛАДА БОРИСА ИВАНОВА

"СОВРЕМЕННОЕ ХРИСТИАНСТВО"

II

Новохристианами я называю тех, кто *крестился сам*. Он не получил знания о Христе через семейное предание, проповедники Иисусовой истины не искали его, он обрел ее сам. В биографии новохристианина всегда можно найти человека или книгу, которые впервые ему поведали о вечном Боге. И тем не менее *он сам* выбрал христианскую истину среди других истин, намеренно и сознательно.

Это ничуть не умаляет чувства благодарности, которое испытывают новохристиане к "сохранившимся" /выражение Н. Я. Мандельштам/. Очевидно также роль великой русской литературы в современном христианском просвещении – роль Достоевского, Л. Толстого, русской философии: В. Соловьева, Н. Бердяева, С. Булгакова. Но верующие традиционно реализуют лишь одну из возможностей, открытых нашему современнику. Открыта и церковь...

"Я много раз проходил мимо храма и меня часто тянуло: пойду, зайду, но никак не решался. Как меня примут? Как ко мне отнесутся? Кто я такой, чтобы войти в эти двери? Но когда вошел, я понял, что мое место здесь." – Так рассказывает один из новохристиан. И в этом случае необходимо было собственное решение. Нужно было перешагнуть некую невидимую черту. Здравый смысл остерегает от сего шага, ибо здесь не продают и не распределяют. В христианской вере ищут ответа на духовные запросы.

III

Можно говорить о предрасположенности к христианству и не только с психологической точки зрения. По моим наблюдениям, среди тех, кто крестился сам значительную часть составляют люди, пережившие глубже других скептицизм и нигилизм. Чем фундаментальнее: отрицание злободневного существования, тем настойчивее поиск абсолютной истины, абсолютных ценностей, абсолютного Образа Человека.

Можно говорить о моральной одаренности многих новых христиан, но существеннее то, что в христианстве человек находит духовную оформленность и как традицию, и как культуру, и как образ жизни. Немаловажно также то, что эта культура, традиция, образ жизни имеют национальные корни.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Чем сильнее отрицание злободневного существования, тем настойчивее поиск абсолютной истины, абсолютных ценностей, абсолютного Образа Человека и миропорядка.

Можно говорить о моральной одаренности многих новохристиан, но существеннее то, что в христианстве человек наводит *духовную оформленность* и как традицию, и как культуру, и как образ жизни. Немаловажно также то, что эта культура, традиция, образ жизни имеют *национальные корни*. Иначе говоря, христианство возвращало родину не как физическое тело, а как поле духовного посева и жатвы.

Христианство предрасположен выбрать тот, кто склонен к духовному максимализму, который не может быть удовлетворен одним или двумя советами на все проблемы бытия, – христианство склоняет к себе тех, кто готов и способен к пути на "длинную дистанцию", чтобы таким образом преодолеть разрыв между собой и миром, историей и биографией.

IV

Вера, обретенная по личному выбору, – волюнтаризм новохристиан, …зывает и объясняет существенные, на мой взгляд, особенности *современной веры*. С внешней стороны новохристианин существует в атмосфере свободных разговоров о том, что является в сущности священным. Эта свобода проникает внутрь мирочувствования новоохристиан теми же путями, какими он сам некогда совершил свой свободный выбор. Однако, есть некая экзистенциальная точка, поворотный момент в биографии, которая остается укрытой от чужого профанирующего разговора, но вместе с тем, она является опорной в вере новохристианина – "основным доводом", конституцирующим при некоторых обстоятельствах интенцию проповеди и самооценки. Волюнтаризм обнаруживает себя не только тем, что новохристианин свободен называть себя православным, протестантом, евангелистом, толстовцем, баптистом, католиком, он не испытывает ужаса перед ересью... Невозможно призвать к отчету волю, благодаря которой я есть то, что есть, и это обретение полагается мной истинным.

V

К типологическим последствиям религиозного волюнтаризма я отношу: а) неверие в личное бессмертие, б) слабость проповеднической интенции,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

в) манихейство в терминах власти и неофициальности, г) недоверие авторитету исторической церкви, д) сомнение в необходимости исповеди и покаяния. Говоря об этих следствиях, я не имею в виду манифестируемые высказывания, – их я вывожу из исследования высказываний, оценок, которые в экзистенциальных ситуациях обнаруживаются как само собой разумеющееся, упреждая и оттесняя на задний план то, что "принято" в традиционной христианской вере считать само собой разумеющимся.

а) Неверие в личное бессмертие

Чем больше проникаешься самочувствием новохристиан, тем яснее: новохристиане не знают, не ощущают, "забывают" о том, что "бывшие" христиане – будь то Владимир Соловьев или простой житель деревни, – всегда знали: *конца нет*, их душа бессмертна. Христианин не только не сомневался в этом, но и не мог быть христианином, если не жил перед лицом вечности.

Следует сказать еще резче: он только тогда был подлинно верующим, когда бессмертие души переживалось им, как сама собой подразумеваемая истина. Даже Бог не мог лишить человека души. Бог налагает на человеческую душу испытания, но не дает человеку надежду, что смерть "все спишет", "умрешь – трава вырастет".

Новохристианин существует с этой забывчивостью о бессмертии своей души, в этой Вселенной Творца с "белым пятном". Вопрос о бессмертии души застает новохристианина врасплох. Он выражает само собой разумеющееся часто так, что бессмертие души – это то, на что претендовать он не смеет. Он слишком греховен, слишком смертен, бессмертие его души представляется подобием святотатства, или наградой, в то время как вечность души вовсе не означает вечное блаженство, это и возможность вечных мук.

Само собой разумеющееся: я смертен. Это экзистенциальный (не теологический) вывод следует из хода приобщения к эпохе, из опыта самопознания себя как индивидуальности и личного выбора христианства. Смертный человек может выбрать Вечного Бога, но он не может выбрать бессмертие своей души, – это логическая бессмыслица. Но если я смертен, – все вовлекается в иное рассмотрение, по меньшей мере, в масштабах человеческой жизни возможно предпринять то, что предполагает масштаб бесконечного. Тогда он не способен подобно толстовскому Пьеру Безухову в страшный мороз, полураздетым, в окружении охраны, рассмеяться

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

на всю Вселенную: "Кто может лишить меня бессмертной души!"[x)].

б) Слабость проповеднической интенции

Выражение духовной обоснованности веры, то, что можно назвать классической христианской проповедью, превращается у новохристианина или в тактические соображения или в ссылки на глубоко личный опыт, не поддающийся универсализующему развертыванию. Доверительная атмосфера эксплицирует исповедь, но не проповедь, обнаружение пути "в себя", а не к другому, пути не в *пространстве*, а измерении *времени* своего личного духовного становления.

Не существуя в пространстве, а пространство для христианина – это прежде всего пространство распространения и "держание" истины Иисуса, новохристианин не существует и в истории, что оформляется в *критике истории* как таковой. Новохристианство – это биографии индивидов; как общение – это поверительные сообщения интимных признаний. Художественное творчество поэтов и прозаиков прямодушно демонстрирует это. Это не означает, что новохристианин затворник, затворено лишь "христианское содержание", "мирской" слой …ознания не смешивается или почти не смешивается с этим содержанием. Двойная этика, двойное понимание мира, двойное самооправдание, – все это свидетельствует о глубоком своеобразии веры новохристиан, которые, если прибегнуть к языку христианской истории – близки к манихейской ереси.

в) Манихейство в терминах власти и неофициальности

Официальная идеология относится к христианству, как к профаническому – к деструктивному остатку невежественных и "чуждых" представлений. Какие бы причины не побудили человека сохранить веру отцов или обратиться к ней, он оказывается маркированным этим идеологическим клише, независимо от его профессиональных и моральных достоинств. Последнее побуждает человека скрывать свою принадлежность к Христианству, как свой "социальный грех" и таким образом конституировать

---

x) Анна Ахматова была последним поэтом, у которого есть этот глубинный христианский мотив. Не заметив его, мы не можем постичь самый высокий строй ее поэзии.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

двойничество, как итог реалистического осмысления той ситуации, в которую он не по своей вине заброшен. Такая позиция нелегальных христиан ищет евангельского оправдания и находит в сечении мира …а Богово и кесарево.

Власть – это творение дьявола, – такой вывод делали доконстантиновские христиане, полагая, что Нерон, и не только Нерон, – антихрист, враг Бога, господин земли. Русские раскольники продолжали эту традицию, обличив царскую власть в сговоре с Сатаной, нарекли Петра I антихристом и бежали от власти – ее слуг на пустоши и леса. Идеологическое клише навязывает сии представления. Так возрождается манихейская ересь, согласно которой мир разделен между Богом и дьяволом, как между двумя началами, как между двумя богами, но с той разницей, что дьявол фиксируется в институтах власти, а Богово – за пределами официальности. И в этой картине мира некоторые новохристиане усматривают тот же самый реализм, что и "нелегальные христиане".

Для каждого, кто пытается в Новом Завете найти ответ на вопрос о власти, власть предстает в такой сложности, которая не позволяет христианам говорить о власти, как о чем-то *особом* с точки зрения добра и зла, как о предметной фиксированности духовных ценностей вообще. Власть не отрицается, ибо власть, как сущее, – творение Бога, как не отрицается долг и закон. Более того, Христос учит апостолов говорить как "власть имеющих", – и власть может быть истинной.

Христос говорит о власти, как *о человеке*, который может быть и достойным и греховным. Власть, если можно так выразиться, наделена субъективной волей. И власть полагает свою истину в субъективности, помечая ее именами императоров или политических лидеров, организаций, а стремление к благу отождествляя с их субъективной волей. Христос говорит о подчинении власти, но поклоняться ей? – Нет. Согласно Иисусу Христу, суть не в том, кому власть принадлежит, суть не в том, какие атрибуты она себе присваивает, а в том, что *власть обязана действовать в сторону добра*.

Власть, как форма господства над человеком, искушается возомнить о себе, как о вечной, всегда справедливой и благой, она искушается самомнением о своем бессмертии, в усилиях к самоувековечиванию. Но меняются портреты и старые пьедесталы служат новым бюстам. Для Христа властитель остается лишь человеком: "От себя ли ты говоришь?" – задает Он вопрос Пилату. Никакой приказ не может оправдать злого или незаконного поступка. В мире Христа нет личной безответственности,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

нет алиби, нет социальных ролей, с которыми зло может быть отождествлено.

Страх новохристиан перед действительностью "конкурирует" со страхом Божьим. Новохристиане, как и Церковь, плохо слышат: "Ибо так возлюбил Бог мир, что отдал Сына своего единородного, дабы всякий, верующий в Него, не погиб, но имел жизнь вечную". Для того, чтобы преодолеть этот дуализм, следует всей душою возлюбить этот мир и принять за него ответственность, только так верующие могут единиться в делах спасения.

г) Недоверие к авторитету исторической церкви

Новохристиане знают, что не церковь пришла к ним, а они пришли к ней. Это не забывается. Если священник заговорил со мной после того, как я домогался встречи с ним, это тоже не забывается. Церковь не знает личностно того, кто пришел к ней, следовательно, нет адекватного встречного движения. Люди соединяются в храме во Христе, но они не соединяются между собой и уходят одинокими. Иногда говорят о "мистической церкви", которую не могут затронуть грехи этого мира, однако христианская община не может воплотить Истину Иисуса без тепла любви и доброго дела. Официальная церковь не выполняет апостольского призвания. Она лишена социального пространства и существует также лишь во времени – в чередовании обрядов, подобно тому, как новохристианин живет во времени личных переживаний и настроений.

В мире, в котором все авторитеты были потрясены, всякая безличностность становится знаком недостоверности, но и доверие к авторитетам понимается, как личная интенция, а не как сакральное свойство избранного авторитета.

д) Сомнение в необходимости исповеди и покаяния

Исповедь и покаяние совершается в мире, где есть *третий*. Если в отношениях человека с Богом церковь утрачивает авторитет и исповедь, покаяние тоже теряет смысл. Молитвы протестантства глубоко входят в веру новохристиан, духовно ревизуют традиционную православную веру.

Покаяние и исповедь, и совершаясь, не становятся теми событиями в жизни новохристиан, которые способны кардинально касаться всех

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

проблем его социальной и личностной ориентации. Эти проблемы решаются … стороне от свидетельствования перед церковью в то время, как исповедь и покаяние в традиционной вере касалась именно этой стороны жизни верующего.

Душевная потребность в очищении реализуется или в критических самооценках (реже в доверительных признаниях) или в творчестве – перед анонимным миром. "Я пишу, чтобы очиститься", – так заявляют многие поэты и прозаики. Сфера высшей доверительности и открытости полагает себя или вне таинств или наряду с таинствами.

VI

Я хочу продолжить тему особенностей веры новохристиан в тех точках, в которых она достигает наиболее очевидного разрыва с традицией, наиболее веского личностного звучания, где вера в Единого Бога и атеизм сходятся с такой близостью, что может вызвать как ужас, так и веселье рискованного озорства (выразительно у Ф. Достоевского). Продолжить это – значит говорить на темы экзистенциального христианства.

Экзистенциальная вера берет начало не в посте и покаянии, а в глубоком одиночестве человека в мире. В этом одиночестве человек осторожен, он не спешит кивать и заимствовать язык безличностного и традиционного доктринирования. Здесь встречи с ближним удерживаются не успокоительным доверием к признанному, а тревогой возможностей; которые открываются здесь и сейчас в умножении конгениальных переживаний. Мораль для одинокого человека – эта та плоскость, на которой следует удержаться не потому, что падать ниже слишком опасно, а потому, что человеческая гордость и достоинство не допускает человека пасть на тот уровень, когда мораль и закон начнут демонстрировать над ним свое безличное превосходство.

Я убежден, что экзистенциальная христианская вера есть неизбежный итог встречи одинокого человека с Христом, даже в том случае, если встреча была задумана человеком как альтернативная. Но преображение возможно лишь тогда, когда человек способен на честную встречу с Богом. Известен атеистический экзистенциализм. Не говорю о Ницше. Он избрал объектами своих нападок "холодное чудовище" государство и христианствующего обывателя, но он не решился на встречу с Иисусом Христом. Обратим внимание на Мартина Хайдеггера – на то, как в одну-две фразы он полагает вместить весь смысл и весь дух

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Евангелия (см. статью "Теория и метафизика"). К встрече с Христом человек может подойти с потребностью пошатнувшейся веры Кьеркегора, с гордыней Ницше, с морализмом Ренана, с психологичностью Тиллиха. Но встреча должна *быть честной* и только от этой честности зависит, обретет ли человек веру или нет.

Среди атеистов, наивных атеистов, которые не сделали атеизм профессией (а их подавляющее большинство) мы встречаем, как правило, тех, кто говорят об Истине и Пути Христа с чужих слов или прочитав Евангелие, как читают старый журнал. Нужна встреча в *искании правды*, а не в пополнении своей информированности. … Сыне Человеческом ищущий правды узнает свою заброшенность в абсолютно чужое время, как заброшен был Иисус в толпу фарисеев и книжников, законнических и торжественных формул и праздников, как Новый Завет был заброшен в Старый. Это предельно обостренное сечение времени: Я пришел, – мера абсолютной событийности личного существования, необходимое условие встречи и честного диалога с Евангелием.

Это я хочу, чтобы алчущие насытились, не *только Он*. А если я не хочу? А если я не хочу, а должен быть готовым на предельно альтернативный диалог с выводом: "Пойду и буду говорить противоположное Тебе". Но я должен признать, что и Он сказал: "Не хлебом единым жив человек"... Каковы бы ни были мои устремления, я не могу и мысленно, ни мечтательно превзойти Его. Вот неизбежный итог этой встречи. Я не могу превзойти и не могу вместить то бытие, которое он явил с избытком. Это превозмогающая полнота остается, за вычитом всех пониманий как Божественный Свет Его Личности, дарующий мне свободу и путь. Я узнаю, что Христос *больше любит меня, чем я себя*. То, что я люблю в себе, слишком ничтожно.

В экзистенциальной вере, мне думается, богопознание сосредотачивается на *целостном* образе Христа, как явлении абсолютной духовности. В Нем христианин черпает образ мира будущего. И в Его полноте он получает ответ, погруженный в актуальное...

В силу ряда причин (об этом в статье "Экзистенциализм?.. "Vorbei", "37" № 6) экзистенциальное христианство, по моему мнению, получит в России достаточно чистого теоретического развития, что означает, что современный тип веры не обретет ни развитого характера, ни адекватного его выражающего языка. Поскольку герменевтика является коррелятом экзистенциализма, т. е. законченный субъективизм с необходимостью требует развитых форм завершенного понимания другого,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

поскольку вряд ли можно рассчитывать на то, что новохристиане, как и те наши современники, которые избрали путь гуманизма и демократизма, сумеют достигнуть во взаимоотношениях такой ясности, которая необходима для конструктивного взаимодействия.

Однако, новохристиане, как и другие современные духовные тенденции в целом, существенно изменили духовную атмосферу, в которой существует творческая интеллигенция. По сравнению с другими тенденциями, в новохристианстве наиболее глубоко преодолен "социальный фетишизм"[x], оно "философичнее" по характеру своих убеждений, его критический дух менее политичен.[xx] У новохристиан аскетизм – не следствие исторической ситуации, а необходимое основание человеческой духовности. Их способ мыслить менее зависит от травм социального существования, ибо земной путь человека – это не только путь радости, но и путь страстей. Страдание для христианина не может выступать фигурой устрашения, помрачающей вселенную Бога.

x. Эта мысль рассматривается в статье Е. Пазухина
"Архив", № 1.

xx. В качестве принципиального положения эта особенность характеризует позицию редакции журнал "37".

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ВОПРОСЫ К ДОКЛАДУ ИВАНОВА Б.

Александров А.: Не могли бы вы дать некоторые примеры современной православной проповеди, ведь, как известно, проповедь в православии довольно редкое явление.

Иванов Б.: В качестве примера я мог бы назвать сочинения Желудкова. Он знает, какая проблематика является важной для современного человека, он же – неофициальный церковник, поэтому он думает, суммирует, пытается облегчить пути человека. У него есть очень точные наблюдения как раз по характеру современной веры. Одно из них – это встреча современного человека с абсурдом и то, что победу над этим абсурдом он может одержать только обратившись ко Христу.

Что касается экзистенциальной проповеди, то мне, к сожалению, не приходилось видеть ничего законченного. Мы знаем Бердяева, Тиллиха, но это – опыт людей, которые жили там. В чем-то они ушли дальше нас. Наши описания пока что очень двусмысленны, однако, надо сказать, что много нужного материала мы могли бы обнаружить в массе художественных текстов, существующих сейчас. Но пока собиранием этого материала никто не занимался.

Генделев М.: Скажите, пожалуйста, как вы считаете, отношение неофитов к официальной церкви должно быть обязательно отрицательным?

Иванов Б.: Нет, не обязательно.

Горичева Т.: Не могли бы вы подробнее остановиться на вопросе о тех верующих, которые не верят в собственное бессмертие. Почему вы считаете такой взгляд типичным для неохристианина?

Иванов Б.: Когда я задавал вопрос о бессмертии своим знакомым, человека три ответили мне нечто в следующем роде: "Бессмертие – это награда и получают его только за какие-то очень большие заслуги."

Шарымова Н.: Мне кажется, что в этих наблюдениях есть некоторая произвольность.

Генделев М.: Когда вы говорили об отношении неофитов к власти, я не совсем понял о чем шел разговор: о праве, о силе или о гражданственности?

Иванов Б.: Не стоит разделять эти уровни. Мы не говорим о тех людях, которые принимают или отрицают социальную реальность лишь частично. Например, человек принимает закон, потому

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

что закон обеспечивает его материально. Но некоторые законы кажутся ему сомнительными, конечно, только некоторые.

О таком случае здесь речи не идет. Речь идет о сечении: закон – все от начала до конца. В законе – отсутствие человечности, сострадания, справедливости. Сначала вы не приемлите это, затем то и, наконец, вы отрицаете все, что связано в социальностью.

Кривулин В.: Мне кажется, что это построение надумано. Кого ты мог бы назвать конкретно, кто так отрицал бы социальное. Кроме "Свидетелей Иеговы", трудно вообразить кого-нибудь.

Скажи пожалуйста, существуют у тебя такие знакомые, которые так делят мир?

Иванов Б.: Да, конечно. Подумайте, как зыбка, как трепетна вся эта реальность отношений. Как много в ней пугливости, шаткости, потому что нет этого света, этой уверенности. Существует постоянный страх перед дьяволом.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

РЕЛИГИОЗНОСТЬ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

А. АЛЕКСАНДРОВ

Религиозность, в отличии от религии, является стремлением индивидуального человеческого сознания к непрерывному трансцендированию за пределы чувственного опыта, познанного, рационального, за пределы любой данности. Она есть, видимо, выражение высших духовных начал в сознании, высшее выражение его органичности и цельности. Религиозность стремится соотнести индивидуальное бытие с Вечностью, это есть индивидуальное переживание Вечности.

Религия представляет собой социо-культурную систему, базирующуюся на религиозности сознания, обладающую определенной историей, взаимодействующую с другими социо-культурными подсистемами общества (такими как политическая организация, культура). В современном мире все большую роль играет такая общественная подсистема как Технология, все больше влияющая на другие и создающая как бы новую среду, в которой все остальные подсистемы, в том числе и современные церкви и секты, развиваются и эволюционируют. Технология обладает присущими ей внутренними законами развития, характеризуется такими внутренними ценностями как организованность, рациональность, функциональность, оптимальность, системность. Будучи по сути своей средством человеческого бытия, но никак не его целью, не обладая никакими трансцендентными по отношению к себе целями, Технология в современном мире уже приобрела независимость в своем развитии от человеческого сознания и стремление сама формировать его. В целом общество в современном индустриальном мире стремится брать на себя все больше мыслительных, идеологических, духовных функций человеческого сознания, создавая мощные профессиональные научные, идеологические, духовные институты, отчуждающие индивидуальное человеческое сознание. Рост этих систем идет экспоненциально и значимое для человеческого сознания, духовное содержание их деятельности элиминируется. (Например, от идеологического работника не требуется искренней убежденности в правоте идеологии, которую он должен проводить).

Постепенно и высшие стремления человеческого сознания утилизируются обществом, оно посягает и на религиозность. Высокие темпы развития современного технологического общества, существенно изменяющегося на протяжении жизни одного поколения, разрушают традиционные религиозные институты, культы и традиции, а системность и рационализм

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

общества стремятся вытеснить религиозность из человеческого сознания.

Мощное, все возрастающее испытание человеческого духа рациональностью и системностью со стороны современного общества – вот условия развития религиозности в современном мире.

Наряду с появлением большого числа различных сект, религиозных и квази-религиозных движений и групп, увлечений восточными религиями, носящими в целом характер защитной реакции духа на наступление социума и принимающим иногда патологические формы (например "Новая церковь Сатаны" Чарльза Мэнсона), религиозность может сыграть роль того душевного источника для человеческого сознания, который может дать ему энергию для преодоления социума и превращения его подсистем в средства личности, цели которой духовны и трансцендентны общественной системности.

Формы проявления этой религиозности могут быть самыми разнообразными, отнюдь не обязательно формально организованными в церкви или секты, но являющими в себе торжество человеческого духа, не уход и бегство из данного нам мира, а движение к духовным целям через наш мир.

Общими для форм такой религиозности являются терпимость друг к другу, движение по собственному духовному пути и признание права на существование других путей. Некоторые проявления черт подобной религиозности можно наблюдать и сейчас. Она проявилась в молодежном движении на Западе, особенно в США в конце шестидесятых – начале семидесятых годов, в современном "экологическом" и научном движении (Roman Club, Movement for Survival), этическая направленность которых проистекала из религиозной осознанности ценности человеческой личности, ее индивидуального трансцендентного опыта.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ВОПРОСЫ К ДОКЛАДУ АЛЕКСАНДРОВА А.

Пеккер М.: Не могли бы вы обозначить направление, в котором развернется действие религии на науку?

Александров А.: Основываясь на тех примерах, о которых я уже говорил, я могу сказать, что она может действовать в направлении преодоления негативных сторон технологического развития. В других ситуациях она может послужить источником социально-нравственного или демократического движения.

Пеккер М.: Вы различаете религиозность и гуманизм?

Александров А.: Во всяком случае они близки и как-то коррелируют между собой. Гуманизм, лишенный религиозности, неизбежно становится абстрактным гуманизмом и приводит к тем или иным конструктам человека.

Отец Лев: Есть схема Аввы Дорофея, жившего в 5 веке. Она представляется мне до сих пор очень справедливой. Авва Дорофей описывает соотношение между Богом и человеком, между религиозностью и гуманизмом следующим образом:

Схема представляет собой систему концентрических кругов. Бог там изображается как солнце, а люди располагаются на этих кругах. Следовательно, чем ближе люди к Богу, тем ближе они друг к другу.

Гуманизм, по этой схеме, есть некоторое приготовление к религии.

Но почему же все виды гуманизма, которые мы находим в новое время, скажем, буржуазный гуманизм или более крайняя модель социалистического гуманизма не привели к религиозности? Очевидно, вопрос сближения между людьми рассматривался здесь слишком внешне. Они не прислушивались к Евангелию, но они также не следовали и за высшими человеческими требованиями, принципами любви и самопожертвования.

Иванова Г.: Мне известно, что первый доклад Римского Клуба подвергся критике и существует уже второй доклад. Что вы скажите по этому поводу?

Александров А.: Это действительно так. Первый доклад подвергся критике с точки зрения его наивной эсхатологичности. Во втором докладе разработаны те же самые идеи, но с большей глубиной и конкретностью.

Отец Лев: Я хотел бы подробнее остановиться на проблеме "конца света". Эсхатологические настроения распространяются в наши дни с необычайной быстротой. Неохристиане, различного рода

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

проповедники, традиционные христиане и даже светские мыслители пророчествуют о скорой гибели мира. Несомненно, эти настроения отражают состояние кризиса, охватившего все уровни жизни. Мы встречаемся с экономическим кризисом, кризисом политических демократий на Западе, кризисом социалистических утопий на Востоке, кризисом национального сознания и нахождения собственного пути в третьем мире – все переплелось. Здесь же мы сталкиваемся с кризисом церкви, внешним в России, внутренним на Западе. Кризис становится глобальным.

Я не утверждаю, что мы находимся в конце времен, но я не исключаю этой альтернативы. У человека сейчас есть достаточно средств для того, чтобы положить хотя бы внешний конец своему существованию.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Л. РУДКЕВИЧ

ИНДИВИДУАЛЬНОЕ РАЗВИТИЕ ЛИЧНОСТИ И РЕЛИГИОЗНОСТЬ

Многие психологи, занимавшиеся проблемой онтогенеза /индивидуального развития/ личности, отмечали, что религиозность, как одно из свойств личности, характерна для лиц пожилого и старческого возраста /Торндайк, Кюлен, Лиман/. У лиц, воспитанных в атеистической среде, религиозность может проявляться уже в 20-23 года, однако наиболее часты случаи перехода к религиозности /по данным зарубежных авторов/ в возрасте 55-60 лет. Т. е. "религиозный взлет" приходится именно на тот период жизни, когда намечаются наиболее значительные перестройки в структуре личности стареющего человека. Ученые рассматривают это явление, как правило, с феноменологических позиций, они не уделяют, достаточного внимания психологическому механизму этого процесса.

Мы предполагаем, что в данном случае и невозможно выделить универсальный механизм генезиса религиозности в зрелом, пожилом, или старческом возрасте, существует /по нашему мнению/ по крайней мере два пути развития религиозности.

I – у лиц с высоким уровнем интеллекта, с широким спектром интересов и с большой общей эрудицией в позднем возрасте, в связи с накоплением информации и вербализацией интеллекта, намечается склонность к генерализации знаний. Эта склонность, в свою очередь, приводит к смене сферы деятельности – человека начинают более привлекать общенаучные или философские проблемы. Одним из возможных путей генерализации может стать переосмысление личного опыта с иррациональных религиозных позиций.

Другой причиной перехода к религиозности /особенно у ученых/ может стать внутренний кризис рационального сознания. Однако, как в первом, так и во втором случае, у лиц интеллектуальных вера носит более обобщенный характер, она не включает в себя систем запретов и заповедей, не носит черт подчинения.Можно сказать, что такая вера в большей степени проявляется в мировоззрении, чем в поведении /хотя разделение этих терминов и не научно/. Исходя из этого становится ясно, почему у высокообразованных людей редко проявляется склонность к примитивным формам религии, таким, как например магометанство или иудаизм. В то же время при условии свободного выбора человек избирает ту форму религии, которая соответствует его личности, т. е. может обосновать склонности и влечения, заложенные у индивида от природы. Т. о. наличие различных форм верований в одной и той же социальной среде объясняется психологическими различиями между членами данного общества.

Совершенно иной механизм генезиса религиозности можно наблюдать у лиц с низким интеллектом.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Здесь в формировании религиозного чувства ведущую роль играют не социальные, а этологические факторы. У таких людей религиозность является продуктом биологического старения, процесса, который у человека аналогичен созреванию у других животных, и сопровождается алгоритмизацией, т. е. формированием жестких паттернов поведения. В связи с этим у лиц пожилого и старческого возраста отмечаются такие черты характера, как старомодность, консерватизм и авторитарность. Именно в этом возрасте наиболее часто наблюдается переход к религиозному сознанию у лиц с низким интеллектом. Поэтому вера и носит у них, как правило, императивный характер. Предпосылка такой веры – слепое и нерациональное, но страстное обоснование своих устаревших, но укоренившихся и ставших непоколебимыми привычек и предрассудков. Такая форма веры вполне может быть заменена иной, нерелигиозной системой социальных взглядов и убеждений, напр. преклонением не перед богом, а перед конкретным лицом, группой лиц или программой политической партии.

Обобщая вышеизложенное можно сказать, что для образованного и высокоинтеллектуального человека религиям может стать способом преодоления рамок рационального сознания. И хотя перспективы такой переориентации весьма туманны, все же следует признать в ней один из возможных путей прогрессивного развития личности. Для низкоинтеллектуального человека религия это, напротив, способ упростить структуру своего поведения, избавить себя от мучительных раздумий по поводу принятия решений в противоречивых жизненных ситуациях, т. е. в конечном счете психологический регресс.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ВОПРОСЫ К ДОКЛАДУ РУТКЕВИЧА Л.

Кривулин В.: Я знаю очень одаренного поэта, который не наберет по вашему тесту и 70 баллов. К тому же он человек очень религиозный.

Руткевич Л.: Если у него показатель 70, его кладут, обычно, в клинику для душевно больных.

Кривулин В.: А если он лежал уже в этой клинике?

Руткевич Д.: Мы отвлекаемся от темы. Могу сказать, что это заболевание неизлечимо.

Александров А.: Вы говорили, что первый пик религиозности наблюдается где-то в районе 23 лет. Не кажется ли вам, что наибольшее значение здесь имеет социальный, а не биологический фактор.

Руткевич Л.: Я об этом и говорил. Био-психологические механизмы играют роль только при переходе к пожилому возрасту. К тому же я имел в виду людей с низким интеллектом и низким уровнем образования. Безусловно, примат – за социальными факторами.

Отец Лев: Почему-то в Древнем мире молодой возраст не брался в расчет при оценке духовных способностей человека. Только в 30 лет человек мог читать и толковать Священное Писание. До этого времени он считался сосунком. Так что старость не означает духовной деградации.

Шарымова Н.: Чем вы объясните, Лев Александрович, что у нас в России возраст религиозности имеет совершенно другие параметры, нежели те, которые вы привели в качестве примера, ссылаясь на западную статистику. По моим наблюдениям этот возраст начинается с 25 лет.

Руткевич Л.: Но вы, Наталья Яковлевна, берете лишь "крылышки", а не среднюю массу.

Горичева Т.: Почему вы думаете, что старушки в церкви стоят на более низкой ступени религиозного сознания, чем мы. В сфере религии опасна элитарность. Кроме того, интеллект не тождественен духу.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

НЕОХРИСТИАНСТВО

Е. ПАЗУХИН

Я хотел бы дать выход всем своим сомнениям. Я попытаюсь предупредить критику современного христианства, сам взглянув на него с достаточной долей скепсиса.

Такая эксцентрическая попытка взгляда из вражеского лагеря, может быть, окажется полезной. Она будет способствовать экзистенциальной постановке проблемы, расчистит путь свободному анализу.

Подобному взгляду прежде всего открывается то, что раздробленность, деструктивность современного сознания коснулась также и религиозной сферы, трансформировала язык христианства. Я имею в виду не только современную теологическую литературу, но и такие "знаки" сокровенной христианской жизни как мораль, эстетические переживания, быт и пр.

Жизнь современного верующего представилась бы средневековому христианину сплошным кощунством. Ну а, скажем, собрание христиан с целью потанцевать или послушать джазовую музыку в стенах храма, несомненно, представилось бы ему бесовским радением и "мерзостью за…устения".

Такой реликтовый тип религиозного сознания считается чуть ли не единственной формой современного христианского миросозерцания.

Для носителя подобной религиозности характерны абсолютная убежденность в истинности своего исповедания, внутренняя цельность, безупречность этических принципов, проповеднический пафос.

В нем присутствует неколебимая убежденность в том, что Слово Божие, предание Святых не должны подвергаться ни малейшим превращениям. В своих религиозных трактовках он оперирует обоюдоострыми антитезами аналитика. Он всегда умеет отделить одно от другого: Божественное от сатанинского, церковное от мирского, истину от соблазна, спасающегося от погибающего и т. п. (Например, в современном протестантском издании Ев. от Иоанна /цитирую/ "жирными линиями подчеркнуты места, в которых говорится о нашем спасении, которое, являясь даром Божиим, не заслуживается, а дается по благодати. "...Ибо благодатию мы спасены чрез веру, и сие не от вас, Божий дар; не от дел, чтобы никто не хвалился..." (Ефес. 2:8-9).

Тонкие линии подчеркивают места, относящиеся к нашей христианской жизни и ответственности. Все те, кто верою принял дарующееся

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

ему Господом Богом спасение, само собой разумеется, должен стремиться вести себя впредь согласно святой и мудрой воле Господней, Его о ней спрашивать и ей подчиняться. "…Ибо мы Его творение, созданы во Христе Иисусе на добрые дела, которые Бог предназначил нам исполнять..." (Еф. 2:10).

То, что оба эти отрывка являются одним и тем же текстом и развивают единую мысль, издателей-аналитиков совсем не тревожит.

Рассматриваемый тип религиозного сознания обладает безусловным иммунитетом в отношении всех искушений и обольщений, мирских горестей и отрад, дурных сообществ, светского искусства.

Но, избрав языковую адекватность единственным критерием истинности христианского исповедания, он тем самым невольно впадает в явную модернизацию. Он не замечает, что, произнося отрывки чужих текстов, все равно продолжает говорить на своем языке, ибо не владеет языком религиозного миросозерцания апостолов, первых христиан, отцов церкви.

Логика не проникает в живое бытие, в живые связи, возникающие внутри эпохи. Только синтезирующая мысль, рассматривающая каждое слово Писания или предания в контексте религиозного мышления христиан данного времени, приоткрывает нам истины первоначального христианства. Как и в случае любого перевода, для точного воспроизведения смысла текста необходима радикальная смена системы знаков. Только отдавшись нескончаемому вращению герменевтического круга, мы можем надеяться на успех. Хотя он никогда не будет полным. Не все написано, не все дошло до нас. Но главное, что христианство, опирающееся лишь на историко-теософский анализ, стало бы чисто теоретическим, кабинетным, литературным. "Буква убивает, а дух животворит". Источники являются фундаментом, почвой веры, но возрастает она в благодатном веянии духа и питается общением христиан.

Предположим, что большинство из нас собралось для такого общения. Кто мы – современные христиане? Но, по-видимому, я смогу говорить, в первую очередь, о себе, как, впрочем, и многие другие. Таким образом, я, надеюсь, никого не обижу. Я принадлежу к религиозному типу людей колеблющихся, с весьма подвижными моральными критериями, скорее порочных, чем добродетельных, постоянно движущихся между экзальтированной религиозностью и самым глубоким отчаянием и скепсисом; и, что самое главное, подчас, весьма небескорыстно исповедующему христианство.

Тщеславие, стремление к оригинальности или, напротив, нежелание

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

выделяться, малодушие, – да мало ли посторонних по отношению к вере моментов, способных заставить человека называть себя христианином.

Не берусь определить в своем христианстве величину дроби: ВЕРА / КОРЫСТЬ, но думаю, что во мне, почти как в каждом, "много званого, но мало избранного".

Впрочем, вместо христианского раскаяния я впадаю в приятный грешок интеллигентской рефлексии.

Когда мне было лет 10, я на даче стоял у калитки и ел хлеб с медом. Меня они попросили дать им есть (их было трое), но я сказал, что не дам. Они ушли, говоря друг другу, что у них еще есть мелочь купить немного булки. Я уже не помню, почему я тогда заплакал и почему ужас этого воспоминания тряс меня потом несколько лет. Может быть это было посещение Бога? Но почему он не дал о себе ясного знака?

Мы можем знать твердо о Боге даже не то, что Он существует, а то, что мы покинуты Им.

В ужасе ли мы познаем Бога или из ужаса созидаем Его?

Как нам ответить на этот страшный вопрос?

Как христианин находит Бога? Есть, конечно, очень много форм религиозного обращения. Но я хотел бы остановиться на одной из них, как мне кажется, наиболее характерной. Во всяком случае соответствующей моему опыту и опыту некоторых моих знакомых. Я позволю себе привести 2 литературных отрывка, которые помогут точнее определить рассматриваемый феномен.

1.

IX

То было тьма без темноты,
То было бездна пустоты
Без протяженья и границ,
То были образы без лиц.
То страшный мир какой-то был,
Без неба, света и светил,
Без времени, без дней и лет,
Без промысла, без благ и бед,
Ни жизнь, ни смерть – как сон гробов,
Как океан без берегов,
Задавленный тяжелой мглой
Недвижный, темный и немой.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Вдруг луч внезапный посетил
Мой ум... то голос птички был.
Он умолкал; он снова пел,
И мнилось, с неба он летел;
И был утешно-сладок он.

(Байрон "Шильонский узник" пер. Жуковского)

В этом отрывке, на мой взгляд, воспроизводится и "модель" религиозного обращения.

II. "Я вышел в коридор, думая уйти от того, что мучало меня. Но оно вышло за мной и омрачило все. Мне так же, еще больше страшно было. "Да что это за глупость, – сказал я себе. – Чего я тоскую, чего боюсь". – "Меня", – неслышно сказал голос смерти. – Я тут". Мороз продрал меня по коже. Да, смерти. Она придет, она вот она, а ее не должно быть. Если бы мне предстояла действительно смерть, я не мог бы испытывать того, что испытал, тогда бы я боялся. А теперь я не боялся, а видел, чувствовал, что смерть наступает, и вместе с тем чувствовал, что ее не должно быть. Все существо мое чувствовало потребность, право на жизнь и вместе с тем совершеннейшую смерть.
И это внутреннее раздирание было ужасно. Я пытаюсь стряхнуть этот ужас. Я нашел подсвечник медный с свечой обгоревшей и зажег ее. Красный огонь свечи и размер ее, немного меньше подсвечника, все говорило то же. Ничего нет в жизни, а есть смерть, а ее не должно быть. Я пробовал думать о том, что занимало меня: о покупке, об жене – ничего не только веселого не было, но все это стало ничто. Все заслонял ужас за свою погибающую жизнь. Надо заснуть. Я лег было. Но только что улегся, вдруг вскочил от ужаса. И тоска, тоска, такая же духовная тоска, как бывает перед рвотой, только духовная. Жутко страшно, кажется, что смерти страшно, а вспомнишь, подумаешь о жизни, то умирающей жизни страшно. Как-то жизнь и смерть сливались в одно. Что-то раздирало мою душу на части и не могло разодрать. Еще раз прошел посмотреть на спящих, еще раз попытался заснуть, все тот же ужас красный, белый квадратный. Рвется что-то, а не разрывается. Мучительно, и мучительно сухи и злобно, ни капли доброты я в себе не чувствовал, а только равную спокойную злобу на себя и на то, что меня сделало. Что меня сделало? Бог, говорят, Бог. Молиться вспомнил я. Я давно, лет 20, не молился и не верил ни во что, несмотря на то,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

что для приличия говел каждый год. Я стал молиться Господи помилуй, Отче наш, Богородицу. Я стал сочинять молитвы. Я стал креститься и кланяться в землю, оглядываясь и боясь, что меня увидят. И я лег. Но стоило мне лечь и закрыть глаза, как опять чувство ужаса подняло меня."

(Л. Толстой, "Записки сумасшедшего")

А это "Арзамасский ужас" Толстого – скрупулезное описание состояния перед обращением.

Аналоги этого состояния можно обнаружить в титанических картинах страха в Премудростях Соломона, в плаче Августина в саду, в смертной тоске, пережитой индийским исповедником христианства Саду Сундарг Синга.

Именно такие переживания зачастую становятся предвестниками благодати. И вот здесь я сам вдруг начинаю ощущать страх. Уж не рушу ли я того, на чем зиждется моя вера? А может быть я впервые стал думать о Боге?

Характерно, что перед обращением человек как раз о Нем всего чаще не думает. Он думает о себе. Да и о чем вообще может думать человек, для которого небытие представляется единственным возможным благом. Разве можно назвать мыслями о Боге то, что переживал Толстой в свою арзамасскую ночь? Характерно при этом, что попытки в подобном состоянии весьма редки. Есть как будто предчувствие другого варианта, присутствует некоторая запрограммированная двусмысленность.

Поразительный пример такой двусмысленности обнаруживает все та же саморазоблачающаяся рефлексия Толстого. Он пишет, что прятал от себя веревку, чтобы не повеситься. Можно подумать, что все дело тут в лицемерии и малодушии. Но мне кажется, что это не так.

Дело в специфике данного состояния. Ведь на языке человеческом его нельзя назвать иначе, чем смертью. Тут уже нет страдания, нет жизни. Тьма становится не отсутствием света, а собственно ТЬМОЙ, тьмой сущностной, которую можно мыслить находящейся лишь за пределами жизни, в измерении ада. "Бездна пустоты" это и есть пространство ада "без измеренья и границ".

Именно как метафору состояния человека перед обращением воспринимаю я гениальную 17 гл. Премудростей Соломона. Там говориться о людях, застигнутых внезапным страхом в процессе самых обыденных повседневных дел, заключенных в "невидимые узы тьмы." И вот они в эту "воистинно нестерпимую из самых глубин кромешного ада исшедшую ночь

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

располагаются уснуть обычным человеческим сном". (Действительно, все обычно: арзамасская гостинница, посапывание слуги за дверью. Чем эта ночь отличается от любой другой?) Но это совсем не та ночь, в которой спят в соседних комнатах те же, что и вчера привычные люди. Эта ночь принадлежит только тебе и только ты заточен в эту одиночную "темницу без оков". И эту нежизнь, мерцающую отблесками "самих собою горящих костров, полных ужасов", не угасить обычной человеческой смертью.

Конечно не обходится и без самообмана. Но он не в том, что человек не убивает себя, а в том, что думает о самоубийстве, а кончая собою, совершает еще больший самообман, убивая себя рассудочно, безумно, по-кирилловски.

Именно такое самоубийство должно быть признано с точки зрения христианства грехом. Самоубийство же, совершаемое по непосредственному эмоциональному импульсу, в сущности не самоубийство, а продолжение жизни, проявление предельной экзистенциональной напряженности.

Но отбрасывая вариант самоубийства, человек находит другой. И этим вторым вариантом оказывается "вариант чуда". – "Вдруг луч внезапный посетил мой ум, то голос птички был".

"Вдруг" здесь запрограммированное. Это не простая случайность, а чаемая, долгожданная, чудесная. Это "вдруг" безусловно присутствует в каждом случае обращения: вдруг – голос, вдруг – свет, вдруг – образ, вдруг – видение.

Конечно, это дает материал для самых скептических выводов, но может свидетельствовать также о специфической природе христианского чуда.

Вспомним чудеса Христа. Он отвергает предложение сатаны доказать свою божественность с помощью факирского трюка. Чудо Христа не фокус, а действительность. Действительность немедленного милосердия. – Чудо превращения воды в вино, чудо насыщения голодных, чудо исцеления и чудо воскрешения. И, наконец, чудо обращения: "Савл, Савл, трудно тебе идти против рожна". Слова эти исполнены самого проникновенного сострадания. Но здесь почва опять уходит из-под ног. Опять мы вступаем в область самой соблазнительной двусмысленности. Ведь в случае с героем Жуковского-Байрона мы явно имеем дело с галюцинаторным явлением, с безумием. Кому не известно, что экзальтированная психика способна порождать призраки. Но нет ли в этом безумии и другой какой-то "нормальной" стороны. Ведь и Толстой называет свою повесть-исповедь "Записки сумасшедшего". Я не стану

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

сейчас говорить о призыве Павла стать безумными, о " [1]" Тертуллиана. Это все достаточно хорошо известно. Я хочу рассмотреть это явление на сугубо психологическом уровне.

Безумие – реакция субъективная, основанная на инстинкте самосохранения, на потребности защититься от разрушительного стресса.

Но радость-то объективна. Когда все душевные силы сосредоточены на переживании страдания, где-то в подполье сознания копится чистая, беспримесная радость.

Это говорит о какой-то гармонии, присутствующей в мире. Но гармония эта означает ли присутствие в нем Бога? Во всяком случае в гармонию нельзя верить религиозно. В религии необходимы присутствие страха Божия. Правда слово "страх" в данном случае лишь запутывает, ибо отражает, да и то неточно, только эмоциональную сторону состояния верующего. Религиозный страх – это способ познания тайны Бога. Чем больше проникаешь в нее, тем глубже становится тайна. (Это место не мое, а Антония Сурожского). Страх этот близок к изумлению и приблизительно может быть обозначен словом "благоговение".

Но как же быть тогда со страхом обращающегося: настоящим, жестоким, животным страхом? Будем ли мы его третировать, как что-то низменное, бездуховное? Может быть мы напрасно с таким презрением относимся к безрелигиозному страху. Он, как мы убедились, может приготовить путь страху Божьему, так же как любовь человеческая может размягчить сердце для принятия Божественной любви. (А. Сурожский говорил о том, как одна девушка с глубоким религиозным проникновением рассказывала ему о своей любви к жениху).

Но снова "мысль ужасная". А что, если, как утверждают атеисты, и страх Божий и христианская любовь лишь сублимация обычных человеческих страха и любви? Все зыбко, все непрочно, все мучительно двоится.

Меня тревожит еще одно понятие в христианстве – понятие награды. Многие склонны ожидать от религии вознаграждения за перенесенные скорби. Но ведь и труд, и страсти, и страдания, то из чего состоит наша жизнь, – это явления одного и того же порядка. Земная история человека начинается со слов Бога: "В поте лица будешь добывать хлеб свой". Вся жизнь представляет собою ТРУД – постоянное физическое и психологическое изнурение. Даже о юности Соломон говорит: "Лучшие годы: труды и болезни".

Причем, все переносимые человеком скорби, абсолютно бессмысленны. Человек обречен вечной участи Сизифа, ибо не унесет в могилу плода

1. [Пробел в машинописи.]

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

трудов своих. А чем лучше страсти? Даже самая сильная и приносящая наибольшее наслаждение позорно механистична и бессмысленна. Это та же повинность, которую человек отбывает на жизненном поприще. "Радость человеческая причисляется к страданию теми, кто умеет рассуждать", – гласит древнеиндийская мудрость. Жизнь и страдание – синонимы. Не должно быть не только смерти, как говорит герой – автор "Записок сумасшедшего", но, главное, не должно быть и жизни. Потому, что то унизительное и безобразное шутовство, которое мы так именуем не может быть вознаграждено ничем. Нам не нужно блаженства как награды. Мы "почтительнейше возвращаем" билет.

Но на каких же условиях мы все-таки согласимся принять его?

Помню, когда я работал 2 недели в Псково-Печерском монастыре, меня пригласил Алипий и дал мне в конверте 200 рублей. Это была не плата за труд (который, конечно, не стоил такой суммы), это был дар "благословение". Так же и блаженство не зависит от житейских трудов, оно не награда, а благословение. "Кто жаждет, пусть приходит и даром пьет из источника воды живой," – говорит Христос.

И приходящий не ищет награды, он просто отдает себя Христу. А будучи принят Христом, перестает жить. Не важно: будь то духовное состояние человека в мире или полный уход от мира. Можно сказать так: "Если ты не блажен, значит ты еще не уверовал". Хотя блаженство может вовсе не выражаться в каких-то конкретных, понятийных, доступных внешнему восприятию формах. Блаженство во Христе как-бы полностью освобождает человека из-под законов мира. Именно поэтому христианин может продолжать жить по этим законам. Правда, скорее всего он не захочет этого, ибо зачем ему обрекать себя на "скорби по плоти". В такой свободе от награды и возмездия хотела бы жить душа. Только ее способна принять она от Бога без изысканного карамазовского жеста. Это, конечно, рассуждение лишенное благочестия, но даже величайшие из христиан (тот же Достоевский) мучились подобными сомнениями. Какой же выход возможен из этой зыбкой игры ума? Мне кажется, что он намечается в очень интересном наблюдении Мышкина. – Сколько он не говорил с атеистами о религии, ему всегда казалось, что как бы верно и хорошо они ни говорили, но все "не о том". Так о чем же говорить, когда речь заходит о вере?

Атеизм, рациональное сознание действует в соприкосновении с верою наподобие поршню, который давит на жидкость и все время теснит,

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of “37” № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

поднимает ее, но никак не в состоянии в нее погрузиться. Он последовательно уничтожает все аргументы веры; но она, полностью утрачивая смысловой параметр, становится от этого, как бы еще более обоснованной.

Может быть именно критика ее логических основ и является единственным верным способом ее утверждения? И никогда нельзя говорить "о том", т. к. не существует слов для его выражения. И может быть, современный атеист, говорящий о вере, проповедует ее лучше, чем современный христианин, то и дело твердящий: "верую". Мне кажется, что эта мысль близка к новейшим теологическим исследованиям, в частности тому, что на предыдущем семинаре говорила Татьяна Горичева.

Мышкинское "ТО", может быть единственно возможное определение религиозного мировосприятия, единственная точка равновесия на этом коромысле двусмысленностей. Ни дела, ни проповедь, ни даже любовь не являются объективными свидетельствами истинности нашего христианства. Все это может быть христианничание, камуфляж, восприятие себя как христианина. "Христианство великолепная афера, не правда ли?" – говорит один из героев Голсуорси.

Сейчас весьма распространен тип христианина духовно богатого, обладающего немалым запасом духовных ценностей. Он уже царствует в мире сем: председательствует, выступает, проповедует. Но его так же, как нищего и невежественного ожидают игольные уши.

"Не препятствуйте детям приходить ко мне", – говорит Христос.

Только детское, непосредственное, недосягаемое для любого вида корысти сможем пронести мы в Царствие Небесное.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

В. ВЕРЕТЕННИКОВ

Психологическая основа всякой религии – непосредственное откровение. Единая религия есть сверхрелигия по отношению ко всем историческим формам религии. Она есть высший синтез не только всех прежних религий, но всех форм общественного сознания: религии, этики, философии, искусства и науки. Она не есть новая форма религии или новый социально-психологический феномен, а есть единая духовная основа и сущность всех этих форм и феноменов, причем не отвергающая все внешние и частные формы религии, а полностью подчиняющая их себе, проявляющаяся в них с максимальной силой и яркостью и дающая им из себя смысл и жизнь, которых они не могут иметь сами по себе, без нее. Она ликвидирует отчужденность религиозных форм от их духовной основы, уничтожает противоречие между формой и содержанием. Она есть религия, как таковая: не новая религия, а вечная религия. В этой религии от века разрешены все противоречия и царит абсолютная гармония. Эта религия – не от мира сего. Кто исповедует единую религию, тот уже не принадлежит этому миру.

Все религии учат Одному. Все есть Одно, и, кроме Единого Бога, нет ничего. Все боги, ангелы, духи, люди, животные, растения, камни и т. д. суть проявления Единого Бога. Один Бог реален, мир – нереален. Бог есть Добро, Истина и Красота, мир – зло, ложь и мерзость. Любовь к миру есть вражда против Бога. Один Бог, одна вера и одна Церковь. Единая Церковь есть единство всех существ в Боге.

Единая религия не возвещает о конце света, а делает конец света. Тотальная духовная революция – революция 2-го пришествия.

Бог-Сын есть Вечное Слово, Вечное Откровение, Вечное Евангелие, воплощение Творца в творении. Слово должно быть сказано в России.

Придти к Богу можно только через Слово. Способ познания Бога-Истины – деятельная любовь. Познание есть крестный опыт, восхождение на Голгофу. Понять – значит возлюбить, как возлюбил Христос. Истинно только то, что свято.

Самоотречение. Искренность. Одержимость. Юродство. Жизнь – это ложь и грех. Любовь к смерти, как проявление любви к вечной, истинной жизни, к Богу. Жить для Бога – значит умереть для мира и того, что в нем. Неотмирность. Дети Единого Бога – люди нового типа, существа не от мира сего, наследники Царства Божьего.

The Samizdat Journal 37, in the Electronic Archive *Project for the Study of Dissidence and Samizdat*, ed. Ann Komaromi, Toronto: University of Toronto Libraries, 2015. Transcript based on the copy of "37" № 9 (1977) at the Historical Archive, Institute for the Study of Eastern Europe, University of Bremen, F. 75.

Тотальный мировой кризис. Последний решительный выбор для каждого: или с Богом, или с сатаной, или с Христом, или – с Антихристом. Выбор не "для себя", а "себя", не для своего "я", а своего "Я". Путь к Богу – это борьба с сатаной. Армагеддон.